ГОДЪ

РУССКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА.

Зарайскій уѣздъ, Рязанской губерніи.

В. В. Селиванова.

РЯЗАНЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1887.

Предисловіе.

«Годъ Русскаго Земледѣльца» былъ напечатанъ ровно тридцать лѣтъ назадъ въ Журналѣ «Русская Бесѣда» за 1856 и 1857 гг. Появленіе его было встрѣчено читающей публикой чрезвычайно благосклонно и послѣ того неоднократно помѣщались отрывки и извлеченія изъ этого сочиненія во многихъ сборникахъ и христоматіяхъ. Представляя собою единственный въ своемъ родѣ полный этнографическій очеркъ быта русскаго крестьянина средней полосы Россіи, «Годъ Русскаго Земледѣльца» и до сего времени не утратилъ своего интереса, хотя многое изъ описаннаго здѣсь, послѣ тѣхъ глубокихъ перемѣнъ, которыя произведены въ народной жизни реформами прошлаго царствованія, нынѣ отошло уже въ область исторіи.

Авторъ означеннаго сочиненія, Василій Васильевичъ Селивановъ, родился 28 Февраля 1813 г. въ г. Зарайскѣ, Рязанской губерніи. Получивъ воспитаніе въ частномъ Пансіонѣ Кистера въ Москвѣ, онъ поступилъ въ военную службу въ Драгунскій Казанскій полкъ; участвовалъ въ Польской компаніи 1830 года; по выходѣ въ отставку въ чинѣ Капитана, онъ около 13 лѣтъ прожилъ въ деревнѣ, занимаясь хозяйствомъ. Къ этому времени, съ 1843 по 1857 г., относятся его труды по археологіи, а также большая часть литературныхъ произведеній. Съ 1857 г. онъ поступилъ на службу въ Рязанскую Палату Госуд. Имуществъ, гдѣ пробылъ до 1859 г., затѣмъ служилъ около 9 лѣтъ въ Москов.

Воспитат. Домѣ. Послѣдніе годы онъ поселился въ своемъ Зарайскомъ имѣніи и посвятилъ себя земской дѣятельности: былъ Уѣзднымъ и Губернскимъ Гласнымъ, Предсѣдателемъ Училищнаго Совѣта и Непремѣн. Членомъ Уѣзднаго по Крест. Дѣламъ Присутствія. 12 Августа 1875 г. онъ скончался отъ разрыва сердца, оплакиваемый всѣми его знавшими. Послѣ него остался цѣлый рядъ сочиненій, изъ коихъ безпорно первое мѣсто занимаетъ вторично издаваемый нынѣ очеркъ.

А. С.

ГОДЪ РУССКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА.

ЗАРАЙСКІЙ УѢЗДЪ, РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

I.

ВЕСНА.

Годъ гражданскій прежде начинался съ Марта, потомъ съ Сентября, наконецъ положили начинать его съ 1-го Января: но для селянина всего ближе начинать рабочій свой годъ по старому, съ Марта мѣсяца, съ праздника Благовѣщенія; для поселянъ съ этого праздника начинается дѣятельное приготовленіе къ весеннимъ занятіямъ. Находившіеся въ отлучкахъ для заработковъ въ Питерѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ государства, и въ продолженіи зимы добывавшіе копѣйку въ домъ извозомъ, поденною работою или на фабрикахъ и на заводахъ, члены семействъ возвращаются къ этому празднику подъ родимый кровъ, принося заработанныя деньги отцу или главѣ семейства, подарки женамъ и гостинцы дѣтямъ. Новый синій кафтанъ, новые сапоги и шапка—лучшія доказательства его зимней дѣятельности, трудовъ и бережливости. Семейство радуется и гордится имъ; вся деревня глядитъ на него съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Въ Благовѣщеніе къ обѣднѣ въ первый разъ надѣвается этотъ блистательный нарядъ, и ужъ послѣ этого весь приходъ знаетъ, что «вотъ, молъ, воротился изъ Питера такой-то, и самъ одѣлся, и домой принесъ: мужикъ настоящій!...»

Въ праздникъ Благовѣщенія, за проскомидіею вынимаются просфоры. Эти просфоры берегутъ ко дню начала пахоты; что же дѣлается съ этими просфорами, увидимъ ниже. Ежели въ праздникъ Благовѣщенія небо безоблачно, солнышко свѣтитъ ярко: быть грозному лѣту; а ежели гроза, то быть благорастворенію воздуха, перемочкамъ, пару и непремѣннымъ слѣдствіямъ всего этого—

урожаю. Ежели жъ, на оборотъ, въ этотъ священный день бываетъ пасмурно, то и праздникъ не въ праздникъ: не такъ звучитъ и призывный къ обѣднѣ колоколъ, не сулитъ день хорошаго урожая, не радуется сердце.

Къ празднику Благовѣщенія почти окончены зимнія занятія бабъ. Гребень, прялка (*) и донце отброшены въ уголъ: все, что нужно, и ленъ, и посконь, и шерсть, все спрядено. Давно уже задній уголъ избы занятъ станомъ грубой работы; на немъ красуется основа или холста, или пеструшки, на узоры которой, покачивая головой, съ затаеннымъ дыханіемъ любуется сосѣдка, и цѣлый день въ избѣ раздается отъ подножекъ, приводимыхъ въ движеніе босыми ногами, и узенькаго берда однообразное въ два тона: кракъ, тукъ! тукъ, кракъ! тукъ, тукъ!

Солнышко свѣтитъ ярко; по улицѣ бѣгутъ ручьи грязной воды; заваленки около избы обнажились и просохли по лѣтнему, ребятишки съ утра до ночи въ однѣхъ рубашенкахъ играютъ на пригревѣ солнышка, и только морозецъ къ вечеру и голосъ матери, зовущій ужинать, засвѣтло загоняетъ ихъ въ избу. Засвѣтло, потому что съ Благовѣщенія уже не зажигаютъ лучины и сальника, ужинаютъ безъ огня до самаго до Успенья, ночи не сидятъ за работой и послѣ ужина до разсвѣта все спитъ въ мирной избѣ.

Санный путь оканчивается съ Благовѣщеніемъ. «*Недѣлю переѣдешь или недѣлю не доѣдешь*», гласитъ старинная Русская поговорка. По большей части, въ средней полосѣ Россіи почти всегда переѣжаютъ недѣлю и потому благоразумный домохозяинъ, пользуясь послѣднимъ путемъ, везетъ на ближнюю мельницу оставшуюся рожь за тѣмъ, что скоро проѣзда не будетъ и, пожалуй, къ Свѣтлому празднику останешься безъ муки. Ѣдутъ на ближній базаръ закупить пшена или крупъ, да привезенной къ тому времени изъ степныхъ мѣстъ солонины для разговѣнья, да солоду на брагу; не увидишь, какъ время пройдетъ.

Но вотъ, рѣки, рѣчки и ручьи въ разливѣ; луга затоплены: проѣзду нѣтъ ни въ саняхъ, ни въ телѣгѣ. Лошадямъ, изнуреннымъ зимнею работою, холодомъ и скуднымъ кормомъ, наступаетъ время отдыха. До пахоты не далеко, думаетъ мужикъ, а кляча и

(*) Деревянная вилка, на которой прядутъ шерсть.

бороны не сволочитъ. Надобно прикормить лошадь, а сѣнца нѣтъ; да и яровой соломки на малѣ; а тутъ и кобыла ожеребилась.... и въ слѣдствіе этого начинается болѣе утонченное и искусственное хозяйство: ржаная солома рубится топоромъ, посыпается мукой, и въ колодѣ мѣсится на теплой водѣ: это называется кормить мѣсивомъ. Жеребенку на шею навѣшивается связанный изъ палочекъ крестикъ на обрывочкѣ, чтобы лихой не повредилъ. Въ это же время осматриваются нужныя для полевыхъ работъ орудія. Перебитый сошникъ замѣняется новымъ или несется для починки въ ближнюю кузницу; чинится соха, вяжется новая борона. Торопись мужикъ, до Велика дня не далеко, а съ Ѳоминой пахота.

Случается, что Святая недѣля бываетъ поздно, или весна бываетъ рано. Отъ теплыхъ лучей солнца и весенняго вѣтра рано просыхаетъ земля, и на Святой недѣлѣ, какъ разъ, готова къ пахотѣ; къ томужъ овесъ любитъ сѣвъ ранній, а тутъ праздники. Какъ быть? Нѣмецъ и великоученый агрономъ, пожалуй, сочтутъ невѣжествомъ упускать настоящіе дни сѣва изъ суевѣрнаго уваженія къ празднику: что лучше, молъ, работать, нежели гулять и тратить невозвратное время. Но православный мужичекъ судитъ иначе. И прадѣды, и дѣды завѣщали ему не пахать на Святой. Господь захочетъ, такъ хлѣбъ уродится и при поздней пахотѣ; изстари замѣчено, что кто, не уповая на милость Божію, боясь упустить время, сѣялъ въ великіе дни Святой Пасхи, тотъ никогда не имѣлъ удачи: или продолжительная засуха въ началѣ сѣва не выгонитъ изъ земли всходовъ, или взошли быстро, поднялись въ полъ роста, да и закоржавѣли отъ засухи въ то время, когда бы нужно наливаться зерну; то нежданный туманъ хватитъ, то откуда ни возьмутся стаи грачей - побьютъ прежде другихъ налившійся овесъ. Пусть, что Господь дастъ, а на Святой не паши и не сѣй. Господь пошлетъ дождей во время, и поздній сѣвъ бываетъ лучше ранняго.

Къ томужъ на пятой недѣлѣ послѣ Святой всегда дожди *живутъ* (*). Въ Великій четвергъ на Страстной, еще до свѣту, въ темнотѣ иные ходятъ купаться въ прорубь, чтобы быть здоровыми на цѣлый годъ. Въ Великій четвергъ сѣютъ капустную разсаду, чтобъ мошка не истребила. Ежели Страстная недѣля бы-

(*) Народная примѣта.

ваетъ рано, еще на снѣгу, то разрываютъ снѣгъ, заранѣе приготовляютъ гряду, и разсаду все таки сѣютъ. Въ Великій четвергъ жгутъ соль и этой солью солятъ ветчину, чтобы червь не заводился. Соль употребляютъ также въ Свѣтлое Христово Воскресенье при разговѣньи; чтобъ сжечь соль, ее сперва смѣшиваютъ съ квасной гущей, и потомъ, завернувъ и завязавъ въ ветошку, бросаютъ въ печь въ самый жаръ. Отъ дѣйствія огня соль съ гущей скипится въ одну сплошную массу, которую и толкутъ въ ступкѣ.

Съ четверга Страстной недѣли начинаются приготовленія къ празднику. Мужикъ ѣдетъ за виномъ въ кабакъ, да за мяснымъ на базаръ: бабы варятъ брагу, все забывается, одно помышленіе о встрѣчѣ Свѣтлаго дня Воскресенія. Народъ изъ деревень съ вечера отправляется въ приходское село, кто пѣшій, кто въ телѣгѣ или въ саняхъ. Все начало ночи до заутрени народъ толпится въ ближайшихъ къ церкви избахъ: въ избахъ дьячковъ, въ богадѣльнѣ, а имѣющіе вѣсъ въ приходскомъ обществѣ, въ домѣ священника. Въ домахъ никто не спалъ и не станетъ спать въ ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе: грѣхъ. Кто и не идетъ къ заутрени, старики, старушки, деньщицы, т. е. та баба изъ семьи, которой въ этотъ день про родителей топить печь, варить обѣдъ, подместь избу и проч., оставаясь дома, всю ночь молятся предъ иконами съ зажженной предъ ними лампадкой или свѣчкой изъ желтаго воска.

Во время заутрени и обѣдни, на правомъ клиросѣ къ дьячку присоединяются любители пѣвчіе изъ крестьянъ. Въ иныхъ селахъ заранѣе спѣваются и поютъ изрядно; въ другихъ, и по большей части, безъ всякаго искусства, но всегда очень громко, отъ души, всегда проникнутые сочувствіемъ къ великому празднику. Когда въ концѣ заутрени священникъ выходитъ съ причтомъ, съ крестомъ и образами христосоваться съ народомъ, крестьяне, христосуясь съ ними, даютъ имъ по красненькому яичку. Дьячки возлѣ себя ставятъ иногда, также съ образами, и пришедшихъ на побывку къ празднику своихъ сыновей. Это дѣлается для умноженія дохода, потому что сборъ красныхъ яицъ бываетъ довольно значителенъ. За священникомъ, дьякономъ и дьячками стоятъ кошолки и кузова, въ которые опускаются получаемыя яица.

Когда заутреня отойдетъ, народъ до обѣдни расходится по со-

сѣднимъ избамъ, или садятся на паперть и на могильныхъ камняхъ и бугоркахъ кладбища. Тутъ ожидаютъ восхожденія солнца, чтобъ посмотрѣть, какъ оно будетъ играть: на Свѣтлое Воскресеніе и солнышко играетъ; а между тѣмъ жаворонки оглашаютъ воздухъ своими пѣснями. Собранныя причьтомъ яица несутся въ дома, гдѣ хозяйки, за невозможностію ихъ съѣсть въ скорости, иногда продаютъ, а по большей части солятъ въ прокъ. Солятъ ихъ такимъ образомъ: такъ какъ онѣ окрашены, стало сварены въ крутую, то ихъ разрѣзываютъ на половинки, кладутъ слоями въ кадочку и пересыпаютъ каждый слой солью, потомъ накладываютъ кружекъ и на него камень для гнета. Яица, такъ приготовленныя, употребляются преимущественно изрубленными, съ квасомъ и съ лукомъ, на ужинъ или завтракъ, во время покосовъ и другихъ работъ, и самими хозяевами, а по большей части наемными работниками и работницами.

Въ обѣдню молящимися примѣтно уже одолѣваетъ дремота. У многихъ глаза слипаются, и хоръ пѣвчихъ поетъ въ разладъ. Надъ пасхами изъ сыраго творогу и куличами, принесенными въ церковь изъ каждаго двора въ приходѣ, горитъ по грошевой свѣчкѣ. И когда священникъ прочтетъ молитву, то отъ каждой пасхи и кулича отрѣзывается кусокъ въ пользу причта Кто жъ не желаетъ, чтобъ пасха и куличъ были рѣзаны, то платитъ за освященіе гроша два или три, глядя по состоянію.

Въ имѣніи, гдѣ живетъ помѣщикъ, всѣ крестьяне, мужики и бабы, отъ мала до велика, идутъ прямо послѣ обѣдни въ барскій домъ разгавливаться. Если случится военный постой, то и солдаты. Когда городская семья разговѣлась, на томъ же столѣ, въ залѣ ставится огромный куличъ и пасха, нарочно приготовленные для народа. Крестьяне христосуются съ бариномъ, барынею, барышнями и дѣтьми въ губы, по три раза, и даютъ красныя яички, которыя отдаются по большей части ихъ же дѣтямъ или холостымъ ребятамъ и горничнымъ, и вообще тѣмъ, которые не имѣютъ своего хозяйства.

Потомъ каждому изъ разгавливающихся подносятъ по рюмкѣ вина; всѣ пьютъ брагу и, поблагодаривъ господъ, расходятся по домамъ. Такъ до сихъ поръ ведется изстари во многихъ домахъ. И гдѣ мнимая цивилизація и западное просвѣщеніе еще не убили благословенныхъ обычаевъ предковъ, то до сего времени, подъ

двунадесятые праздники и другіе большіе, чтимые народомъ, въ залахъ господскаго дома служатся всенощныя, на которыя собираются желающіе молиться со всей деревни, и дворовые, и крестьяне всѣхъ возрастовъ обоего пола. Это сближеніе господъ съ народомъ имѣетъ высокій нравственный смыслъ. Конечно на другой день неизбѣжно понадобится хорошо вымыть полъ, и потому въ тѣхъ домахъ, гдѣ существуютъ лакированные паркеты и чистота половъ стала выше чистоты нравственной, тамъ этотъ обычай уже не исполняется.

Въ Страстную субботу строятъ качели, состоящія изъ шести бревенъ, поставленныхъ въ козлы и связанныхъ вверху хворостомъ. На нихъ кладется перекладина; на перекладину надѣваются кольца изъ хвороста или загнутыхъ молодыхъ дубчиковъ и къ нимъ привязываются двѣ веревки. На веревки кладется доска, аршина въ два съ половиною, и качели готовы. На нихъ качаться не будутъ, и подъ ними пѣсенъ *играть* (*) не станутъ, пока не посѣтятъ деревню образа. Въ назначенный отъ приходскаго священника для хожденія съ образами день идутъ къ заутренѣ изъ деревни богоносы, мужики и бабы, парни и дѣвки, по большей части по обѣщанію, данному за исцѣленіе болѣзни или минованіе другаго какого горя, для исполненія святаго дѣла, ношенія образовъ. Вся деревня готовится къ встрѣчѣ и, когда стоящіе у околицы ребятишки закричатъ: «идутъ! идутъ!» вся деревня приходитъ въ движеніе: и старый, и малый, и бѣжитъ, и едва плетется, опираясь на палку, все торопится во срѣтеніе святыхъ посѣтителей. Далеко еще заслышавъ пѣніе причта, сердца ожидающихъ наполняются восторженнымъ благоговѣніемъ, и когда блеснутъ лучами солнца вѣнцы на святыхъ иконахъ и животворящій крестъ въ рукѣ священника, начинаютъ молиться: иные крестятся, призывая про себя имя Господне, другіе, повергаясь ницъ, творятъ земные поклоны.

Въ имѣніи, гдѣ есть господскій домъ, образа прямо идутъ на барскій дворъ, гдѣ среди двора изготовляется накрытый скатертью столъ. Подъ столомъ клокъ сѣна, на столѣ мѣра съ овсомъ, въ которомъ засыпано нѣсколько сырыхъ яицъ и воткнута рогулька съ прилѣпленной къ ней восковой свѣчей. На столъ иногда ста-

(*) Поютъ въ церквахъ, поютъ молебны, а пѣсни играютъ.

вятся и другія хозяйственныя зерна: пшеница, горохъ, просо, ячмень, гречиха въ четверикахъ, гарнцахъ, полумѣркахъ и проч. Всѣ эти образцы хлѣбовъ, по окончаніи молебна, высыпаются по закромамъ въ приготовленныя для сѣва сѣмена. Когда образа придутъ къ столу, богоносы становятся рядомъ, предъ образами зажигаютъ свѣчи. Священникъ начинаетъ молебенъ.

Послѣ молебна образа идутъ или въ домъ, или по дворамъ и, обойдя деревню, возвращаются въ домъ, гдѣ иногда, по отдаленности отъ села, образа ночуютъ. Тутъ благочестивыя старушки остаются на стражѣ при святыхъ иконахъ, перемѣняя догорающія свѣчи и молясь всю ночь, до восхожденія солнца. Въ каждой избѣ, когда обходятъ образа деревню, служится молебенъ, а послѣ онаго образа устанавливаются въ переднемъ углу, и священникъ, дьячки и богоносы непремѣнно должны присѣсть къ накрытому столу, отвѣдать хозяйской хлѣба-соли, да браги, бабьей работы. Посидѣвши за столомъ и поблагодаривъ хозяина и хозяйку за угощеніе, встаютъ, поднимаютъ образа и съ пѣніемъ: «Христосъ Воскресе» выходятъ изъ избы на улицу, напутствуемые благословеніемъ и благодарностію, и получивъ за молебенъ отъ хозяина копѣекъ 15 серебромъ деньгами, нѣсколько пироговъ и круговъ хлѣба. Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай а потому всякій приходъ имѣетъ положеніе, утвержденное обычаемъ, сколько давать пироговъ и сколько круговъ хлѣба. Бабы жертвуютъ на образа холстъ, по своимъ достаткамъ: богата или усердна та, которая пожертвуетъ кусокъ въ 20 аршинъ, а по большей части жертвуютъ куски отъ 1-го до 10 аршинъ. Холстъ этотъ староста церковный продаетъ, и деньги обращаются въ церковный доходъ.

Когда всѣ дворы обойдены, образа идутъ къ часовнѣ. У часовни опять для проводовъ приготовленъ столикъ съ хлѣбами и пирогами, стоитъ полштофикъ съ водкой и кувшинъ браги. Служится молебенъ; при чтеніи Евангелія, подъ епитрахиль преклоняетъ голову староста, а по окончаніи молебна, священникъ благословляетъ одного или двухъ, назначенныхъ для начала пахоты крестьянъ, при чемъ даетъ имъ по кругу хлѣба. По окончаніи молебна, староста угощаетъ дьячковъ и богоносовъ прощальной рюмкой, и образа уходятъ съ пѣніемъ святыхъ канововъ, провожаемые до околицы жителями.

Преданіе говоритъ, что въ старинное время у часовни, по окончаніи молебна, бабы, по снятіи священникомъ облаченія, катали попа по землѣ, чтобъ ленъ родился. Говорятъ, что при катаніи попа приговаривали: «*Каковъ попокъ, таковъ и ленокъ*». По отбытіи образовъ, начинаются народныя забавы: качели, пѣсни, хороводы. Когда образа въ деревнѣ, изъ другихъ деревень прихода стекаются въ ту деревню гости и родственники. Всѣмъ пріемъ, всѣмъ гостепріимство, и знакомому, и незнакомому, и родному, и чужому, но съ разсчетомъ: дорогому гостю винца и мягкой свининки да бражки; для гостя-посѣтителя—«сынокъ», т. е. брага втораго сорта, кушай сколько душѣ угодно, да пирожокъ безъ начинки, да солонинка, невзначай недовареная, подъ часъ не укусишь: всяко бываетъ.

Такъ проходитъ Святая недѣля, и наступаетъ Красная горка. Красная горка есть пора свадебъ чуть ли не по всей Россіи. Но свадьбы оставимъ до другаго времени. Воскресенье, (*) въ недѣлю женъ Муроносицъ, называется бабьимъ праздникомъ. Въ этотъ день нѣкоторыя изъ бабъ служатъ молебны, другія дѣлаютъ складчину и устраиваютъ пирушку. Ходятъ другъ къ дружкѣ въ гости и вездѣ находятъ радушный пріемъ и угощеніе. У бабъ существуетъ поговорка: «мужики за пахоту, а бабы за стряпню». Въ иныхъ господскихъ домахъ дворовыя женщины приходятъ къ барынѣ въ этотъ день, поздравляютъ съ праздникомъ и приносятъ въ даръ яйца своихъ куръ, или стаканъ сливокъ, или другую какую—нибудь бездѣлицу.

Пока до просухи крестьяне занимаются городьбою и поправками построекъ. Зима съ своими бурями и сугробами надѣлала большихъ безпорядковъ. Гдѣ разнесло солому съ крышъ, гдѣ повалило плетни, а гдѣ бабы ихъ поразобрали во время зимней стужи, да пожгли въ печкѣ. Тамъ снѣгомъ пелену обдавило, а иное что отъ ветхости упало, зимой вѣдь чинить нельзя или трудно. Гдѣ подставитъ мужикъ, гдѣ заново исправитъ, гдѣ покроетъ остатками соломы, тамъ плетень заплететъ; а бабы между тѣмъ разсушиваютъ «солнышкомъ» оставшуюся рожь, разсыпаютъ ее на веретьяхъ противъ воротъ, на улицѣ или въ усадьбѣ.

(*) Въ это Воскресеніе въ иныхъ мѣстахъ Рязанской губерніи послѣ обѣдни бываетъ молебенъ около церкви, выносятъ образа и весь народъ въ этотъ день сходится, если не къ обѣднѣ, то къ молебну.

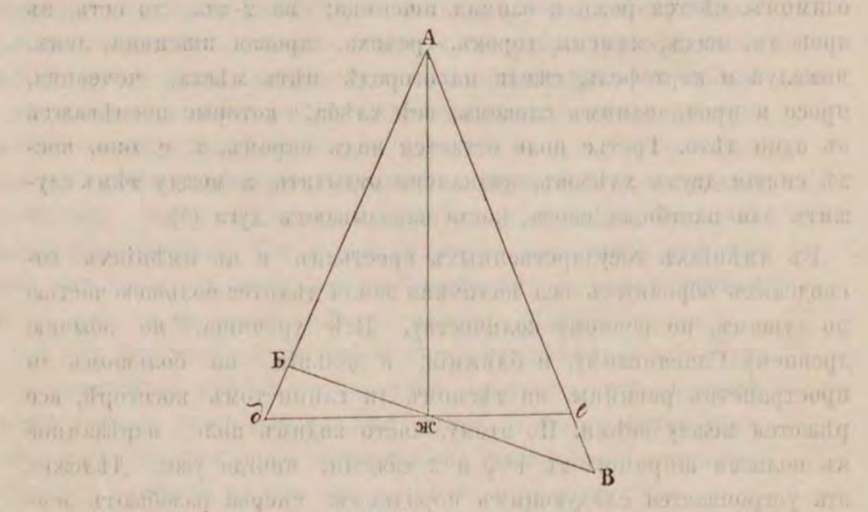
Но вотъ нашла тучка, въ воздухѣ не колыхнетъ; вода на прудѣ не шелохнетъ. Паръ на дворѣ, какъ въ банѣ, такъ и обдаетъ потомъ. Птицы летаютъ низко.... Все тихо; только пѣтухъ кричитъ по своему обычаю во все горло, да курица что-то прокудахчетъ въ отвѣтъ. Наконецъ вдали слышны раскаты грома и всѣ, кто слышитъ, крестятся. «Ну малый, пора сѣвъ зачинать», говоритъ мужикъ. «Тепла Богъ даетъ», говоритъ баба. И мужики, и бабы, и дѣвки, и ребята, въ особенности дѣвки, всѣ бѣгутъ купаться. Кто боится купаться, умываются чрезъ обручальное кольце для здоровья, или обливаются изъ подойника, положивъ въ него яйце: и самой на здоровье, и корова чтобъ давала больше молока да чтобъ и куры неслись. «Пора пахать, повторяетъ мужикъ, ужъ и грому Богъ далъ, и лѣсъ одѣвается». Наступилъ теплый вечеръ: въ лѣсу щелкнулъ соловей первую пѣсню. Слава Богу, что соловей поетъ, когда уже лѣсъ почти одѣлся. Не быть урожаю, ежели соловей поетъ въ голомъ лѣсу.

Русское сельское хозяйство дѣлитъ изстари пахатную землю на три поля, что чрезвычайно соотвѣтствуетъ простору нашихъ земель и малочисленности рабочихъ рукъ, сравнительно съ населенностію другихъ Европейскихъ государствѣ. Въ 1-мъ полѣ, озимомъ, сѣется рожь и озимая пшеница; во 2-мъ, то есть, въ яровомъ, овесъ, ячмень, горохъ, гречиха, яровая пшеница, ленъ, пожалуй и картофель, ежели на огородѣ нѣтъ мѣста, чечевица, просо и проч., однимъ словомъ, всѣ хлѣба, которые поспѣваютъ въ одно лѣто. Третье поле остается подъ паромъ, т. е. оно, послѣ снятія двухъ хлѣбовъ, назначено отдыхать, а между тѣмъ служитъ для пастбища скота, когда заказываютъ луга (*).

Въ имѣніяхъ государственныхъ крестьянъ и въ имѣніяхъ господскихъ оброчныхъ вся наличная земля дѣлится большею частью по душамъ, по ровному количеству. Всѣ урочища, по обычаю древнему Славянскому, и ближнія, и дальнія, на большомъ ли пространствѣ равнины, на тѣсномъ ли глинистомъ косогорѣ, все рѣжется между всѣми. По этому, часто видимъ поле, изрѣзанное въ полоски шириною въ $1^1/_2$ и 2 сажени, иногда уже. Дѣлежка эта устроивается слѣдующимъ порядкомъ: сперва разобьютъ землю на сороковыя или на тридцатыя десятины. Въ этомъ дѣлѣ не

(*) О заказываніи луговъ будетъ сказано далѣе.

участвуетъ ни астролябія, ни цѣпь, а единственное орудіе—жердь, длиною сажени въ двѣ или болѣе, гдѣ какъ заведено, но только опредѣленной мѣры. Такою жердью (положимъ въ двѣ сажени) отмѣриваютъ въ длину 25 жердей, въ ширину 24 жерди, и вотъ десятина въ натурѣ готова. Для опредѣленія перпендикулярныхъ линій берутъ палочку, а не случится, то прямую былинку или соломинку, положатъ по направленію линіи, къ которой нужно поставить перпендикуляръ, а поперекъ этой палочки положатъ на крестъ другую, хоть на глазокъ, но какъ можно правильнѣе и, по направленію этой палочки, опредѣляютъ линію кольями или вѣхами. Но не вездѣ можно рѣзать на четыреугольники. Иногда мѣстность представляетъ участокъ земли въ видѣ неправильнаго треугольника, который нужно измѣрить; тогда приступаютъ къ дѣйствію другаго рода. Вотъ какъ это дѣлается. Возьмемъ для примѣра треугольникъ А, Б, В. Сперва отъ вершины угла А проводятъ линію къ линіи БВ, наблюдая, чтобъ она прошла совершенно на ровномъ разстояніи между линіями АБ, и АВ; и въ томъ мѣстѣ, гдѣ она встрѣтится съ линіею БВ, въ точкѣ *ж* ставится къ линіи Аж перпендикуляръ, который однимъ концемъ пересѣкаетъ линію АВ, въ точкѣ С, а другимъ концемъ продол-

женную линію АБ въ точкѣ *д*. Когда это сдѣлаютъ, тогда вымѣриваютъ саженями длину линій Аж и *же*; помножаютъ одну на другую и произведеніе этого помноженія будетъ искомое число

квадратныхъ сажень въ данной площади (*). Разбивъ такимъ образомъ землю на десятины, раздѣляютъ ее по качеству на три или на четыре разряда; на примѣръ: 60 десятинъ лучшей земли, 85 похуже, 90 еще хуже и 100 десятинъ самой плохой. Послѣ этого число наличныхъ душъ, между которыми дѣлится земля, раздѣляютъ на «выти», отъ сорока до пятидесяти душъ въ каждой. Число вытей и заключающихся въ нихъ душъ есть произвольное. Но выти, по числу душъ, дѣлятся такъ, чтобъ остатка не оставалось,—на примѣръ: ежели въ деревнѣ 120 душъ, то тутъ три выти по 40 душъ; ежели 135 душъ, то три выти по 45 душъ; въ 200 душахъ четыре выти по 50 душъ, или пять вытей по 40 душъ. Это какъ-то удобнѣе. Ежели жъ одна или двѣ души остаются отъ разсчета, то онѣ называются «завытными» и надѣляются землею особо. Раздѣливъ души на выти, по числу ихъ дѣлятъ каждаго качества землю на равныя части и бросаютъ жеребья, какой выти какой участокъ во всѣхъ разрядахъ достанется. Каждая выть, получивъ землю, опять сортируетъ ее по качествамъ на четыре или на пять разрядовъ во всѣхъ первоначально полученныхъ отъ общества участкахъ, и потомъ, сами раздѣлившись на 4 или на 5 частей, отъ 10 до 12 душъ, бросаютъ жеребій, какому десятку какой участокъ достанется. Послѣ этого каждая часть выти, раздѣливъ, по числу составляющихъ ее душъ, доставшуюся землю, кому какимъ клочкомъ владѣть,—рѣшаютъ жеребьями. Случается, что, какъ ни дроби, все кому-нибудь достается уголокъ земли похуже; тогда на этотъ участокъ накидываютъ деньгами рубля 2 или 3 серебромъ единовременно, или такъ, какъ согласятся между собою, или въ участкѣ изъ другаго разряда дадутъ самую лучшую дѣлянку. Въ хозяйственномъ отношеніи это дѣленіе во многомъ неудобно, но по совѣсти и праву оно справедливо въ высшей степени.

Въ помѣщичьихъ барщинскихъ имѣніяхъ по большей части пахатная земля дѣлится между помѣщикомъ и крестьянами по ровну. Владѣя своей половиной, крестьяне за это обработываютъ барскую землю. Для этого всѣ обыкновенныя земледѣльческія ору-

---

(*) Этотъ способъ точенъ только въ треугольникахъ равнобедренныхъ и равносторонныхъ; для другихъ же треугольниковъ онъ тѣмъ менѣе точенъ, чѣмъ болѣе они отдаляются отъ сказаннаго вида треугольниковъ.

дія, какъ-то: сохи, бороны, заступы, грабли, косы и проч., а также лошадей и упряжь, они должны содержать на свой счетъ въ порядкѣ, такъ чтобъ работа ни своя, ни барская, отъ нерадѣнія или небрежности, не стояла.

Обыкновенно принято надѣлять каждое тягло (тягломъ называется мужикъ и баба, или мужъ съ женою) двумя тридцатными (*) десятинами въ каждомъ полѣ; тоже самое количество тягло обработываетъ и на господина Само собою разумѣется, что, при равномъ раздѣленіи земли между помѣщикомъ и крестьянами, помѣщикъ старается, чтобъ число тяголъ соотвѣтствовало количеству его земли, т. е. чтобъ на каждыя двѣ десятины было наличное тягло. Поэтому каждый помѣщикъ охотно допускаетъ умноженіе тяголъ, при которомъ онъ, не лишаясь ничего, пріобрѣтаетъ большее число рабочихъ рукъ, но крестьяне смотрятъ иначе. На каждое новое тягло имъ нужно выдѣлить землю изъ владѣемой ими, съ ущербомъ для себя, и хотя работа на барщинѣ чрезъ умноженіе тяголъ для нихъ облегчается,—но на это они мало обращаютъ вниманія. Къ томужъ, всѣ тѣ члены семействъ, которые тягла не несутъ и не пользуются землею, постоянно работаютъ на себя или пріобрѣтаютъ деньги на сторонѣ въ пользу своихъ домовъ. Потому, чѣмъ больше затяглыхъ въ семействѣ, тѣмъ дворъ богаче; и на оборотъ, совсѣмъ безъ затяглыхъ дворъ никогда не разбогатѣетъ. Даже самые дряхлые старики и старухи, едва волочащіе ноги, всегда полезны въ семействѣ.

Старикъ есть постоянный сторожъ дома. Старуха смотритъ за ребятами, покачаетъ люльку младенца, накрошитъ цыплятамъ, приглядитъ за печкой Старикъ посмотритъ лошадей, подсунетъ сѣнца подъ морду, сгоняетъ на водопой;—а другой, пожалуй, справитъ и борону, и лаптей наплететъ ребятамъ «Есть старикъ —такъ бы убилъ, а нѣтъ старика, такъ бы купилъ», говоритъ деревенское остроуміе.

Время работъ между крестьянами и помѣщикомъ по закону дѣлится: три дня въ недѣлю на барина, три дня на себя. Пахота и сѣвъ производятся слѣдующимъ образомъ. Когда земля *прочах-*

(*) Тридцатная десятина, иначе, казенная или указная, имѣетъ въ длину 80, а въ ширину 30 саженъ, почему и называется тридцатною. Хозяйственная десятина, принятая въ нѣкоторыхъ хозяйствахъ, имѣетъ въ длину 80, а въ ширину 40 саженъ, почему и называется сороковою.

нетъ, т. е. просохнетъ на столько, что рѣжется не пластами, а разсыпается подъ сохою, но и не на столько затвердѣла, чтобъ соха не могла ее взять, это время самое лучшее для начала пахоты. Спѣлость земли узнается еще и такимъ образомъ: когда возьмешь въ горсть земли и, крѣпко сжавъ ее въ кулакѣ,—выпустишь, и земля разсыплется при паденіи, то значитъ, что она уже готова для пахоты; но ежели она упадетъ комкомъ, то еще не поспѣла. Въ первый разъ землю пахать называется—метать. И потому, ежели вы спросите крестьянина возвращающаго съ работы, что онъ дѣлалъ въ полѣ: «*металъ*», отвѣтитъ онъ. Это значитъ, что онъ только что началъ обработку земли (сдѣлалъ взметъ). Метанье производится одной сохой безъ бороны. Ежели земледѣлецъ поторопится и начнетъ метать землю очень сырую, то онъ не можетъ надѣяться на хорошій урожай, потому что отъ сырой обработки въ хлѣбѣ зарождается въ большомъ количествѣ трава, которую народъ зоветъ «*метлинникомъ*», по сходству ея съ метлою или метелкою. Говоря о неурожаѣ своей нивы, крестьянинъ изъясняется такъ: «хлѣбъ рѣдокъ, кое-гдѣ былка, все одинъ пухъ зародился». Травы этой дѣйствительно бываетъ иногда болѣе, чѣмъ хлѣба; но есть еще и другое зло: отъ преждевременной метки земля бываетъ испорчена на долгое время, такъ что стоитъ большихъ усилій привести ее въ надлежащее положеніе, потому что сырые пласты, высушенные весеннимъ вѣтромъ, дѣлаются тверды подобно кирпичу, даже дожди не скоро ихъ размачиваютъ (*), и земля въ комьяхъ, будучи вывѣтриваема, лишается своей плодотворной силы.

Метка дѣлается продольными бороздами перепашка или второе дѣйствіе пахоты производится поперекъ и уже не одной сохою: позади сохи лошадь волочитъ борону, которая разбиваетъ и разволакиваетъ комья. Послѣ этого приступаютъ къ сѣву. Вошло въ обычай на одну тридцатную десятину высѣвать: овса 2 четверти, ржи 1 четверть, гречихи 10 мѣръ, пшеницы 2 четверти, гороху отъ 6 до 8 мѣръ и проч. Сѣвъ производится такъ: сѣвецъ вывозитъ на ниву въ телѣгѣ сѣмена, насыпанныя или въ веретьяхъ,

(*) Иногда двухъ лѣтъ бываетъ мало для поправленія такимъ образомъ испорченной земли.

или въ мѣшкахъ. На шею, на веревкѣ навѣшиваетъ себѣ сѣвалку (*), т. е. круглый кузовъ, загнутый изъ лубка или изъ тоненькой осиновой доски, которую наполняетъ привезенными сѣменами. Потомъ, идя по бороздамъ, беретъ сѣмена горстью правой руки и разбрасываетъ ихъ на право и на лѣво. Для сѣва тихая погода считается удобною, вѣтеръ препятствуетъ правильному разсѣву. Послѣ этого посѣянныя сѣмена запахиваются сохою, забораниваются бороною, и сѣвъ окончен. Для болѣе нѣжныхъ хлѣбовъ, или когда есть время и руки, то и для овса землю перепахиваютъ лишнихъ разъ или два. Извѣстное дѣло, что, чѣмъ мягче и рыхлѣе разработана земля, тѣмъ болѣе можно расчитывать на урожай.

Сѣвалка. № 1.

Въ первый разъ пахать землю называется, какъ я уже сказалъ, метать, во второй разъ двоить, въ третій троить, а послѣ сѣва — запахивать. Если при пахотѣ и сѣвѣ земля, по случаю засухъ, не могла быть хорошо обработана, но вскорѣ перепали дожди, и если зерно дало ростокъ, но еще не взошло на поверхность земли, тогда опять перепахиваютъ съ бороною. Это называется *ломать*. Но чаще всего ломаютъ тогда, когда сильный проливной дождь внезапно сплавитъ верхній слой пашни, которая, высохнувъ, образуетъ гладкую и ровную кору, препятствующую всходу; тогда эта перепашка необходима. Впрочемъ ломаютъ только одни яровые сѣвы. Пахарь, выѣзжая метать, беретъ съ собою благовѣщенскую просфору; выѣхавъ на свою ниву, помолившись на всѣ

(*) См. изображеніе № 1.

четыре стороны и сдѣлавъ первую борозду, останавливается и съѣдаетъ просфору, а потомъ опять продолжаетъ работу.

Тридцатную десятину два работника съ двумя сохами на однихъ лошадяхъ взметываютъ въ одинъ день; день времени нуженъ для двойки, день троить, день для сѣва и запашки. И такъ два мужика, на двухъ лошадяхъ, оканчиваютъ пахоту съ одною перепашкою и сѣвомъ одной десятины въ четыре дня.

Орудія, употребляемыя для пахоты земли, какъ видно изъ моего разсказа, суть соха (*) и борона. Оба эти земледѣльческія орудія очень несложны и дѣлаются не на фабрикахъ земледѣльческихъ орудій, а собираются самими пахарями крестьянами. Не-

Соха. № 2.

обходимое для сохи желѣзо: сошники и палицы, выковываются сельскими кузнецами. Станокъ сохи состоитъ изъ четыре-угольнаго бруска, длиною четвертей въ пять и толщиною вершка въ три; въ него вдѣланы короткія оглобли, которыхъ задніе концы пропущены сквозь брусокъ вершка на четыре и служатъ ручками пахарю, для направленія хода по бороздѣ. Къ нижней сторонѣ бруска придѣлана деревянная *разсоха* (**) или доска вершковъ въ пять шириною, согнутая и съ выпиленнымъ въ нижнемъ концѣ по серединѣ отверстіемъ, въ длину вершковъ въ 8 и въ ширину вершка въ два, черезъ что образуются двѣ ножки. На эти ножки или оконечности насаживаются желѣзные «*сошники*». (**) имѣю-

(*) См. изображеніе № 2.

(**) См. изображеніе № 3.

щіе форму нѣсколько продолговатыхъ, трехъ-угольныхъ, съ одной стороны острыхъ ножей, обращенныхъ остріями въ противоположныя стороны, и насаживаются такъ, чтобы врѣзывались въ землю желобкомъ. Разсоха около самыхъ сошниковъ подвязана веревками къ оглоблямъ для того, чтобъ упоръ земли при пахотѣ не оттягивалъ разсохи, а на случай ослабленія веревокъ, между ними продѣта палка или двѣ, посредствомъ которыхъ онѣ закручиваются. Эти веревки называются *подвоемъ*. Въ этотъ подвой ввязана *палица*. Палица есть желѣзная лопаточка, которая нижнимъ краемъ лежитъ на выдавшемся и нѣсколько приподнятомъ углѣ того или другаго сошника, называемомъ *перо*. Палица свободно перекладывается съ одного сошника на другой по мѣрѣ надобности и устроена для отвала вспахиваемой земли въ одну сторону. Оглобли привязаны длинными гужами къ хомуту, а чтобъ онѣ не опускались, подвѣшены за концы черезсѣдельникомъ, т. е. веревкой, перекинутой черезъ сѣделку. Отъ черезсѣдельника зависитъ качество пахоты: если черезсѣдельникъ опустить посвободнѣе, соха будетъ забирать глубже; если его подтянуть по-

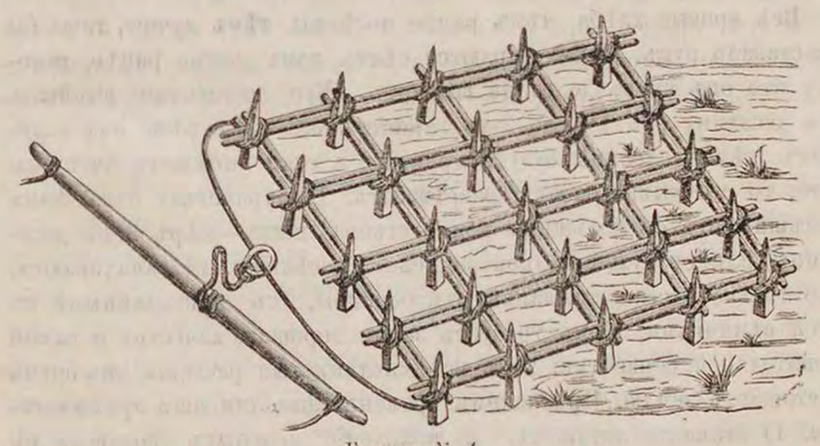
Разсоха, сошники, палица. № 3.

выше,—соха будетъ едва царапать землю. Такъ какъ мелкая пахота для лошади легче, то за рабочими надобно наблюдать, чтобъ черезсѣдельникъ не былъ высоко подтянутъ. Замѣчено, что при появленіи въ полѣ самого хозяина-помѣщика, крестьяне, едва еще завидѣвъ его, подъ предлогомъ поправки упряжи, спѣшатъ опустить черезсѣдельникъ. Кто себѣ врагъ!

Борона (*) складывается изъ прямыхъ, преимущественно орѣ-

(*) См. изображеніе № 4.

ховыхъ, палочекъ и связывается дубовыми или черемуховыми кольцами. Для бороны нужно 25 палочекъ, длиною въ два аршина, 25 колецъ и 25 дубовыхъ зубцевъ, длиною въ $6^1/_2$ вершковъ, къ одному концу заостренныхъ. Борона представляетъ рѣшетку съ 16 сквозными квадратами, образуемыми перекрещенными палочками. По одному направленію кладутся вмѣстѣ по три палочки, а поперекъ ихъ по двѣ. Въ мѣстахъ, гдѣ онѣ скрещиваются, ихъ обхватываютъ по два кольца и пропущены насквозь зубья. Связать хорошо, прочно и правильно борону—нужно искуство, по этому не всякій съумѣетъ исполнить это, по видимому, не важное дѣло. Оба эти орудія просты, легки, дешевы и вполнѣ достигаютъ своей цѣли на нашемъ неглубокомъ слоѣ плодородной земли. Для распахиванія новей изъ-подъ луговъ употребляютъ и плугъ; но плуговъ не заводятъ, потому что новей давно у насъ нѣтъ. А если кому понадобится разодрать и дерновинку, то весной или послѣ осеннихъ дождей, когда она проникнута сыростью, сохой можно и ее распахать превосходно.

Борона. № 4.

Такъ какъ время сѣва бываетъ очень коротко, то для скорости въ весеннихъ работахъ придумали метать землю съ осени, чтобы весною оставалось только перепахать, засѣять и потомъ запахать. Но это средство рѣдко удается на нашихъ глинистыхъ, быстро высыхающихъ весною почвахъ, да и практическіе хозяева утверждаютъ, что земля, взметанная подъ овесъ и пролежавшая слѣ-

дующій годъ, по снятіи овса, въ пару, не даетъ такого урожая ржи, какъ та, которая не была никогда метана съ осени. Еще употребляется способъ сѣва, называемый «по пожарищу». Этотъ способъ употребляется тогда, когда долгое бездождіе грозитъ иссушить землю; тогда, чтобъ сѣвъ окончить во время, сѣютъ по непаханному жниву и потомъ сѣмена запахиваютъ и забораниваютъ; иногда только запахиваютъ, а перебороняваютъ уже впослѣдствіи; или послѣ запашки и бороньбы, чрезъ нѣсколько дней двоятъ или *ломаютъ* сохами, въ слѣдъ за которыми идутъ бороны. Этотъ способъ сѣва иногда бываетъ очень удаченъ. Почему этотъ способъ сѣва овса названъ *«по пожарищу»*, рѣшить трудно. Не заимствованъ ли онъ изъ степныхъ губерній, гдѣ жнивы сперва *сжигаютъ*, а потомъ сѣютъ? Но въ нашихъ мѣстахъ населеніе деревень и перелѣски такъ часты, что огонь, для сжиганія жнивъ, ни подъ какимъ видомъ никогда употребленъ быть не могъ. Второе предположеніе: слово *«по пожарищу»* не искаженное ли «по пожатищу», т. е. по пожатому полю, по жнивью? Первое предположеніе, кажется, ближе къ истинѣ.

Всѣ яровые хлѣба, чѣмъ ранѣе посѣяны, тѣмъ лучше, лишь бы доставало рукъ. Макъ стараются сѣять, какъ можно ранѣе, потому что онъ очень долго не всходитъ. Его достаточно высѣвать на десятину отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ гарнцевъ и, чѣмъ рѣже онъ взойдетъ, тѣмъ головицы будутъ крупнѣе; а если выбѣжитъ очень часто, то его выпалываютъ, разрѣжаютъ. Для уравненія сѣва, макъ смѣшиваютъ съ большимъ количествомъ песку—мѣръ 8 на десятину, или съ сухой мелкой землей. Разсѣявши, не запахиваютъ, но только слегка заволакиваютъ бороною, съ привязанными къ ней вѣничками. Макъ требуетъ земли хорошаго качества и самой тщательной обработки; какъ всѣ маслянистыя растенія, онъ очень истощаетъ землю. Признакомъ времени сѣва для овса принимается: 1) кваканье лягушекъ, 2) появленіе красныхъ козявокъ въ лѣсу у корней деревьевъ и на гнилыхъ пняхъ. Впрочемъ для сѣва овса существуетъ давнишняя пословица:

Сѣй хоть въ грязь—
Будешь князь.

Овесъ на низменной мѣстности бываетъ и гуще, и кистистѣе, но часто страдаетъ отъ вліянія тумановъ, такъ что совершенно лишается налива. Солома чернѣетъ и скотъ ея не ѣстъ. Во вре-

мя сѣва овса есть обычай приносить въ поле младенцевъ, которые, не смотря на возрастъ, долго не начинаютъ ходить. Ихъ ставятъ на пашню и кругомъ обсѣваютъ овсомъ. Думаютъ, что это средство укрѣпляетъ ножки младенца.

Горохъ также требуетъ ранняго сѣва, чтобъ созрѣть прежде раннихъ осеннихъ морозовъ. Горохъ, для сохраненія его отъ набѣговъ ребятъ, сѣютъ среди поля, а когда уже образуются стручки, то ставятъ и караулъ. *Сажаютъ* старика *на горохъ*, — гдѣ онъ выстроиваетъ шалашъ. Но многіе считаютъ лучше сѣять горохъ близъ проѣзжихъ дорогъ за тѣмъ, чтобъ прохожіе и проѣзжіе могли имъ пользоваться. Есть повѣрье, что за это Господь вознаградитъ большимъ урожаемъ. Ячмень также сѣется ранній съ первымъ сѣвомъ; но поздній сѣютъ въ Троицкую субботу или, когда цвѣтетъ калина, по простонародному, когда «калина въ кругу». Сѣвъ ячменя не считается выгоднымъ: во-первымъ, потому что сбытъ на мѣстныхъ рынкахъ незначителенъ; надобно возить его въ Москву, а провозъ не вознаграждается и въ Москвѣ; во-вторыхъ: ячмень требуетъ лучшей земли противъ овса, а истощаетъ ее болѣе, чѣмъ овесъ; въ-третьихъ: при уборкѣ, ячмень, намоченный дождемъ, темнѣетъ и теряетъ цѣну, при продажѣ; и въ-четвертыхъ: противъ овса его родится почти на половину менѣе.

Пшеницу по большей части сѣютъ первымъ хлѣбомъ, по навозу, на землѣ лучшаго качества: землю, для яровой пшеницы оставленную въ ржаномъ полѣ, еще съ осени двоятъ. Весною ее опять пашутъ и перепахиваютъ съ бороною, чтобы земля была, какъ пухъ. Пшеница самый прихотливый хлѣбъ, приносящій или доходъ, или убытокъ (средины нѣтъ) и всегда истощающій землю. Многія хозяйства первымъ хлѣбомъ по навозу расчитываютъ выгоднѣе сѣять рожь, потомъ овесъ; третій годъ поле отдыхаетъ въ пару; землю опять слегка понавозятъ, и ужъ на слѣдующую весну сѣютъ пшеницу. — На рожь почти всегда урожай, исключая особенныхъ случайностей въ воздухѣ; но пшеница не такова. Во-первыхъ, на нее засухи дѣйствуютъ гораздо сильнѣе; во-вторыхъ, отъ сильныхъ дождей на хорошей землѣ пшеница растетъ такъ сильно, что не можетъ выстоять, валится, и зерно не наливаетъ; въ-третьихъ, ежели и родится хорошо, да при уборкѣ случатся

дожди, которые захватятъ ее въ рядахъ (*) или на горстяхъ (**), и даже въ снопахъ, то зерно блѣднѣетъ и цѣнность пшеницы въ продажѣ падаетъ на треть, а иногда и на полцѣны. И такъ, ежели взять въ соображеніе количество ржи, которая бы получалась съ земли, употребленной подъ пшеницу, истощеніе этой земли отъ пшеницы, непостоянный урожай пшеницы, тщательную обработку земли, требующую лишняго труда, то окажется, что рожь принесла бы дохода, если не болѣе, то не менѣе. Многіе оставили сѣять пшеницу именно отъ того, что она въ десятилѣтней сложности приноситъ убытокъ, а не выгоду. Но большая часть помѣщиковъ-хозяевъ, и даже крестьянъ, продолжаютъ сѣять пшеницу. Съ осени ее молотятъ первую, и по осени же продаютъ. Это бываетъ первый и иногда значительный доходъ. При полученіи денегъ, забываютъ про неурожай и неудачи прежнихъ годовъ и на слѣдующій годъ опять сѣютъ пшеницу, въ надеждѣ получить еще болѣе. Пшеницу, назначенную для сѣва, дня за три мочатъ въ известковой зольной водѣ. Четвертей на десять пшеницы берутъ мѣры 4 извести и одну мѣру золы, которыя растворяютъ въ чанахъ, вливая столько воды, чтобы достаточно было для вымочки въ ней пшеницы. Этотъ растворъ называютъ *«квасы»*. Когда пшеница достаточно вымокла и разбухла, то наканунѣ сѣва ее разсыпаютъ на веретьяхъ на открытомъ воздухѣ, чтобъ она попросохла, и потомъ насыпаютъ въ воза. Это средство предохраняетъ пшеницу отъ головни.

Въ Семикъ, т. е. послѣдній четвергъ предъ Троицынымъ днемъ и въ Троицкую субботу сѣютъ ранній ленъ (***); его стараются сѣять на низменной почвѣ. А въ день Царя Константина сѣютъ поздніе льны и раннія гречихи. Посѣянный въ этотъ день ленъ бываетъ особенно высокъ ростомъ. Позднія гречихи сѣются въ день С. Акулины, 13-го Іюня, почему этотъ день и называется днемъ «Акулины гречишницы». Лѣтъ 25 назадъ, гречихи на неудобренной запольной (****) землѣ раживались хорошо; но въ на-

---

(*) Въ рядахъ называется, когда хлѣбъ скосили, но еще до просушки не сгребали.

(**) О горстяхъ будетъ ниже при жнитвѣ.

(***) На десятину высѣваютъ 2 мѣры.

(****) Запольная значитъ отдаленная отъ селенія и никогда не удабриваемая земля.

стоящее время рѣдко бываютъ удачны. По большой части гречу повязываютъ туманы при наливѣ.

Чечевицу сѣютъ на землѣ, которая не въ состояніи поднять другаго хлѣба, на землѣ самой плохой, лишь бы не гуляла. Ее ѣдятъ, какъ горохъ, мелятъ на муку для киселя, пекутъ блины, мѣшая ее со ржаной мукою, кормятъ свиней и употребляютъ для посыпки или въ мѣсиво лошадямъ. Солома ея очень хороша для корма скота, такъ что можетъ даже замѣнять сѣно. Но на денежный доходъ съ чечевицы не расчитываютъ.

Коноплю сѣютъ по огородамъ или коноплянникамъ, на самой удобренной землѣ, на пятой и седьмой недѣлѣ послѣ Святой. На шестой недѣлѣ не сѣютъ, потому что пропадаетъ. На коноплянникахъ ставятъ чучелу, состоящую изъ двухъ палокъ, воткнутыхъ въ землю и на крестъ связанныхъ третьею; на нихъ надѣваютъ старую изорванную рубаху и придѣлываютъ соломенную голову, съ надѣтой старой кичкой или шляпой; къ концамъ палки, представляющимъ руки, навязываютъ тряпицы, приводимыя въ движеніе вѣтромъ, что очень похоже издали на человѣка. Не знаю, обманываются ли воробьи, противъ которыхъ устроивается это пугало?

Просо сѣютъ мало и преимущественно на нови, то есть, по вновь поднятому подъ пашню лугу, или распашкѣ изъ-подъ лѣса. Просо сѣютъ прямо по перевернутымъ пластамъ, слегка предварительно взборонивъ поверхность этихъ пластовъ, и по засѣвѣ опять переборанивають. Просо на такой землѣ растетъ превосходно (*). Ведренное и вѣтреное лѣто способствуетъ урожаю, но дождливое для проса вредно. Картофель сѣютъ въ полѣ въ небольшомъ количествѣ, оставляя эту овощь для огородовъ. Замѣчено, что урожай картофеля бываетъ не разлученъ съ урожаемъ ржи, и на оборотъ: при неурожаѣ ржи, не родится и картофель. Стало быть при хлѣбѣ онъ можетъ быть подспорьемъ, но замѣнить имъ рожь при неурожаѣ какъ-то никогда не удавалось.

При урожаѣ, на него сбыта почти нѣтъ, а при неурожаѣ нечего продать. На зиму его сохраняютъ въ подвалахъ, сухихъ погребахъ и ямахъ, которыя закладываютъ досками и засыпаютъ землею. Картофель въ помѣщичьихъ садахъ и огородахъ ведется

(*) На десятину высѣвается двѣ мѣры.

изстари; но въ народную потребность онъ началъ входить съ небольшимъ лѣтъ 30; противъ него страшно возставало суевѣріе. Ходили старухи, проповѣдуя о грѣхѣ ѣсть картофель, болтали, будто въ картофелѣ находили кровь и проч.

Вотъ всѣ яровые хлѣба, принятые у насъ для сѣва, при обыкновенномъ трехъ-польномъ хозяйствѣ.

23 Апрѣля, въ день Св. Георгія, когда листъ на березѣ долженъ быть въ полушку, въ первый разъ выгоняется скотъ въ поле. Во многихъ мѣстахъ принято за правило—въ этотъ день призывать священника, чтобы отслужить молебенъ съ водосвятіемъ. Съ восхожденіемъ солнца сгоняется все стадо къ часовнѣ на выгонъ. Всякая хозяйка сгоняетъ свою корову вербой, которую нарочно для этого сберегаетъ у образовъ съ заутрени Вербнаго Воскресенья. У часовни служится молебенъ и, когда воду освятятъ, то прогоняютъ все стадо мимо священника, и батюшка, стоя у околицы, окропляетъ проходящій мимо его скотъ святою водою.

До Троицына дня скотъ ходитъ въ лугахъ; но съ Троицына дня луга заказываются для приготовленія покосовъ, и скотъ до покоса ходитъ въ паровомъ полѣ. Это самое голодное время для скота, ежели нѣтъ достаточно угодій (*). Гдѣ есть болота и другія угодья для выгона, особенно въ господскихъ имѣніяхъ, тамъ луга, назначаемые для покоса, заказываются съ воды, то есть, съ самой весенней водополи. Чрезъ это трава бываетъ втрое лучше, нежели на лугахъ, заказанныхъ только съ Троицына дня; особенно ежели захватятъ засухи, то трава и вовсе не поднимется.

Въ Семикъ есть обычай наряжать березку. Срубленную молодую березку, около 6-ти часовъ по полудни, приносятъ на выгонъ или на улицу; къ ней собираются бабы, дѣвки, въ лучшихъ нарядахъ, хотя бы это было послѣ трудной дневной работы, и молодые парни. Бабы и дѣвки изукрашиваютъ березку бумажными и шелковыми платками, и лентами, если онѣ водятся, навязывая все это по вѣткамъ; потомъ съ пѣснями и съ наряженной березкой идутъ въ ближайшую рощу, гдѣ есть много березнику. Тутъ, на луговинкѣ, водружаютъ березку, и потомъ, разсыпавшись по березнику, ломаютъ вѣтки, плетутъ вѣнки и надѣваютъ

(*) Самое бѣдственное положеніе для скота въ имѣніяхъ, гдѣ мало угодій, бываетъ тогда, когда взмечутъ паръ, а покосъ луговъ еще не дѣленъ.

ихъ на головы. Иныя свиваютъ на сучьяхъ, не отламывая вѣтокъ, кольца въ родѣ вѣнковъ; въ эти кольца, противъ средины, привѣшиваютъ снятый съ шеи крестъ, и два лица, бабы или дѣвки, кумятся, то есть, цѣлуютъ этотъ крестъ, одна съ одной, другая съ другой стороны. Послѣ этого размѣниваются крестами и между ними утверждается дружба на вѣки, такъ что уже ссориться и браниться между собою считается у нихъ величайшимъ грѣхомъ. Послѣ завивки вѣнковъ садятся всѣ на траву и принесенными съ собою ложками ѣдятъ изжаренную на сковородѣ готовую яичницу; потомъ водятъ хороводы около березки и поютъ пѣсни. Но вотъ солнышко сѣло. Въ лѣсу становится сыро отъ павшей росы. Комары и мошки кусаютъ нестерпимо. Пора возвращаться въ деревню тѣмъ болѣе, что стадо уже пригнали, и бабамъ время коровъ доить. Пора, да и дѣти-младенцы, радостно глядѣвшіе на празднество, начинаютъ пищать отъ мошкары, искусавшей имъ руки и ноги, и все тѣло. Березку поднимаетъ какой-нибудь удалой парень и съ пляской, подъ пѣсни сопровождающихъ, идетъ впереди; за нимъ уходитъ вся веселая пестрая толпа, и роща пустѣетъ. Вотъ пѣніе слышно на деревнѣ, гдѣ давно старухи ворчатъ на долгую отлучку невѣстокъ. Но еще не все окончено.

Всѣ, участвовавшіе въ завиваніи вѣнковъ, идутъ къ рѣкѣ или къ пруду, снимаютъ съ себя вѣнки, кладутъ ихъ на воду близъ берега и, сквозь вѣнокъ почерпнувъ воды, умываются. Потомъ, взявъ опять вѣнокъ, бросаютъ его далеко на воду: ежели вѣнокъ потонетъ, то бросившій его умретъ въ томъ же году; а не потонетъ, то будетъ живъ. Этотъ самый обычай совершенно въ томъ же видѣ повторяется и въ Троицынъ день; разница существуетъ только въ названіи: въ Семикъ *завиваютъ* вѣнки, въ Троицынъ день *развиваютъ*. Въ древности быть можетъ и была разница, но въ настоящее время она, кажется, существуотъ только въ словахъ.

Въ Троицынъ день и въ Вознесенье красятъ яица въ желтую краску самымъ простымъ способомъ. Насыпаютъ въ горшекъ березоваго листу или накладываютъ крапивы, подсыпаютъ туда золы, наливаютъ воды и кипятятъ на огнѣ. Въ этомъ отварѣ красятъ яица точно такъ же, какъ къ Святой недѣлѣ, въ сандалѣ. Иныя хозяйки, для окрашиванія яицъ въ желтый цвѣтъ, употребляютъ шелуху съ луковицъ.

Когда помѣщики съ своими семействами сами участвуютъ въ праздникѣ наряженной березки, тогда, разумѣется, онъ бываетъ еще веселѣе: народъ любитъ, чтобы господа раздѣляли съ нимъ его обычаи. Для господъ вывозятся въ рощу стулья, столы, самоваръ и все нужное къ чаю. Также берутъ въ большомъ количествѣ яицъ, хлѣба, вина и браги. Сами пьютъ чай, а между тѣмъ разводится огонь, и на немъ печется яичница для угощенія народа. Подносятъ вино, брагу, а всѣхъ дворовыхъ угощаютъ чаемъ.

Въ Духовъ день многія деревни имѣютъ обычай обходить поля съ образами или, какъ говорится, поднимаютъ образа въ поле. Образа поднимаютъ и тогда, когда долго стоитъ ведро, земля пересыхаетъ и чрезъ это ростъ хлѣба останавливается. «Плохо; не даетъ Богъ дождя», говоритъ одинъ. «Видно, Господа Бога прогнѣвали, замѣчаетъ другой; недавно я ходилъ въ поле: больно худо, и не смотрѣлъ бы. Овесъ отъ земли и на четверть не поднялся, а ужъ кистится: по буграмъ же и совсѣмъ пожелтѣлъ, сгорѣлъ».—«Пора бы образа поднять, говоритъ третій,—вонъ, третьяго дня Мухьнскіе подымали».—«И въ Рудневѣ подымали вчера», замѣчаетъ пятый, и примѣръ сосѣдей рѣшаетъ вопросъ окончательно. Съ вечера даютъ священнику знать, что вотъ, молъ, образа желаютъ поднять; а на другой день всѣ мужики и свободныя бабы идутъ къ заутренѣ. По большей части, день для поднятія образовъ выбирается праздничный.

Отслушавъ заутреню, берутъ хоругви, всѣ образа, носимые въ Пасху, образъ Ильи Пророка и, предшествуемые священникомъ, при пѣніи причта, идутъ въ деревню. На выгонѣ, возлѣ часовни служатъ молебенъ о дождѣ, съ колѣнопреклоненіемъ и съ водосвятіемъ. По окончаніи молебна, всѣ идутъ кругомъ всей дачи, по генеральнымъ рубежамъ, или только около находящихся подъ хлѣбомъ полей, и священникъ, при священномъ пѣніи, кропитъ ихъ святою водою. Когда святая вода выйдетъ вся, что случается, какъ пройдутъ порядочное разстояніе, тогда снова останавливаются, наполняютъ водосвятную чашу водою изъ ближняго ручья или болота, ежели нѣтъ рѣки, снова служится молебенъ съ водосвятіемъ, и ходъ совершаетъ путь свой далѣе. Такимъ образомъ, обходя дачу, служатъ отъ трехъ до пяти молебновъ, а иногда и болѣе.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ молебны служатъ на распутьяхъ дорогъ или перекресткахъ, случающихся близъ рубежей дачъ. На этихъ мѣстахъ становятъ постоянныя часовенки, состоящія изъ столбика подъ кровелькой, къ которому прибитъ образокъ. Когда дача обойдена, образа тѣмъ же порядкомъ возвращаются въ церковь. Во время хода образа несутъ желающіе, и мужики, и бабы, и дѣвки; но такъ какъ желаютъ почти всѣ, то несущіе часто мѣняются. Иные несутъ по обѣщанію, и уже все время и не сдаютъ образовъ другимъ. Священнику платится міромъ; для этого собираютъ по нѣскольку копѣекъ съ двора или съ души. Въ Вознесенье пекутъ *лѣстницы*. Это не что иное, какъ продолговатыя лепешки изъ сборнаго тѣста, вершка въ четыре длиной и $1^1/_2$ вершка шириною, съ рубчиками поперекъ въ родѣ лѣсенки. Съ этими лѣсенками, отдохнувъ послѣ обѣда, мужики, бабы и дѣвки идутъ всѣ на свои ржи въ поле. Тамъ всякій у своей нивы, помолясь на всѣ четыре стороны, бросаетъ лѣсенку вверхъ, приговаривая: «*чтобъ рожь моя выросла также высоко*». Послѣ того лѣсенки съѣдаютъ. Иные сплетаютъ нѣсколько стеблей ржи въ кучку и приставляютъ къ ней лѣсенки, но другія, маленькія, нарочно для этого испеченныя, и тамъ ихъ оставляютъ. Окончивъ это дѣло, разсыпавшіеся по полю крестьяне собираются вмѣстѣ и съ пѣснями возвращаются домой. Въ Маѣ кончаются всѣ сѣвы, исключая поздней гречихи, которая, какъ я выше сказалъ, сѣется 13-го Іюня. Май и въ городахъ хорошъ, но въ деревнѣ Май, если онъ теплый, имѣетъ особенную прелесть. Луга зелены и свѣжи, въ лѣсахъ ландыши, фіалки и черемуха наполняютъ воздухъ благоуханіемъ. Въ садахъ плодовыя деревья въ цвѣту, будто покрыты снѣгомъ. Воздухъ чистъ и прозраченъ, небо сине, какъ василёкъ. Кстати о садахъ. Садоводство въ описываемой мною мѣстности, у помѣщиковъ принимаетъ широкіе размѣры и дѣлается отраслію сельскаго хозяйства, приносящею значительный доходъ. Крестьяне также начинаютъ заниматься садоводствомъ и многіе съ успѣхомъ. Теперь увидишь въ огородахъ ихъ не одну рябину да нѣсколько тычинокъ хмѣля, но и яблони хорошихъ сортовъ, которыя приносятъ доходу отъ 15 до 30 и 50 рублей серебромъ. Конечно, такихъ садовъ еще очень немного, но начало утѣшительно. Въ Зарайскомъ уѣздѣ растутъ слѣдующіе сорты плодовыхъ деревъ и кустарниковъ: яблони много-

различныхъ хорошихъ сортовъ; груша тонковѣтка и безсѣмянка; сливы: красныя, бѣлыя, французскій чернословъ и озимая; вишни Коломенскія, Владимірскія и Морель; крупный тернъ или терносливъ и Венгерки, малина англійская, малина красная, бѣлая и черная; смородина и крыжевникъ разныхъ сортовъ; ягоды: клубника, земляника разныхъ лучшихъ сортовъ. Огороды полны разными, даже прихотливыми овощами и зеленью. Парники и паровыя гряды съ арбузами и дынями.

Но объ лѣсахъ нѣтъ достаточнаго попеченія: ихъ истребляютъ все болѣе и болѣе. Немногіе даже помѣщики смотрятъ на лѣсъ, какъ на главнѣйшую основу благосостоянія имѣній. Ихъ истребляетъ не топоръ, а какая-то дѣтская безпечность, на примѣръ: срубятъ лѣсъ и на другую весну быстро побѣжитъ молодятникъ, чисто, свѣжо. Но въ такомъ лѣсу бываетъ и трава; какъ пастуху и крестьянамъ упустить случай покормить въ сласть коровъ, особенно когда заказаны луга? И вотъ, пустятъ скотину, которая истопчетъ и огложетъ молодую подросль и лѣсъ истребленъ навсегда. Изуродованные прутики начинаютъ сохнуть; земля подъ лѣсомъ залужаетъ. Тогда сообразивъ, что лѣсу тутъ не бывать, коренья вырываютъ и мѣсто, гдѣ былъ лѣсъ, распахиваютъ подъ пашню (*). Къ счастію, въ настоящее время нѣкоторые помѣщики начинаютъ обращать вниманіе на лѣса, окапываютъ ихъ канавами, не пускаютъ скотину; но народъ не хочетъ понимать пользы отъ этого. Русскій человѣкъ мало думаетъ о будущемъ, хотя уже и теперь въ дровахъ чувствуется ощутительный недостатокъ. Лѣсовъ у насъ вообще пока еще не сѣютъ и не сажаютъ; хотя впрочемъ и тутъ есть исключенія, но чрезвычайно рѣдкія, и этотъ способъ возстановленія или разведенія лѣсовъ, котораго вовсе не знали наши дѣды и отцы, и теперь еще едва начинаетъ зарождаться. Впрочемъ, еслибъ принять мѣры для охраны множества кустарниковъ, которые постоянно подвергаются потравамъ и брошены на произволъ, да сберегать еще оставшіеся лѣса, то все таки край нашъ нельзя бы назвать безлѣснымъ.

(*) До полюбовнаго размежеванія лѣсовъ еще было въ достаточномъ количествѣ. Казалось, что вѣкъ не переведутся; но когда надо было межеваться къ однѣмъ мѣстамъ, помѣщики, за рѣдкимъ исключеніемъ, никакъ не могли условиться насчетъ промѣновъ: просили другъ у друга придачи и кончалось тѣмъ, что всякій свой лѣсъ срубалъ. Возрастить же лѣсъ никто почти не принималъ на себя труда.

Одно изъ самыхъ лучшихъ средствъ къ возстановленію порубленнаго лѣса есть заповѣдь. Заповѣдать лѣсъ можно, на сколько угодно лѣтъ: на 10, на 15, на 20 и болѣе. Для заповѣданія лѣса призывается священникъ, поднимаютъ изъ церкви образа и хоругви, и съ пѣніемъ: «Слава въ вышнихъ Богу» обходятъ заповѣдываемый лѣсъ. Обойдя его, священникъ читаетъ молитву и объявляетъ, что лѣсъ заповѣданъ. Послѣ подобной заповѣди, хоть прутикъ срубить изъ того лѣса считается тяжкимъ грѣхомъ и потому остается охранять лѣсъ только отъ скота. Въ лѣсахъ нашихъ растутъ: дубъ, кленъ, ясень, липа, береза, ильма, вязъ, черемуха, дикая яблонь, ольха. Кустарники: орѣшникъ, крушина, калина, шиповникъ (*). Въ Маѣ, еслибъ не комары, кажется, не вышелъ бы изъ лѣсу. По вечерамъ и рано утромъ поютъ соловьи, днемъ воркуетъ горлинка и кукуетъ кукушка и много другихъ птицъ оглашаютъ воздухъ и крикомъ, и пѣніемъ. Кукушка закуковала: «сколько мнѣ лѣтъ жить?» спрашиваетъ проходящая черезъ лѣсъ по дорогѣ поселянка, забывая на мигъ, куда она шла, и съ затаеннымъ дыханіемъ слушаетъ и считаетъ отвѣтъ кукушки. Много разъ прокукуетъ вѣщунья и съ довольнымъ лицемъ продолжаетъ крестьянка свой путь, но невольно омрачится у ней лице, ежели кукушка прокукуетъ немного.

Ежели горлинка заворковала еще въ голомъ, не одѣвшемся лѣсу, мало будутъ коровы давать молока. Кричитъ ворона: лѣтомъ къ дождю, зимой къ погодѣ. Если жаворонки прилетаютъ уже на проталины, куры будутъ носки. Если грачи стаями и съ крикомъ вьются надъ гнѣздами, то сядутъ, то опять взволнуются, это погода перемѣнится. Если воронъ сядетъ на церковный крестъ и начнетъ каркать, жди покойника съ той стороны прихода, въ которую онъ смотритъ. Любимыя птицы народа: голуби, скворцы и ласточки. Ежели голуби водятся во дворѣ въ большомъ количествѣ и ласточки подъ кровлей дома лѣпятъ свои гнѣзда, благодать почіетъ на домѣ томъ. Для скворцевъ на высокихъ шестахъ, около избы или по близости, ставятъ скворешни и радуются, забавляются шутовскимъ ихъ пѣніемъ, какъ они передразниваютъ и пѣтуха, и другихъ птицъ, и даже животныхъ.

Говоря о лѣсахъ, нельзя не вспомнить и о грибахъ. Урожай

(*) Въ лѣсахъ, на луговой сторонѣ Оки, преобладаютъ ель и сосна.

грибовъ, какъ замѣчаютъ, изстари не разлученъ съ урожаемъ хлѣба. Это очень понятно: грибы любятъ сырость, дожди, а неурожай хлѣба почти исключительно бываетъ только отъ засухъ. Въ лѣсахъ нашихъ растутъ многія породы грибовъ, но въ пищу употребляются только слѣдующіе: бѣлые, грузди и рыжики, которые преимущественно ростутъ въ борахъ, но попадаются и въ березникахъ; подосинники или красные грибы, подберезники, поддубовники, масленники, волвянки, сыроѣшки, свинушки, подорѣшницы, осенніе опенки и валуи. Мухоморы употребляютъ для истребленія мухъ. Для этого мухоморъ мажутъ еметаной, наливаютъ квасомъ или обдаютъ кипяткомъ и ставятъ для угощенія мухъ на тарелкѣ. Кстати замѣтить, что когда бываетъ очень много мухъ, то можно ожидать обильнаго урожая гречи. Брать грибы составляетъ для многихъ любимое занятіе и какъ во всякомъ искусствѣ, такъ и въ этомъ дѣлѣ, есть своего рода знатоки, особенно изъ старыхъ дворовыхъ людей. Рано до солнца, чтобъ не терять времени, нужнаго для другихъ работъ, съ кузовками и кошолочками, идутъ крестьянскія бабы и дѣвки въ отдаленные лѣса и дубравы за грибами, и когда разбредутся въ разныя стороны, то, чтобъ не растеряться, начинаютъ окликать другъ друга звучными: ау!

Кто не любитъ грибовъ вообще и сдобнаго пирога съ грибами въ особенности? Кто не любитъ грибовъ жаренныхъ въ сметанѣ?... Правда,—это лакомство; но въ постные дни грибы уже не лакомство, а почти необходимость. Православные Русскіе люди, крестьяне и, слава Богу, многіе помѣщики, не станутъ не только мяса, но и рыбы ѣсть въ посты Успенскій и Великій; тогда безъ сухихъ грибовъ не состряпаютъ ни одного блюда.

Отъ сѣва до навозницы времени немного. Это время употребляется на стройки и починки; преимущественно же обращаютъ вниманіе на постройки и починки печей, занимаются рытьемъ канавъ, починкою плотинъ и городьбой; эти работы неопредѣленны, ихъ никогда не передѣлаешь.

II.

ЛѢТО.

Теплый безоблачный вечеръ послѣдняго дня Мая смѣнился такою же теплою ночью. Мужики поужинали съ своими семьями подъ открытымъ небомъ, всякій на своемъ дворѣ, на вынесенныхъ изъ избъ столахъ, а дворовые мѣсячники съ своими ребятишками у порога своихъ клетей, кто на столикѣ, а кто, вмѣсто стола, на покрытой скатертью коробьѣ или кадушкѣ; поужинали и давно уже разошлись по своимъ коморкамъ. Какъ Божія благодать, пала роса; и увлаженный воздухъ наполнился благоуханными испареніями травъ и цвѣтовъ. На деревнѣ становится все тише, все безмолвнѣе; изрѣдка услышишь скрипъ отъ затворяемыхъ воротъ, или стукъ засова; изрѣдка прожузжитъ возлѣ самаго уха пролетѣвшій жукъ, да что-то всплеснетъ водою въ сонномъ прудѣ, подъ тѣнію дремлющихъ у берега старыхъ дуплистыхъ ветлъ. Раздается порой слабый крикъ соннаго младѣнца изъ люльки, повѣшенной на дворѣ у входа въ сѣни или подъ навѣсомъ клѣти; потомъ тихая пѣсенка заботливой матери тутъ же спящей и убаюкивающей малютку, и все опять замолкнетъ; проржетъ жеребенокъ въ темномъ отдѣлѣ, или долетитъ, невнятный говоръ и смѣхъ расположившихся на ночлегъ на сѣновалѣ ребятъ. Въ дымящемся, бѣломъ, туманномъ болотѣ хотя и квакаютъ лягушки, и кричитъ дергачъ, но это далеко; а въ близи все тихо, все безмолвно. Однѣ только собаки подъ часъ безтолково нарушаютъ эту торжественную тишину. Покажется одной что нибудь подозрительное, она тявкнетъ и растревожитъ собакъ на всѣхъ дворахъ. Всѣ наперерывъ стараются перелаять другъ друга, не зная сами, изъ чего хлопочутъ; но имъ наскучитъ же когда-нибудь лаять... вотъ уже одна, опустивши хвостъ, пошла тихонько искать ночлега; нашла мѣстечко возлѣ спящихъ на дворѣ подъ навѣсомъ ребятишекъ, свернулась въ кружокъ, зѣв-

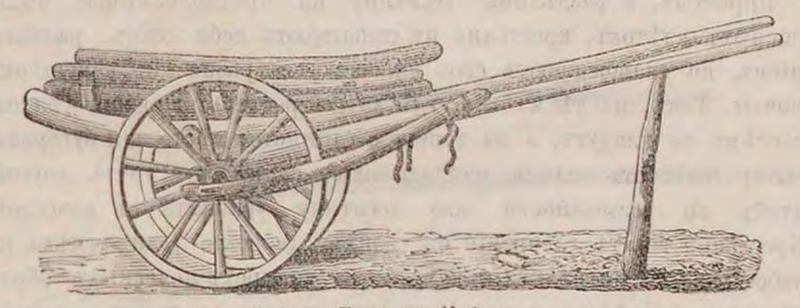
нула и, облизнувшись раза два, заснула. Другія собаки послѣдовали вскорѣ ея примѣру. Полночь близится.... Ночь лѣтняя не долга.

Вечерняя заря, какъ осталась по захожденіи солнца такъ, во всю ночь почти и не меркла; лишь только съ запада передвинулась тихонько на востокъ—да тутъ и начала все шире да выше разливаться по небу. Вотъ уже охватила полнеба; и въ этой безднѣ свѣта одна за другой потонули изрѣдка блиставшія на блѣдно-сѣроватомъ сводѣ неба серебристыя звѣздочки. Но вотъ алѣе и золотистѣе становится востокъ,—вотъ пахнулъ вѣтерокъ, вотъ чиликнулъ воробушекъ, за нимъ другой, третій, прощебетала косаточка, выглянувъ изъ своего прилѣпленнаго къ карнизу дома гнѣздышка. Потоки свѣта льются сильнѣй и сильнѣй, и вотъ изъ-за синеватой окраины дали, показался ярко горящій край солнца, и лучи его разсыпались, разлились, обдали пурпуромъ землю. Все ожило, все проснулось. Ласточки начали быстро разсѣкать воздухъ во всѣхъ направленіяхъ; взвилась надъ деревней стая голубей. По деревьямъ и крышамъ, шумя своими крылышками и чиликая, запрыгала стая воробьевъ, раскричался во все горло взлетѣвшій на зоборъ пѣтухъ, похлопавъ предварительно крыльями; закудахтала гдѣ-то громко курица, разглашая о снесенномъ яичкѣ; снова принялся за обычную работу кузнечикъ.

Встаетъ пастухъ съ своего неприхотливаго ложа; перекрестился, помолился на востокъ, умылся изъ ведра свѣжей водою, накинулъ на плечи кафтанъ, перекинулъ черезъ плечо сплетенную изъ лыкъ котомку, взялъ въ руки длинный кнутъ и отворилъ ворота скотнаго двора. И вотъ мычанье, блеянье, хрюканье прогоняемой въ поле скотины пробуждаетъ деревню. Бабы молодыя и старухи, съ заспанными лицами, одѣтыя кое-какъ и босикомъ, торопятся выгнать со двора своихъ коровенокъ, овецъ и свиней, подъ общій надзоръ пастуха;—шумъ увеличивается: до слуха долетаютъ то ласковыя слова, обращаемыя къ скромной телушкѣ, то брань глупымъ свиньямъ и безтолковымъ коровамъ; то рѣзкое слово противъ невѣжества глядящаго изъ подлобья и глухо мычащаго быка. Стукъ и скрипъ то отворяемыхъ, то затворяемыхъ воротъ, хлопъ кнута, разнообразный крикъ стада, все смѣшивается въ одинъ нестройный гулъ. Обыденная жизнь началась; но ставни господскаго дома еще затворены. Тамъ кто-нибудь, заслышавъ шумъ

отъ проходящаго стада, нечаянно проснется и подумаетъ: «Слава Богу! еще рано» и, повернувшись на другой бокъ, часика на два, на три сладко засыпаетъ снова... Вотъ уже стадо выбрело за околицу;—какая прохлада вѣетъ отъ влажной травы! Ухъ, какъ пріятно измокнуть выше колѣна, бродя въ эту пору по нескошенному лугу, въ густой травѣ сада или рощи! Какъ легко дышетъ грудь, какъ отрадно бываетъ на сердцѣ... Но для земледѣльца наслажденіе природой дѣло второстепенное, его ожидаютъ труды.

Навозъ или удобреніе начинаютъ возить послѣ Петровскаго заговѣнья, а если постъ малъ, то съ русальской недѣли. Для вывоза навоза существуютъ особаго рода двухъ-колесныя телѣжки, называемыя «колышки». (*) Онѣ устроены такъ: ящикъ корытообразнаго вида колышки, довольно впрочемъ плоскій, длиною аршина въ два съ четвертью и шириною четвертей въ семь, не имѣющій щитковъ ни сзади, ни спереди, и всегда почти выстлан-

Колышка. № 1.

ный плетнемъ изъ лозника, какъ плетутся кошелки, повертывается на деревянныхъ гвоздяхъ между придѣланныхъ къ оси стоячковъ. Оглобли также вдѣланы въ ось, и ящикъ, когда ничѣмъ не наложенъ, переднимъ концемъ лежитъ на оглобляхъ, къ которымъ, кромѣ того, онъ прицѣпленъ веревочною петлею, чтобъ не запрокидывался, когда не нужно. Это устроено вотъ для чего: когда положенный навозъ привезется въ поле на мѣсто, гдѣ долженъ быть свален, привезшему стоитъ только отцѣпить петлю

*) Въ Спасскомъ и Сапожковскомъ уѣздахъ онѣ называются *одрами* (одеръ) и употребляются для всѣхъ домашнихъ перевозовъ и для недальнихъ поѣздокъ.

и приподнять немного передокъ,—ящикъ тотчасъ запрокидывается и навозъ падаетъ кучею безъ всякихъ хлопотъ. Десятину, которую предположено удобрить, предварительно «лешатъ» (*), то есть, изрѣзываютъ сохою на столько клѣтокъ, сколько нужно положить кучъ. Ежели почва земли совершенно глиниста, поле уже чрезмѣрно выпахано и никогда не было удобрено, то кладутъ на десятину до шести сотъ кучъ, или по одной кучкѣ на каждый 4 квадратныя сажени: но и при этомъ удобреніи дурная земля не сдѣлается совершенно плодородною: случается часто, что года черезъ два на третій удобряютъ въ другой разъ. На землю лучшаго качества кладутъ менѣе кучъ: 500, 400, 300, судя по качеству земли, а гдѣ земля и почвой своей, вслѣдствіе мѣстнаго положенія, хорошаго качества, и все поле было удобрено въ прежніе годы, въ такомъ случаѣ стараются удобреніемъ занять, какъ можно, болѣе десятинъ, полагая отъ 250 до 200 кучь удобренія на десятину.

Впрочемъ, и раздѣливъ десятину на предположенное число равныхъ клѣтокъ, крестьяне не связываютъ себя этимъ раздѣленіемъ, но унавоживаютъ свои участки сообразно съ качествомъ почвы. Такъ, на тѣ клѣтки, гдѣ хлѣбъ ростетъ хорошо,—навозу совсѣмъ не кладутъ, а на тощее и глинистое мѣсто или бугорокъ, выгарающій отъ солнца, накладываютъ кучи, одну подлѣ другой, чтобъ по возможности всю десятину уравнять въ качествѣ. Крестьяне возятъ удобреніе съ своихъ дворовъ, для успѣха въ работѣ, часто не въ колышкахъ, а на четырехъ-колесныхъ обыкновенныхъ телѣгахъ и накладываютъ столько на телегу, сколько лошадь можетъ свезти. Съ господскихъ же скотныхъ и конныхъ дворовъ и изъ навозныхъ ямъ всегда возятъ въ колышкахъ, на которыя накладывается, примѣрно, отъ 7 до 10 пудовъ (**), судя по свойству навоза. Соломистый, пересохлый новозъ вѣсомъ легче, а сырой и перепрѣлый тяжеле.

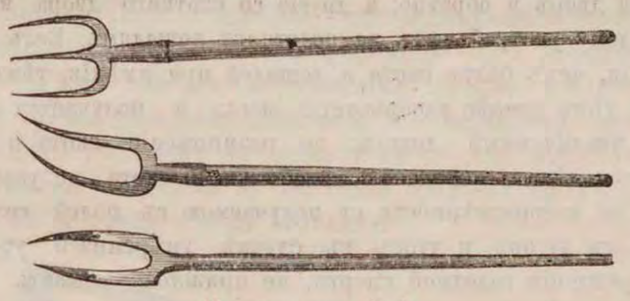
Такъ какъ во всѣхъ работахъ на барщинѣ крестьяне пуще всего заботятся о томъ, чтобъ одному не сработать болѣе другаго и сохранить равенство труда то, когда возятъ навозъ, предвари-

---

(*) Многіе крестьяне и не лешатъ.

(**) Возятъ и до 15 пудовъ; но въ сложности, при порядочномъ надзорѣ, должно полагать возъ въ 12 пудовъ. *Прим. Изд.*

тельно раздѣляютъ скотный дворъ на участки, по числу колышекъ, и каждый рабочій вывозитъ навозъ изъ участка, доставшагося ему по жеребью. Въ этомъ дѣлежа труда нельзя не подивиться смѣтливости Русскаго человѣка. Навозъ никогда ни на скотномъ дворѣ, ни на воркѣ (*) не можетъ лежать равнымъ слоемъ: гдѣ случится, что слой въ двое или въ трое толще противъ другаго мѣста, гдѣ навозъ сырѣе, суше и соломистѣе; но мужики съ такою точностію умѣютъ выравнивать между собою работу, что число колышекъ, свезенныхъ изъ каждаго участка, всегда почти равно. Навозъ на колышки накладывается вилами и совершенно подчищается деревянными лопатами. Вилы эти двухъ родовъ: деревянныя, двузубчатыя съ желѣзными наконечниками, и желѣзныя или трезубыя, насаженныя на деревянную рукоять.

Навозныя вилы. № 2.

Когда навозъ вывезутъ, бабы тѣми же желѣзными вилами разбиваютъ кучи такъ, чтобъ навозъ легъ ровно по всей десятинѣ, а потомъ разбитый навозъ запахивается сохою. Запахиваніе навоза у не многихъ хорошихъ хозяевъ дѣлается такъ: мужикъ сохою проводитъ борозду, бабы идутъ за нимъ и въ эту борозду закладываютъ навозъ вилами. Когда же пропашется другая борозда рядомъ съ первой, то выворачиваемая изъ второй борозды земля сама засыпаетъ навозъ въ первой бороздѣ, и такъ далѣе. Навозъ конскій съ ворковъ у насъ предпочитаютъ коровьему со скотныхъ дворовъ, потому что лошадь, безпрестанно бродя по двору, особенно въ холодное время и зимою, перебиваетъ и даже взрываетъ солому, отъ чего ворковый навозъ мельче и лучше

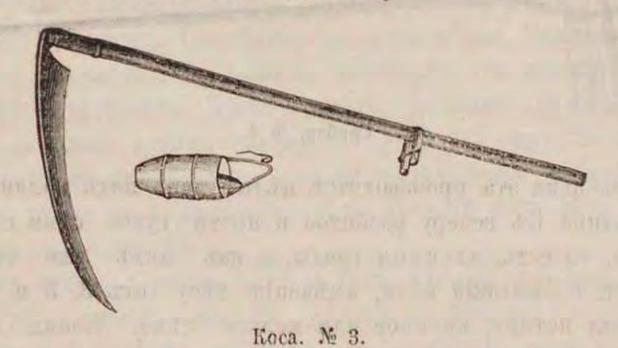
(*) Воркомъ называется конный дворъ съ отдѣлами.

перегораетъ, нежели на скотныхъ дворахъ; коровы же болѣе стоятъ или лежатъ, а ходить не любятъ. По этому, удобреніе полей въ имѣніяхъ, гдѣ есть хотя маленькій конный заводъ, всегда лучше. Но конные заводы не возможны безъ луговъ, а ихъ не вездѣ достаточно Къ тому жъ содержаніе лошадей начетисто и хлопотливо тогда какъ корова не требуетъ почти никакого особеннаго ухода. Кромѣ удобренія, корова даетъ доходъ—молокомъ, творогомъ, масломъ, телятами, а подъ старость и сама идетъ въ солонину; шкура же или продается, или выдѣлывается для домашняго употребленія. Десять головъ мелкой скотины, какъ то: овецъ, свиней, козъ и до года телушекъ, считаютъ собственно для навоза за одну корову. Чтобъ навозъ, какъ на скотномъ, такъ и на конномъ дворѣ былъ одинаковаго качества, нѣкоторые хозяева перегоняютъ понедѣльно скотъ на ворокъ, а лошадей на скотный дворъ и обратно; а другіе со скотнаго двора неперебитую солому употребляютъ на подстилку лошадямъ. Безъ всякаго сомнѣнія, чемъ болѣе скота и лошадей при имѣніи, тѣмъ больше навоза, тѣмъ скорѣе удобривается земля и получается сравнительно увеличенный доходъ; но размноженіе скота и лошадей стараются дѣлать исподоволь, чтобъ число скота не увеличилось вдругъ до несоразмѣрности съ получаемою съ полей соломою и сѣномъ съ луговъ, и чтобъ въ случаѣ умѣреннаго урожая, въ предупрежденіе голодной смерти, не пришлось сбывать скота и лошадей за безцѣнокъ Къ несчастію, у людей нерасчетливыхъ, какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, случается и это.

Въ день Рождества Іоанна Предтечи, 24 Іюня,—въ промежуткахъ между заутрени и обѣдни, собираются травы, которыми народъ врачуетъ болѣзни. Собираніемъ травъ занимаются бабы и дѣвки. Буквица, звѣробой, кашка, матренка, землянка, трилистникъ, мать и мачиха, и проч.; все это сушатъ на солнцѣ и на вѣтру въ запасъ и пьютъ отъ кашля, отъ грудныхъ болѣзней, отъ боли живота. Отъ чахотки употребляютъ рябину и мать и мачиху; эту же траву привязываютъ къ головѣ, для чего предварительно размачиваютъ ее въ водѣ. Существуетъ повѣрье, что если въ Ивановъ день, между заутрени и обѣдни, вырыть чернобыльникъ, то подъ нимъ безпремѣнно отыщется уголь. Дѣйствительно я и самъ находилъ, да думаю, что и всякой найдетъ, и не въ Ивановъ день, если пристально поищетъ, потому, что

чернобыльникъ любитъ рости на пожарищахъ, въ усадьбахъ около селеній, гдѣ почти нѣтъ мѣста, куда бы не могъ быть занесенъ уголь. Какъ бы то ни было, только этому углю, который впрочемъ не всегда попадается, приписываютъ силу излѣчивать лихорадку, ежели пить съ водою.

Петровъ постъ самый голодный для народа. Овощей нѣтъ еще никакихъ, даже капуста кислая, заготовляемая въ прокъ, уже на исходѣ, и потому обыкновеннымъ кушаньемъ бываетъ квасъ съ зеленнымъ лукомъ и свѣжіе огурцы. Огородники въ большемъ количествѣ развозятъ по деревнямъ эти произведенія и крикъ по деревнѣ: «по лукъ! по лукъ!» приводитъ въ движеніе обывателей: кто бѣжитъ съ грошемъ, кто съ пятакомъ, кто съ яйцемъ, для покупки и вымѣна лука, и потомъ старый и малый возвращаются домой неся въ рукахъ длинныя пучки драгоцѣннаго овоща, котораго цвѣтъ, густой и зеленый, разительно отличается отъ ослѣпительной на солнцѣ бѣлизны подземной части растенія. Отъ употребленія лука матерями-кормилицами грудные младенцы въ это время сильно страдаютъ поносами. По народному повѣрью, Петровъ постъ учрежденъ по просьбѣ бабъ для скопа масла. Ежелибъ молоко съѣдалось въ это самое обильное удоемъ время, то масла бы не скопить и въ половину.

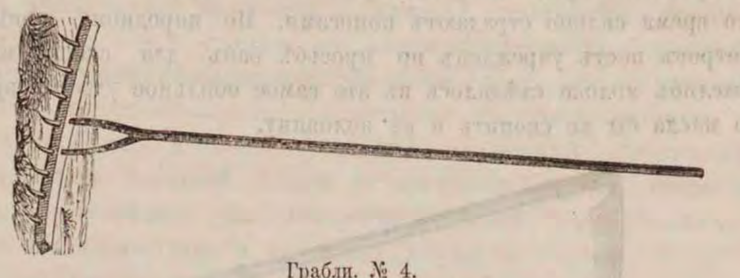
Коса. № 3.

Іюня 23-го день Св. Агрипины, а по простонародному Св. Аграфены. Въ этотъ день для пополненія домашнихъ аптекъ, начатыхъ заготовленіемъ въ Ивановъ день, роютъ коренья, живульку отъ рѣзи въ животѣ, Петровъ крестъ, который, будучи положенъ въ горячую печь, начинаетъ сильно ворочаться, и употребляется отъ припадковъ падучей болѣзни; коренья дикой

зори и другіе, не менѣе благодѣтельные. День 23 Іюня называется днемъ *Аграфены злыя коренья*, можетъ быть отъ того, что въ этотъ день старинные колдуны запасали и запасаютъ свои зелья на порчу людей и животныхъ.

Покосы начинаются иногда до Петрова дня и продолжаются во весь Іюнь. Ежели луга удалены отъ деревень на большое разстояніе, то крестьяне съ бабами, дѣвками и грудными младенцами выѣзжаютъ на луга и до окончанія уборки сѣна располагаются станомъ близь рѣки или ручья, или подъ тѣнію рощи. Тутъ устраиваютъ они шалаши изъ сѣна и въ котелкахъ повѣшенныхъ на жердочкахъ, варятъ неприхотливый обѣдъ и ужинъ. По вечерамъ картина таборовъ очень живописна и оживлена.

Работа начинается со свѣтомъ, потому что косить и легче и успѣшнѣе, когда трава еще увлажена росою. Чѣмъ роспстѣе трава, тѣмъ легче косить. Скошенную рядомъ траву бабы и дѣвки немедленно разбиваютъ, то есть, растрепываютъ рукоятками граблей, для того, чтобъ солнце и вѣтеръ могли лучше ее просуши-

Грабли. № 4.

вать. Разбивка эта производится цѣлый день подъ палящими лучами солнца Къ вечеру разбитое и почти сухое сѣно сгребаютъ въ валы, то есть, длинныя гряды, а изъ нихъ уже образуютъ копны, т. е, высокія кучи, имѣющія вѣсу отъ 3, 5 и до 8 пудовъ, судя потому, крупное или мелкое сѣно. Копна крупнаго сѣна, при равномъ объемѣ, всегда легче мелкаго. На другой день, когда роса уже поднялась, копны эти разваливаютъ кругами, чтобъ солнце окончательно ихъ пережарило. (*) а потомъ опять сваливаютъ въ копны и мечутъ въ стога. Этотъ порядокъ обыкновенно бываетъ при уборкѣ въ ведренное время, но ежели слу-

(*) Народное выраженіе.

чайно находятъ тучки и перепадаютъ дожди, то при уборкѣ сѣна бываетъ много хлопотъ. Когда тучка еще находитъ или невзначай пойдетъ дождь, стараются сѣно, если оно еще не въ копнахъ или если копна еще развалена,—немедленно скопнить, и сѣно остается въ копнахъ во все время ненастья. Но какъ только проглянетъ солнце, сей часъ копны разваливаютъ и перебиваютъ сѣно до тѣхъ поръ, пока оно совершенно просохнетъ Неблагопріятная погода, при уборкѣ сѣна, чрезвычайно затрудняетъ работу и частыя перемочки бываютъ причиною, что сѣно чернѣетъ и теряетъ свое достоинство.

При благопріятныхъ условіяхъ, уборка сѣна считается одною изъ пріятнѣйшихъ сельскихъ работъ. Время года, теплыя ночи, купанье послѣ утомленія и зноя, благоуханный воздухъ луговъ,— все вмѣстѣ имѣетъ что-то обаятельное, отрадно дѣйствующее на душу. Бабы и дѣвки имѣютъ обычай, для работъ въ лугахъ, надѣвать на себя не только чистое бѣлье, но даже одѣваться по праздничному. Для дѣвокъ лугъ есть гульбище, на которомъ онѣ, дружно работая граблями и сопровождая работу общей пѣсней, рисуются передъ женихами.

Стога сѣна бываютъ двухъ видовъ: одни съ круглымъ основаніемъ, остроконечные, а другіе въ видѣ хлѣбныхъ скирдовъ, сметываемые продолговатымъ четвероугольникомъ, съ крышеподобнымъ верхомъ. Послѣдніе кладутся рѣдко. Величина стоговъ зависитъ отъ произвола хозяина, сообразно его расчету и хозяйственной потребности. Чтобъ узнать, сколько будетъ зимнихъ возовъ въ стогу, стоитъ только измѣрить его окружность. Сколько саженей въ окружности, столько понадобится подводъ, чтобъ поднять стогъ, т. е. перевести сѣно. Зимній возъ сѣна полагается 25 и до 30 пудовъ.

Время летитъ быстро. Вотъ и Іюль мѣсяцъ заполовину переходитъ. Ржи по возвышеннымъ мѣстамъ, буграмъ и косогорамъ бурѣютъ, а на сухихъ мѣстахъ, на припекѣ солнца, совсѣмъ готовы, хоть коси. Овсы тоже начинаютъ желтѣть;—приходитъ время самое трудное: успѣвай только работать, и сколько бы ни было рукъ—все покажется мало. Не то хлѣбъ убирать, не то метать землю подъ рожь. До Ильина дня (20 Іюля) земля не только должна быть вз метана, но и передвоена. Метку земли подъ озимый посѣвъ начинаютъ, какъ только вывезутъ навозъ, и по-

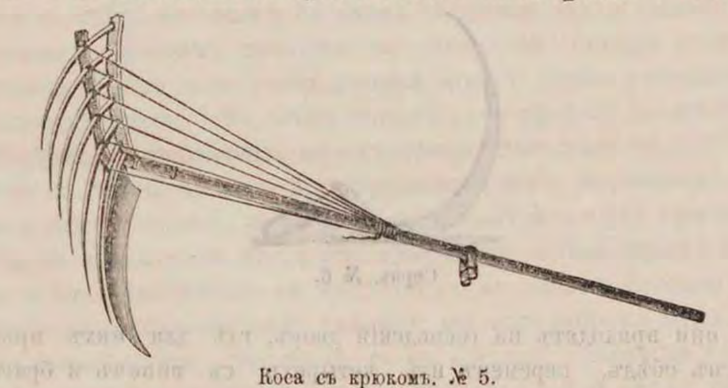
тому земледѣлецъ до самаго послѣдняго дня уборки часто не знаетъ, за что приняться; все нужно: и рожь готова, и овесъ того и гляди перезрѣетъ, и посѣвомъ не надо опоздать, и горохъ готовъ, и греча совсѣмъ потемнѣла, пожалуй, перезрѣетъ, и зерно осыплется. Въ осенній сѣвъ нѣкоторые хозяева, хоть десятинку, хоть двѣ, а непремѣнно посѣютъ до Преображенія (6-го Августа). Пахота и сѣвъ производятся тѣмъ же порядкомъ, какъ и весною. Но тутъ есть разсчетъ во времени: слишкомъ рано—ранніе морозы могутъ захватить и убить всходы, когда они еще не «*выкрасились*».

Говорятъ; «рожь въ краскѣ»; это значитъ, что ржаные всходы только еще вышли изъ земли и не успѣли позеленеть, а имѣютъ цвѣтъ красноватый. Хорошо, когда рожь, до наступленія морозовъ, разростется кустами -- «закустится», но дурно когда останется въ краскѣ, или на оборотъ: вытянется *въ трубку*. Впрочемъ очень часто бываетъ, что рожь съ осени внушаетъ хозяину опасеніе, но благотворная весна все исправляетъ. Иногда случается на оборотъ: отличныя съ осени озими гибнутъ весною. Это породило поговорку: «осень говоритъ: я всклочу; а весна отвѣчаетъ: нѣтъ, какъ я захочу»!

По обыкновенному порядку, рожь начинаютъ косить или жать около Ильина дня. Вечеръ на Ильинъ день или самый Ильинъ день рѣдко проходитъ безъ грома и молніи, и говорятъ, что въ этотъ день Илья Пророкъ ѣдетъ на небо въ огненной колѣсницѣ. Въ это время года грозы бываютъ часто, и полуденныя грозы рѣдко не сопровождаютси градомъ. Грозовая туча наводитъ страхъ на земледѣльца: всѣ его труды, всѣ надежды могутъ погибнуть въ полчаса. Отъ души молится всякій. Можно смѣло сказать, что никогда горожанинъ такъ не молится. Для предохраненія отъ града выставляютъ на дворѣ Богоявленскую воду, а передъ образами зажигаютъ Богоявленскую свѣчу. Иные, еще съ весны, зарываютъ во всѣхъ поляхъ въ землю стеклянки съ святою крещенскою водою, – и по вѣрѣ бываетъ благодать. Часто очень бывало, что поля, защищенныя присутствіемъ святой воды, оставались невредимыми, тогда какъ смежныя дачи, по самый рубежъ, были совершенно истреблены градомъ. По вечерамъ небо нерѣдко освѣщается отдаленными молніями, которыя вспыхиваютъ то тутъ, то тамъ. На мгновеніе покажутся предметы, и

опять все погрузится въ мракъ. Въ лѣсахъ тихо и тѣмно; свѣтляки свѣтятъ въ лѣсной травѣ огненными точками; перепела кричатъ во ржахъ кузнечикъ трещитъ въ муравѣ... Эти отдаленныя молніи называютъ *зорницею*. Народъ говоритъ, что зорница «зоритъ» (*) хлѣбъ, т. е. способствуютъ созрѣнію.

Къ этому времени у крестьянъ всѣ зерновые запасы истощены, такъ что часто нѣтъ хлѣба, и потому они прибѣгаютъ къ займамъ. Можно судить по этому, какъ довольны бываютъ всѣ, когда хлѣбъ уродился и созрѣлъ. Часто бываетъ, что негдѣ занять хлѣба для насущнаго продовольствія; тогда начинаютъ жать рожь прежде, нежели она созрѣетъ. Рожь, овесъ, ячмень и пшеницу иногда жнутъ, а иногда косятъ судя по урожаю. Если рожь высока и густа, если отъ жира земли, отъ обильныхъ дождей и отъ налива зерна рожь полегла и опутана вьющимися травами, то косить невозможно и непремѣнно надо ее жать. Но гдѣ рожь не густа и не высока, тамъ просто косятъ *«подъ крюкъ»* т е. косою,

Коса съ крюкомъ. № 5.

къ которой придѣланы зубья или грабельки, чтобъ скошенная рожъ ложилась порядкомъ и не перепутывалась. Съ пшеницей и ячменемъ юступаютъ точно такъ же. Овесъ почти вседа косятъ, но бываетъ, что и овесъ, при дождливомъ лѣтѣ и на хорошей землѣ, чрезвычайно высокъ и густъ; въ такомъ случаѣ его жнутъ. Чтобы сжать въ день одну тридцатую десятину хоро-

(*) *Зорить* глаголъ виннословный: онъ значить—заставлять зрѣть, т. е. спѣть. Съ глаголомъ *зрѣть*, въ значеніи видѣть, это слово не имѣетъ ничего общаго, кромѣ созвучія. Въ Южной Россіи зорница называется спѣлица. Изд. Рус. Бѣс.

шей ржи, надо отъ шести до десяти серповъ. (*) Если вся десятина полегла и повита травою, тогда двадцать и болѣе жницъ едва въ состояніи справиться, и къ концу рабочаго дня бываютъ страшно утомлены. Помѣщики, когда Господь пошлетъ обильный урожай, такъ что своими средствами нѣтъ возможности управиться съ уборкою, призываютъ «помочь». Для этого, наканунѣ праздничнаго или Воскреснаго дня, посылаютъ нарочнаго въ сосѣднее оброчное и казенное селеніе съ приглашеніемъ мужиковъ покоситься, а бабъ пожаться или повязаться. Приглашаютъ въ праздникъ, потому что на себя работать въ праздникъ грѣхъ, а пособить доброму человѣку грѣхомъ не считается. По приходѣ нарочнаго, сей часъ собирается сходка, и старики опредѣляютъ; сколько къ сосѣду отправить на помочь мужиковъ и бабъ. На другой день, раннимъ утромъ, назначенное число рабочихъ является къ сосѣду и тотъ же часъ всѣ отправляются въ полѣ. Въ

Серпъ. № 6.

часъ они приходятъ на господскій дворъ, гдѣ для нихъ приготовленъ обѣдъ, переменъ изъ четырехъ, съ виномъ и брагой. Послѣ обѣда, вмѣсто отдыха, рабочіе начинаютъ плясать пѣть и, навеселившись вдоволь, опять идутъ въ поле, гдѣ работаютъ до захожденія солнца. Окончивъ день, опять собираются съ пѣснями на барскій дворъ ужинать и послѣ ужина, иногда до полуночи, водятъ хороводы, пляшутъ и до того развеселятся, что еслибъ не напоминали имъ безпрестанно, что пора домой, то они бы протолклись на барскомъ дворѣ до утренней зори. Наконецъ они уходятъ; но долго еще въ тиши лѣтней ночи раздаются постепенно замирающіе звуки ихъ веселыхъ пѣсенъ, и долго еще

(*) Нерѣдко случается, что жнутъ не только одни бабы, но и мужики.

въ невозмутимой тишинѣ и мракѣ двора мерещатся пляшущія фигуры и плавно движущіеся круги хороводовъ. Помочь дается сосѣдними крестьянами всегда съ большою готовностію и даже удовольствіемъ. Кромѣ угощенія и веселаго гулянья, привлекательныхъ для молодежи, готовность помочь происходитъ отъ признательности за полезныя и совѣтомъ, и дѣломъ услуги помѣщика-сосѣда. Жнутъ двумя способами: или прямо связываютъ въ снопы, если рожь чиста, т. е., не травяниста и совершенно созрѣла, или, въ противномъ случаѣ, срѣзываютъ рожь серпами и кладутъ ее кучками, *«горстями»*: это называется жать на горсти. Когда сжатая вмѣстѣ съ хлѣбомъ трава отъ солнца и вѣтра замретъ и засохнетъ, тогда изъ горстей вяжутъ снопы. Изъ трехъ, четырехъ и пяти горстей составляется снопъ. Къ вечеру, предъ окончаніемъ дневной работы, связанные и сжатые снопы складываются въ копны.

Копна состоитъ изъ четырехъ крестцевъ, а крестецъ изъ тридцати споповъ. Въ копнѣ 52 снопа. Крестцы складываются слѣдующимъ образомъ: кладутся крестообразно четыре снопа колосьями внутрь такъ чтобы колосья одного снопа прикрывались колосьями другаго на этотъ первый слой сноповъ кладется другой, тѣмъ же порядкомъ; потомъ третій слой стало быть 12 сноповъ положены. Потомъ крестецъ покрывается послѣднимъ тринадцатымъ снопомъ, который накладывается сверху крестца, съ угла на уголъ, такъ, чтобы онъ прикрывалъ собою середку и чтобы колосья его лежали въ наклонномъ положеніи. Крестцы складываются такимъ образомъ для того, что если пойдетъ дождь, даже продолжительный, проливной, то въ крестцѣ, правильно сложенномъ, пострадаетъ развѣ самый нижній слой и самый верхній снопъ, который впрочемъ скоро обвѣтривается и, находясь въ наклонномъ положеніи, не позволяетъ водѣ проникать въ средину колосьевъ. Бываетъ, что во время самаго разгара жнитва, около или вскорѣ послѣ полудня, покажется тучка и внезапно закропитъ дождь; тогда, для сохраненія сжатаго хлѣба, бросаютъ дальнѣйшее жнитво и готовые снопы, какъ можно поспѣшнѣе, стаскиваютъ въ копны.

Когда порядочное количество десятинъ уже сжато и копенъ наставлено столько, что числа ихъ будетъ достаточно не на одинъ скирдъ или одонье, тогда уборку въ полѣ предоставляютъ

однимъ бабамъ, а мужики запрягаютъ въ телѣги лошадей и ѣдутъ возить хлѣбъ въ гумно. Возка начинается обыкновенно тогда, когда уже хорошо ободняетъ и солнце совершенно обсушитъ ночную росу. Подъѣхавъ на рысяхъ къ копнѣ, мужикъ слѣзаетъ съ телѣги, короткой вилой вскидываетъ на возъ снопы и, когда извѣстное количество сноповъ положено, накладываетъ сверху для притуги жердь, обвязываетъ весь возъ веревкой, чтобъ снопы не расползлись, и окончивъ это дѣло, либо и самъ лѣзетъ на самый верхъ воза и ѣдетъ, или идетъ тихонько пѣшкомъ, ведя лошадь подъ уздцы или заповодъ.

Обыкновенно накладывается на возъ отъ полукопны до трехъ крестцевъ; только въ крайнемъ случаѣ, когда торопятся уборкою, накладывается вся копна. Снопы сжатой ржи или «жатка» вяжутъ чище и соломой она короче, а потому и накладывать ихъ на телѣгу можно удобнѣе и болѣе, нежели сноповъ «кошенки», у которой солома несравненно длиннѣе отъ чего и снопы бываютъ толще, да и вяжутся они не такъ тщательно. Рѣдко когда можно взвалить на телѣгу болѣе полукопны кошеной ржи. Овесъ возятъ почти всегда по цѣлой копнѣ, потому что снопы овсяные менѣе ржаныхъ.

На барщинѣ, во время уборки хлѣба, ежели послать бабъ на десятину жать или вязать сообща, то онѣ вяжутъ не торопясь, вяжутъ тщательно но снопы бываютъ необъемисты; потому что всякая изъ бабъ очень хорошо знаетъ, что она пойдетъ домой не ранѣе другихъ, а для нея не все ли равно сколько бы она ни навязала? Не за вину же работать ей болѣе всѣхъ! Но ежели десятина раздѣлена для работы на уроки, тогда жнитво или вязка идетъ быстрѣе. Одна передъ другой торопится связать скорѣе свой участокъ и прежде другихъ оставить поле; а въ слѣдствіе этой ускоренной работы и снопы вяжутъ непомѣрно велики... Надобно замѣтить, что всякая раздѣленная работа, гдѣ только возможно употребить ее, въ хозяйствѣ всегда бываетъ выгоднѣе.

Овесъ, рожь и другіе хлѣба складываются въ скирды и одонья. Скирдъ имѣетъ видъ продолговатаго четырехъ-угольника, шириною въ основаніи отъ 4 до 5 аршинъ и шире; длина же бываетъ отъ 10 до 12 и болѣе аршинъ. Иногда складываются большіе скирды или *клади*, саженъ въ 7, или длиннѣе, гдѣ какъ заведено, и смотря по мѣстному положенію гумна. Обыкновенные скир-

ды для молотьбы удобнѣе. Одонья кладутся круглыя, съ остроконечнымъ верхомъ. Основаніе одонья въ поперечникѣ бываетъ отъ 5 до 6 аршинъ, иногда менѣе, а иногда немного болѣе. Одонья и скирды до 9-й «версты», т. е. ряда или слоя сноповъ, нѣсколько расширяются снизу въ верхъ, а съ девятой версты ихъ начинаютъ вершить, т. е. съуживать, одонья въ видѣ круглаго шара, а скирды обыкновенно на подобіе продолговатой крыши, со скатомъ на всѣ четыре стороны. Чѣмъ непримѣтнѣе завершается скирдъ или одонье, т. е., чѣмъ верхъ бываетъ круче, тѣмъ лучше предохраняются они отъ осеннихъ дождей и непогодъ. Нужное число копенъ, для обсѣмененія поля ржи, а ежелъ позволяетъ просторъ, то и болѣе, складываютъ для молотьбы въ ригу (*) или сарай, разумѣется, у кого онъ есть. Въ ригу складываютъ крестьяне обыкновенно и другіе красные хлѣба, какъ-то: пшеницу, горохъ и проч. Крестьяне, по своимъ малымъ средствамъ, не могутъ имѣть обширныхъ ригъ. Но у помѣщиковъ риги строются очень велики и бываютъ до 30 и болѣе саженей въ длину. Хорошіе хозяева имѣютъ, кромѣ риги, сараи и навѣсы, подъ которые убираютъ хлѣбъ. Рожь, убранная подъ крышу прямо съ поля бываетъ суше, умолотистѣе и качествомъ зерна превосходнѣе той, которая складывается въ одонья и скирды. Но дороговизна лѣснаго матеріала и недостатокъ денежныхъ средствъ препятствуютъ хозяевамъ складывать весь хлѣбъ подъ крыши.

Чтобъ поставить скирдъ или одонье, сперва приготовляется «падина». Падины подъ скирды бываютъ постоянныя и временныя. Постоянныя падины строятся двумя способами: 1-й спо-

Падинный столбикъ. № 7.

собъ—ставятъ 6 или 8 столбиковъ вышиною отъ 3 четвертей до аршина. Каждый «падинный столбикъ» вершка на два ниже верхняго конца зарѣзываютъ кругомъ такъ, чтобъ мышь ежелибъ ей вздумалось вскарабкаться по столбику въ скирдъ, для достиженія

(*) Ригами у насъ называютъ молотильные сараи.

своей цѣли, должна бы была принять горизонтальное положеніе,—чего, разумѣется, она сдѣлать не можетъ. Столбики связываются между собою бревнами, а на эти связи кладутъ поперекъ переводины, разстояніемъ одна отъ другой на аршинъ. Сдѣланныя такимъ образомъ падины остаются на гумнѣ постоянно и не разбираются Когда понадобится на нихъ класть хлѣбъ, то переводины застилаютъ хворостомъ; сверхъ хвороста накладываютъ солому, и потомъ уже начинаютъ взводить скирдъ. Постоянныя падины устроиваютъ также и изъ плетня или изъ камня гдѣ, его много. Пространство, назначенное подъ скирдъ, оплетаютъ плетнемъ или окружаютъ каменною стѣнкою, вышиною $^1/_2$ аршина и болѣе; средину набиваютъ вровень съ краями глиною, которая образуетъ такимъ образомъ плотный полъ. Для клади хлѣба, на глину настилается только солома. Временныя падины дѣлаются просто: на землю, по величинѣ скирда или одонья, кладутся четыре бревна, образующія четырехъ-угольникъ; пространство между бревнами закладываютъ хворостомъ, на хворостъ стелятъ солому, и падина готова. Если нѣтъ ни бревенъ, ни хвороста, и настоящей падины сдѣлать не изъ чего, то просто настилаютъ на землю соломы.

Есть обычай, впрочемъ не общій, класть въ скирды троицкіе пучечки или цвѣты, съ которыми слушали вечерню въ Троицынъ день. Говорятъ, что это предохраняетъ хлѣбъ отъ мышей.

Кстати о мышахъ. Мыши бываютъ иногда сущимъ бичемъ въ гумнахъ. Жатый хлѣбъ не столько подвергается нападенію мышей, какъ кошеный, Снопы перваго тверже, весь скирдъ кладется плотнѣе и садится ровно и потому мышамъ труднѣе въ него проникнуть. Скирды кошенаго хлѣба имѣютъ, напротивъ того, снопы рыхлые; между снопами остаются просовы, а потому мышамъ очень удобно заводить гнѣзда не разъ случалось, что, когда начинали ломать такой скирдъ для молотьбы, находили, что въ срединѣ всѣ снопы перѣедены до того, что, вмѣсто сноповъ, выгрѣбали однѣ кучи сора. Я самъ былъ свидѣтелемъ, что при ломкѣ одного скирда было убито до полуторы тысячи мышей; надобно замѣтить еще, что многіе разбѣжались, а другія были съѣдены случившимися тутъ собаками. Мыши быстро появляются и также быстро исчезаютъ. Большое ихъ размноженіе предвѣщаетъ не урожай, «къ гододному году». Если испеченый

хлѣбъ мыши ѣдятъ сверху, хлѣбъ будетъ дорогъ; снизу—цѣны на хлѣбъ будутъ низки; если же мышь въѣдается въ средину,—то цѣны на хлѣбъ будутъ среднія Жертвою мышей бываютъ не однѣ гумна, но и сады. Бывали примѣры, что мыши объѣдали многія сотни яблонныхъ и грушевыхъ молодыхъ деревъ, и садъ, разведенный съ великимъ трудомъ погибалъ въ одну зиму. Взглянемъ на господское гумно, не на выборъ, а такъ, сучайно. Всѣ дворовые люди, начиная отъ барскаго комнатнаго и другихъ лакеевъ, кромѣ дневальнаго, всѣ кучера, кузнецы, столяры, ткачи, садовники, пожалуй, и поваръ, если онъ не одинъ на кухнѣ,—всѣ участвуютъ въ уборкѣ хлѣба, и все еще какъ будто рукъ мало. Если бы ихъ было вдвое и втрое, и тогда не были бы онѣ лишними. Кто возитъ, кто подаетъ снопы вилами Дѣятельность кипитъ. Какой нибудь отживающій вѣкъ старикъ, изъ дворовыхъ, стоитъ возлѣ работающихъ и мѣтитъ на «бирку», т. е., нарѣзываетъ на палочку четверти въ три длиною крестики означая ими число привозимыхъ копенъ. Староста или прикащикъ, надсматривающій въ это время въ полѣ, имѣетъ тоже свою бирку, и потомъ обѣ бирки сличаются. Бирка мѣтится для каждаго скирда особенная и, какъ окончится кладка, втыкается въ свой скирдъ.

И такъ старикъ мѣтитъ. Въ ригу не разъ уже заходилъ помѣщикъ справиться, сколько свезено хлѣба. Ему бы хотѣлось все вдругъ схватить съ поля да свезти въ гумно. Онъ безъ галстука и безъ жилета, потому что жаръ стоитъ нестерпимый; пальто изъ суроваго холста на плечахъ, легкій картузъ на головѣ, а въ рукахъ простая кленовая палочка. Онъ весело озабоченъ. По виду, ему подъ сорокъ лѣтъ. Лѣтъ 15 прослужилъ онъ въ военной службѣ, а теперь, какъ слѣдуетъ мирному гражданину, занимается хозяйствомъ. Онъ не чуждъ высокихъ стремленій; міровыя событія волнуютъ его душу, онъ сочувствуетъ успѣхамъ наукъ и художествъ, онъ горячо любитъ свое отечество, Въ обязанности помѣщика онъ сознаетъ великое призваніе заботы и попеченія о ввѣренныхъ ему Богомъ и общественными законами ближнихъ. Онъ смотритъ на хозяйство, какъ на основу государственнаго богатства, какъ на залогъ благоденствія народнаго, и при всемъ томъ онъ чрезвычайно лѣнивъ. Ему бы лежать подъ деревомъ на травѣ, да читать, или смотрѣть въ синеватую даль и прогонять чрезъ память все свое прошедшее, или бродить одному, а

порой и съ женою, по лѣсамъ и полямъ и пріискивать всѣ возможные случаи, чтобъ ничего не дѣлать. Разъ пять или шесть послѣ обѣда заходилъ онъ по гумно взглянуть на работу, и, на этотъ разъ войдя въ ригу, присѣлъ на кучу соломы, приготовленную для падинъ.

Садитесь-ка, Ѳедосѣичъ! говоритъ онъ 97 лѣтнему старику, который мѣтитъ на бирку, садитесь!

Постою, батюшка,—отвѣчаетъ тотъ,—я постою.

Но помѣщикъ его уговариваетъ, и тотъ садится.

— Нонче, кажется, пшеница наливна и суха, говоритъ помѣщикъ.

— Знатная пшеница, батюшка, и весь хлѣбъ хорошъ, а все такихъ урожаевъ, какъ бывало, нѣтъ. Богъ знаетъ, отъ чего, а какъ--то не помнится, чтобъ въ старину была засуха или дурное что.

— Тогда было много лѣсовъ, Ѳедосѣичъ, по этому и засухъ не было.

— Можетъ статься; а вотъ я вамъ доложу, государь мой, что вотъ отъ самаго Зарайска до села Кукова гдѣ вотъ теперь вашъ братецъ живетъ,—все-то были сплошные лѣса. Дубы охвата въ два и въ три. Въ Куковѣ, вотъ изволите видѣть, жилъ прадѣдушка вашъ.

— А что, Ѳедосѣичъ, хорошо вы помните прадѣдушку?

— Какъ же не помнить? Я былъ, государь мой, ужъ лѣтъ 20 или 25, какъ скончался прадѣдушка.

— Какую же должность вы тогда исправляли?

— Я былъ ткачемъ. И славно жилъ вашъ прадѣдушка! У него было душъ тысячи двѣ. И какія вотчины, какія земли, угодья!

— Много получалъ доходу?

Да какъ бы вамъ сказать, не солгать, государь мой? Денегъ тогда какъ-то было мало, да и нужды въ нихъ не было. Можетъ статься получалъ рублей 500 со всего имѣнія, и все-то мѣдными деньгами. Какъ если брать нужно было съ собой денегъ, куда ѣхать, такъ возили деньги въ особой фурѣ.

— Да чѣмъ же жилъ-то онъ безъ денегъ?

— Какъ чѣмъ, государь мой? Да на чтожъ нужны были деньги? Винокуренный заводъ свой; всякая вотчина доставляла запасы: изъ одной вотчины везли пшено крупу, изъ другой свинину,

изъ третьей всякую живность; бывало, анбары и кладовыя биткомъ набьетъ всякимъ харчемъ.

— Чѣмъ занимался прадѣдушка?

— Какъ-съ занимался?

Читалъ-ли что? игралъ ли въ карты, или хозяйствомъ занимался?

— Нѣтъ-съ, этого не было. Книги, не знаю, не то были, не то нѣтъ. Въ карты тогда не знали играть, да и не было ихъ у насъ; о хозяйствѣ тоже не заботились: этимъ завѣдывалъ староста да управляющій. Всего было много!...

— Да чѣмъ же наконецъ занимались господа-то?

— Мало ли чемъ? разными забавами занимались. Тогда, бывало, господъ много жило въ деревняхъ; вотъ всѣ гурьбой отъ сосѣда къ сосѣду, отъ одного къ другому; а какъ, бывало, соберутся къ намъ въ Куково, то по недѣлямъ, бывало, живутъ. Запасъ, примѣромъ, всякій свой, не купленный; наливокъ бывало въ волю: пьютъ да гуляютъ. Вѣчеромъ иной разъ поставятъ на дворѣ столъ и пьютъ пуншъ да *взварецъ*, знаете, вино, сваренное на ягодахъ.. а тутъ бабы пѣсни играютъ, пляшутъ, водятъ хороводы. Ну, вотъ господа и веселятся... Люди дворовые играютъ въ городки, въ бабки, въ свайку.. а народу-то у насъ много было, человѣкъ до 80; и всѣ чуть не въ сажень ростомъ, молодецъ къ молодцу!

— Какъ же ихъ одѣвали? Чай, дорого стоило?

— Одѣты они были въ темнозеленые казакины домашняго сукна и подпоясаны красненькими шерстяными кушачками, въ родѣ пояса; волосы обстрижены были въ кружекъ, а на ногахъ были волосянички вмѣсто сапогъ.

— Что значитъ волосянички?

— А это, государь мой, родъ лаптей, сплетенныхъ изъ волоса конскаго хвоста; сами и плели.

— Отъ чего жъ сапогъ-то имъ не давали?

— Сапоги носили только господа. Да вотъ, я вамъ доложу, и на барышняхъ ничего покупнаго не было. Платья и платочки носили все моей работы; бывало купимъ тонкой аглицкой бумаги, да и наткемъ канифасу барышнямъ на платья: еще изъ красной аглицкой бумажки натку, бывало, платочковъ тоненькихъ; вотъ и носятъ. И хорошо было. Самая старшая барышня

заправляла всѣмъ домомъ. Старой барыни вашей прабабушки я уже не засталъ въ живыхъ; не знавалъ ея.

— Что жъ, бабушка исправно озяйничала?.

— Ну, таки исправно. Вотъ видите ли, государь мой, встанетъ, бывало, еще часу въ пятомъ и усадитъ дѣвокъ за работу. Придетъ и ко мнѣ въ ткацкую... Къ намъ въ то время ѣзжалъ племянникъ барина, безъ одной ноги: оторвало ее въ Прусскую войну; баринъ былъ такой тучный. Онъ, случалось, у насъ гащивалъ мѣсяца по два, а сыпалъ въ ткацкой—отъ мухъ; въ домѣ мухъ было много. Вотъ, я бывало, хочу работать, а онъ проситъ: дай ему спать; вотъ и ходишь безъ дѣла. Случится барышня придетъ въ ткацкую и гнѣвается: «Гаврило, что не работаешь?...» —Нельзя, молъ, матушка; братецъ почиваетъ.—Вотъ на на него и напуститт: хромой чертъ! долго ли тебѣ здѣсь жить? Пора домой! А онъ-то ей погоди, матушка; не всѣхъ еще барановъ переѣли. Нечего дѣлать;—погнѣвается барышня, да и пойдетъ.

— А прадѣдушка строгъ былъ?

— Прадѣдушка не любилъ только обмана. Что бы ни сдѣлалъ,— не скрывайся. Бывало, сойдетъ съ крыльца и станетъ у притолки, возлѣ деревяннаго солдата. У насъ возлѣ крыльца стоялъ деревянный, раскрашенный солдатъ, съ усищами съ такими.. глаза выпученные такіе!.. Вотъ станетъ возлѣ солдата, да и смотритъ, что дѣлается на дворѣ. Глядишь: идетъ какой дворовый, выпросилъ у ключника гуся либо индѣйку. Увидитъ баринъ, да и спроситъ: «что тамъ несешь?» Ежели скажетъ сей часъ, что вотъ, молъ, батюшка, выпросилъ живности,—ну и ступай ничего. А если, примѣромъ, кто, бывало, начнетъ прятаться или прятать птицу, ну,—бѣда: крѣпко разгнѣвается баринъ. Къ столу господскому каждый день особо варили окорокъ ветчины для подачекъ. Какъ только господа сядутъ за столт, такъ въ залу и набѣгутъ всѣ дворовые ребятишки, босикомъ, въ рубашенкахъ, подъ часъ въ грязи, и станутъ около стѣнки, всякой съ чашечкой. Когда покушаютъ, примѣромъ, горячее, прадѣдушка вашъ и закричитъ дворецкому: дай имъ, братецъ, подачки! Вотъ дворецкій нарѣжетъ ломтиками хлѣба, положитъ на нихъ по ломтику ветчины, да такъ и надѣлитъ всѣхъ. А какъ, бывало, прадѣдушка начнетъ собираться ѣхать въ С...во! Знаете С...во, верстъ 60 отъ К...ва.

Вотъ, государь мой, иной разъ цѣлую недѣлю въ дорогѣ. Проѣдетъ верстъ 10 или 15, увидитъ, примѣромъ прадѣдушка вашъ рощицу, лужекъ тамъ какой, понравится мѣсто,—стой! Разобьетъ палатку, экипажи въ кружекъ, поваръ за стряпню—и гуляй. Да иной разъ и переднюемъ тутъ день иль другой. Лошадей спутаютъ, и ходятъ онѣ на подножномъ корму.. Постойте-ка, баринъ, что это? Никакъ громъ?

— Дѣйствительно громъ!

И помѣщикъ, и старикъ торопятся къ воротамъ риги. Изъ-за рощи тихо подымается большая темносиняя туча. Глухо гремитъ громъ; въ воздухѣ тихо и душно.

-- Вымочитъ пшеницу! а еще копенъ 15 не свезено. Вы бы сами, баринъ, съѣздили въ поле, говоритъ старикъ, посмотрѣли бы, чтобъ скорѣе накладывали и возили.

Помѣщикъ принимаетъ полезный совѣтъ, спѣшитъ къ каретному сараю. Скорѣе бѣговыя дрожки. Самъ помогаетъ кучеру запрячь поскорѣе лошадь, безпрестанно поглядываетъ на тучу, разсчитывая ея движеніе и прислушиваясь къ грому. Жаль пшеницы, подмокнетъ, не будетъ имѣть настоящей цѣны: Много портится крови у земледѣльца во время уборки хлѣба!

Дни идутъ за днями, бабы все жнутъ и вяжутъ; мужики косятъ, возятъ въ риги, да складываютъ въ скирды да въ одонья. День за день, вечера становятся длиннѣе, темнѣе и холоднѣе; каждый день въ полѣ все голѣе да голѣе. Копны исчезаютъ за копнами; а между тѣмъ небо уже не разъ подергивалось пеленой сѣроватыхъ облаковъ, и не разъ, яснымъ утромъ, былъ чувствителенъ предвѣстникъ осени, морозецъ. Августъ приближается къ концу. Когда оканчивается жнитвомъ послѣдняя десятина ржи, одна изъ бабъ, которая постарѣе другихъ или пользуется уваженіемъ по уму, трудолюбію и смѣтливости, *обжинаетъ козу*. Обжинать козу значитъ оставить несрѣзанными нѣсколько небольшихъ пучковъ ржаныхъ колосьевъ, расположенныхъ кружкомъ на пространствѣ, въ поперечникѣ до 1 аршина или менѣе Эти жиденькія купы колосьевъ связываются вверху, такъ что вся коза принимаетъ видъ игрушечной бесѣдки. Бесѣдочку эту или козу внутри выполютъ начисто, а въ средину положатъ на землю ломтикъ хлѣба съ солью. Потомъ всѣ бабы помолятся на всѣ четыре стороны, а устроившая козу, «отжинальница», садится на зем-

лю, лицемъ къ козѣ, а бабы отдаютъ ей свои серпы Собравъ серпы и взявъ ихъ за рукоятки въ обѣ руки, она бросаетъ ихъ черезъ голову, за себя, на сколько сможетъ сильнѣе; серпы разлетаются и, падая, принимаютъ разныя положенія Бабы, отдавая серпы, загадываютъ, доживутъ ли онѣ или ихъ дѣти, родные и проч. до новаго жнитва? Когда серпы брошены, всякая спѣшитъ къ своему серпу. Той, чей серпъ концемъ воткнулся въ землю, по направленію къ своей приходской церкви, предвѣщаетъ смерть; чей серпъ далѣе упалъ отъ козы, та проживетъ болѣе. Но, къ счастію, подобныя предсказанія серпа не наводятъ унынія на загадывающую. «Охъ, бабы! никакъ мнѣ умереть»? восклицаетъ одна, поднимая свой серпъ. — «Охъ, баба, и такъ умрешь», отвѣчаютъ другіе, покачивая головами, и за тѣмъ раздается звонкій порывъ хохота...

Козу или козульку оставляютъ въ полѣ, а выжатые изъ средины стебли дѣлятся между бабами, которыя обматываютъ ими ручки серповъ и съ пѣніемъ идутъ домой. Но по большей части, изъ этой выжатой ржи связывается небольшой снопокъ, втыкается на палку, и одна изъ бабъ съ торжествомъ несетъ его на барскій дворъ. За нею слѣдуютъ съ пѣснями всѣ другія бабы. Помѣщикъ, услышавъ пѣніе или увидѣвъ шествіе со снопомъ, выходитъ на крыльце; бабы его поздравляютъ съ уборкой ржи, а онъ подчуетъ ихъ виномъ или брагой, или чѣмъ другимъ. Довольныя хорошимъ пріемомъ, онѣ нѣсколько времени играютъ пѣсни, въ случаѣ, подъ веселый часъ, попляшутъ, и потомъ, сдавъ снопъ въ господское гумно, съ пѣніемъ расходятся по домамъ. Уборка хлѣба въ скирды и одонья производится такимъ образомъ: къ приготовленнымъ, какъ выше писано, падинамъ подъѣзжаютъ одинъ за другимъ воза, накладенные снопами. Работники, назначенные подавать снопы, берутъ ихъ съ возовъ, сначала руками или короткими вилами, и укладываютъ на падины первый слой, служащій основаніемъ всему скирду. Наружные снопы стараются класть ровно, колосьями въ средину, срѣзомъ наружу и, какъ можно плотнѣе одинъ къ другому Это называется первая верста. На заложенный скирдъ влѣзаютъ отъ 2 до 3-хъ человѣкъ, которые выстилаютъ снопами средину и потомъ уже продолжаютъ строеніе скирда подаваемыми имъ снизу снопами. Работа на скирдѣ довольна трудна, и тѣмъ болѣе, что по

скирду ходить не удобно: то ноги скользятъ, то вязнутъ между снопами, тогда какъ скорыя перемѣщенія съ одного мѣста на другое необходимы. Когда подаютъ много людей и подаютъ дѣятельно, тогда принимать не зѣвай!.. Какъ разъ закидаютъ снопями, такъ что и не разберешься; а между тѣмъ все надобно укладывать порядкомъ какъ слѣдуетъ... Но и подавать бываетъ не легко.

Крестьянинъ, наложивъ въ полѣ на телегу полъ копны или три крестца, что составляетъ чрезвычайно большой и высоко нагруженный возъ, садится на этой высотѣ и сажаетъ иногда съ собою 3-хъ или 4-хъ—лѣтняго своего сынишку, очень часто съ вѣнкомъ изъ васильковъ на бѣлокурой и даже чуть не бѣлой головкѣ. Такъ какъ маленькія крестьянскія дѣти бѣгаютъ на воздухѣ съ утра до ночи съ непокрытой головой, то, отъ вліянія лучей солнца, въ нѣжномъ возрастѣ волосы совершенно бѣлѣютъ. Зимою же и съ лѣтами принимаютъ настоящій свой цвѣтъ.

Ребята очень любятъ прокатиться на возу. Подъѣхавъ къ скирду, привезшій слѣзаетъ, бережно снимаетъ ребенка и сажаетъ въ сторону. Потомъ развязываетъ возъ, сбрасываетъ жердь, и, снова влѣзши на возъ и ставъ на ноги, короткими вилами быстро, одинъ за другимъ, кидаетъ снопы на скирдъ. Стоящіе на землѣ около скирда съ длинными вилами помогаютъ ему въ этой ра-

Вилы. № 8.

ботѣ: и когда послѣдній снопъ вскинутъ, возящій бросаетъ въ телѣгу вилы, собираетъ туда же распущенную веревку, кладетъ жердь, сажаетъ ребенка, вскакиваетъ самъ въ телегу и, ставъ на ноги, весело гаркнетъ и съ трескомъ и съ громъ снова мчится въ поле за новою кладью. Когда скирдъ еще не очень выросъ, подавать легко; но когда онъ уже вершится и дѣло доходитъ до князька, (князькомъ называется самый верхъ, гребень скирда) то на гребень скирда подавать особенно наливной хлѣбъ (*) и снопы

(*) Наливнымъ хлѣбомъ называется, когда зерно полно и хорошо налило.

большой вязи,—бываетъ трудно, такъ что спина *трещитъ*, по выраженію народному. Тутъ между возящими употребляются разныя хитрости, чтобъ не досталось подавать подъ князекъ. Но рокъ неизбѣженъ. По странному стеченію обстоятельствъ, эта честь почти всегда достается малорослому, за что всѣ окружающіе начинаютъ величать его *княземъ*. Ему досадно, онъ бранится, а всѣ хохочутъ.. Имъ весело!

Такъ какъ всякій хлѣбъ, хорошо созрѣвшій, при кладѣ нѣсколько осыпается, то, чтобъ зерно не пропадало, около падинъ трава бываетъ начисто выскреблена и земля убита и подметена. Одинъ изъ рабочихъ возлѣ скирда сгребаетъ граблями колосья и сметаетъ метелкою зерна въ кучки къ основанію скирда; а по окончаніи работы ихъ складываютъ въ кошелку и относятъ въ молотильный сарай или, по нашему, въ ригу. Еще одинъ рабочій ходитъ около скирда съ колотушкой и уравниваетъ ею выдавшіеся снопы и неровности. Колотушка эта состоитъ изъ рукояти аршина въ два, съ придѣланной на концѣ толстой доской, вышиною вершковъ 6-ти, а шириною вершковъ десяти или одиннадцати.

Во многихъ мѣстахъ, для совершенной правильности скирда, при кладкѣ вбиваютъ въ землю по угламъ высокіе колья и протягиваютъ между ними веревки, чтобъ по этимъ веревкамъ ровнѣе класть наружные срѣзы сноповъ. Во время возки хлѣба въ скирды, у многихъ хозяевъ заведено съ каждаго привезеннаго воза откладывать по одному снопу такъ, чтобы отъ скирда составилась копна или полкопны. Эти полукопны ставятся въ ригѣ съ замѣткой, отъ какого онѣ скирда? По нимъ дѣлается проба,— сколько изъ извѣстнаго скирда можно ожидать зерна? На примѣръ, ежели пробная копна дала умолоту 9 мѣръ и 3 четвертки, то изъ скирда въ 31 копну надобно ожидать умолоту 37 четвертей, 6 мѣръ и 1 четверку. По окончаніи молотьбы пробныхъ копенъ, выходъ мечутъ на бирки, находящіяся въ скирдахъ, и вносятъ, т. е., записываютъ въ приходную книгу гумна, въ графу умолота. Вымолоченное же изъ пробныхъ копенъ зерно поступаетъ въ сѣмена, вмѣстѣ съ вымолоченнымъ изъ особо сложенныхъ въ ригу на этотъ предметъ копенъ.

Чѣмъ менѣе хлѣбъ перестоитъ на корнѣ тѣмъ мука бываетъ бѣлѣе, а потому и пшеницу для продажи, и рожь, которую наз-

начаютъ на хлѣбъ для господскаго стола, что называется для ситнаго хлѣба, и на крестьянскіе пироги, стараются сжать съ начала, даже нѣсколько «въ прозелень», чтобы зерно дошло ужъ въ крестцахъ. Вымолотить этотъ хлѣбъ стараются прежде, нежели начался новый сѣвъ и пока еще зерно не пало въ землю. Не знаю, почему это ставятъ условіемъ бѣлизны хлѣба (*). Вымолоченное для ситной муки зерно обталкиваютъ бабы въ деревянныхъ ступахъ, подсѣваютъ и потомъ уже отправляютъ на мельницу. Такой хлѣбъ бываетъ дѣйствительно бѣлъ и, при тщательной обработкѣ, мало уступаетъ пеклеванному.

Ежели во время кладки скирда набѣжитъ туча, въ такомъ случаѣ всеми наличными снопами и вновь привозимыми спѣшатъ наполнить средину скирда, чтобы она была выше. Давъ такимъ образомъ стокъ дождю, предохраняютъ скирдъ отъ промочки.

Когда скирды уже совершенно сложены, то ихъ покрываютъ соломой. Для этого обтыкаютъ скирды по карнизу тычками или колышками четверти въ три длиною, на разстояніи одинъ отъ другаго вершковъ на шесть. Это служитъ пеленой для удержанія соломы, чтобъ она не сползла; а чтобъ не разнесло ея вѣтромъ, накладываютъ притуги изъ крупнаго хвороста, или притягиваютъ соломенными веревками Крыть во время небольшаго дождя считается лучше, потому что смокшая солома ложится плотнѣе. Такъ какъ кошеный хлѣбъ не можетъ имѣть чисто связанныхъ сноповъ, то и скирды *кошенки* не могутъ быть такъ чисты и опрятны, какъ скирды *жатика*; къ тому жъ взъерошенная солома и высунувшіеся колоски даютъ возможность птицамъ выдергивать ихъ и клевать зерно. Для того, чтобъ даромъ не пропало много зерна и чтобы птицы, выщипывая, не образовали въ скирдѣ впадинъ, нужно ихъ окашивать косою. Окоски собираются, подметаются и относятся въ ригу, гдѣ окончательно вымолачиваются, а скирдъ получаетъ чистоту и видъ жатаго хлѣба.

Теперь остается сказать о уборкѣ нѣкоторыхъ другихъ хлѣбовъ. Кажется, я уже сказалъ, что рабочая пора, начинающаяся жнитвомъ, есть время самое безтолковое, такъ что положительно опре-

---

(*) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ повѣрье, что до засѣва нельзя употреблять соломы ни въ кормъ, ни на постилку. Это повѣрье очень полезно въ хозяйствѣ: всякій спѣшитъ засѣять. а зачинъ вѣдь дѣло великое. *Изд. Рус. Бѣс.*

дѣлить, какая работа слѣдуетъ одна за другою,—невозможно. Надо и жать, и пахать, и молотить на сѣмена, и вязать, и класть въ скирды, и сѣять, и все это въ одно время. Иногда не знаешь, за что взяться, и трудно опредѣлить, что нужнѣе; а тутъ иногда еще мѣшаетъ и не благопріятная погода. Въ это время дѣятельный крестьянинъ, особенно ежели онъ принанялъ еще гдѣ-нибудь землицы, иной разъ возитъ по ночамъ, чтобъ не упустить время. Надобно быть Русскимъ человѣкомъ, чтобы трудиться такъ терпѣливо и съ такимъ бодрымъ духомъ въ наше сжатое Русское лѣто; Нѣмецъ не выдержитъ, не смотря на то, что наши ученые агрономы поютъ, въ урокъ намъ, хвалебные имъ пѣсни и ставятъ ихъ образцемъ трудолюбія и терпѣнія; только для Русскаго мужика негодится этотъ образецъ.

Рожь обыкновенно зрѣетъ прежде всѣхъ другихъ хлѣбовъ. Вскорѣ послѣ нея поспѣваютъ пшеница и ячмень. Но случается, что рожь еще не убрана и въ половину, какъ уже поспѣваетъ овесъ. Извѣстно, что рожь можетъ довольно долго стоять на корнѣ безопасно; но овесъ, ежели перезрѣетъ, то повалится, переломается, какъ говорится—уткнется. Чтобъ не лишиться овса, благоразумный хозяинъ оставляетъ рожь до поры до времени, и принимается за уборку овса За овсомъ поспѣваетъ гречиха. Ее убираютъ особеннымъ образомъ. Сначала косятъ а потомъ ставятъ въ шипы. Эта послѣдняя работа производится бабами. Шипы есть не что иное, какъ небольшія шатровидныя кучи. Въ шипахъ гречиха стоитъ до тѣхъ поръ, пока солома совершенно высохнетъ, что бываетъ не скоро, по причинѣ сочности гречишнаго стебля. Когда наконецъ гречиха совершенно высохнетъ, тогда изъ шиповъ вяжутъ снопы: изъ двухъ шипковъ одинъ снопъ. Снопы складываютъ въ копны, въ которыхъ гречиха окончательно досыхаетъ, и потомъ свозятъ въ гумна и складываютъ въ скирды и одоньи для молотьбы. (*)

Изъ гречихи приготовляется гречневая обыкновенная крупа и мелкая, извѣстная подъ названіемъ Смоленской; также саломата

(*) Въ степныхъ мѣстахъ Рязанской губерніи молотятъ гречиху въ полѣ: выжигаютъ полену, сваживаютъ на токъ гречиху безъ связки ея въ снопы, молотятъ и уже зерно везутъ въ гумно. Этотъ способъ уборки очень удобенъ, и гдѣ большіе засѣвы гречихи, тамъ слишкомъ мѣшкотно было бы высушивать гречишную солому на солнцѣ такъ, чтобъ безопасно было бы гречишные снопы складывають въ скирдъ. *Изд. Рус. Бѣс.*

или мука, изъ которой пекутъ блины и варится очень вкусная размазня, которую ѣдятъ съ постнымъ и скоромнымъ масломъ. Для приготовленія крупъ, гречиху отдаютъ на крупорушни. За переработку гречихи въ крупу—платятъ по условію съ четверти. Крупъ изъ гречихи средняго качества выходитъ не много болѣе половины, т. е., изъ четверти гречихи получается около 5 четвериковъ;—но изъ лучшей гречихи выходъ больше

Просо жнутъ на горсти; потомъ, когда высохнетъ, вяжутъ въ снопы и складываютъ въ копны, какъ и овесъ. Просо жнутъ, когда оно еще не переспѣло, однимъ словомъ, чтобы нижняя часть кисти была въ прозелень, иначе большая часть зерна вытечетъ во время жнитва. Чтобъ передѣлать просо въ пшено, сначала просо оталкиваютъ въ деревянныхъ ступахъ, а потомъ просѣваютъ; но это домашнее пшено не отличается хорошимъ качествомъ. Хорошее пшено выдѣлывается на мѣльницахъ, гдѣ сперва шелуху съ проса обдираютъ жерновами, а самое зерно оталкиваютъ въ толчеѣ. Лучшее пшено имѣетъ цвѣтъ желтоватый, дурнаго же качества пшено бываетъ гораздо блѣднѣе. Пшено для каши выгоднѣе, нежели гречевая крупа, не смотря на то, что пшено въ продажѣ дороже. Чтобъ сварить крутую кашу изъ пшена, достаточно насыпать полъ горшка, тогда какъ крупъ гречневыхъ надобно всыпать по меньшей мѣрѣ три четверти горшка. Пшено спорѣе крупъ. Всѣ почти яровые хлѣба вяжутъ въ снопы готовыми ржаными свяслами. Свясла приготовляютъ такимъ образомъ: бабы развязываютъ въ ригѣ жатые снопы, отдѣляютъ отъ нихъ небольшія горсти и, держа ихъ обѣими руками за нижніе концы, бьютъ колосьями объ бока и края кадушки или объ доску, отъ чего зерно вымолачивается дочиста. Это дѣйствіе называется ручнымъ *сторнованіемъ*, а выбитую такимъ образомъ и снова связанную для порядка въ снопы солому зовутъ *простомолоткою*. Изъ нея-то, размачивая предварительно въ водѣ, вертятъ *свясла*, которыми вяжутъ пшеницу, ячмень, просо даже и овесъ, ежели солома послѣдняго очень коротка

Горчицу жнутъ, но въ снопы не вяжутъ, а просто оставляютъ кучками, пока не высохнетъ. Сохнетъ она очень скоро, и тогда ее свозятъ на токъ и молотятъ обыкновеннымъ цѣпомъ. Цѣпъ есть палка аршина въ два длиною и къ ней на ремнѣ къ одному концу придѣлана другая, четвертей въ пять, эта послѣдняя

служитъ биломъ для выбиванія зеренъ всякаго рода хлѣба. Иногда горчицу и не возятъ для молотьбы, а возлѣ той десятины, гдѣ она росла, вычищаютъ небольшой токъ и обмалачиваютъ на мѣстѣ. Это дѣлается за тѣмъ, что солома горчицы никуда не годится; послѣ молотьбы она обращается почти въ соръ.

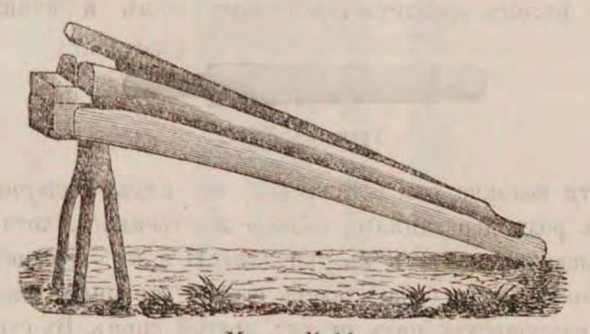
Цѣпъ. № 9.

Уборка мака глухаго и неглухаго производится очень просто. Для собиранія мака можно употребить поголовно всякаго, и стараго и малаго. Всѣ вооружаются ножами, срѣзываютъ головки, кладутъ въ подвязанные фартуки, а когда фартуки переполнятся, ссыпаютъ головочки на разостланныя тутъ же гдѣ-нибудь въ сторонѣ веретья. Простой макъ сей часъ же кладутъ въ рѣшета, просѣваютъ сначала въ кадушку, а потомъ ссыпаютъ въ мѣшки; но съ глухими головачками поступаютъ иначе:—чтобъ высыпать изъ нихъ макъ, каждую головочку перерѣзываютъ ножемъ. Это дѣлается для того, чтобы макъ былъ, какъ можно чище, но едва ли способъ этотъ по своей медленности можетъ быть употребленъ при болѣе значительныхъ, нежели у насъ, посѣвахъ. Недозрѣвшія головки связываютъ въ снопики и особо сушатъ на солнцѣ, гдѣ онѣ дозрѣваютъ. Изъ маку въ господскихъ имѣніяхъ приготовляютъ домашнее маковое масло, употребляемое въ посты; приготовляютъ маковое молоко въ родѣ миндальнаго, которое ѣдятъ съ пшенной кашей, клюковными и другими киселями; и сверхъ того макъ идетъ для приправы многихъ постныхъ блюдъ въ грибномъ столѣ.

Ленъ дергаютъ съ корнемъ, вяжутъ въ снопики и ставятъ въ копенки. Въ льняной копнѣ, какъ и въ ржаной, считается 52 снопа. Копны льна не кладутся крестцами, а ставятся въ два ряда по 26 сноповъ въ наклонномъ положеніи, такъ что одинъ рядъ верхами своихъ сноповъ опирается на другой; когда ленъ совершенно высохнетъ, тогда его свозятъ на токъ и молотятъ, не развязывая сноповъ. Молотятъ иногда цѣпами, но по большей части вальками которые употребляются при полосканіи на прудѣ или рѣкѣ бѣлья или холстовъ: бабы садятся на току въ кружекъ,

берутъ снопы льна, кладутъ ихъ головками на доски и бьютъ по головкамъ вальками. Эта молотьба производится очень скоро и чисто. Послѣ молотьбы, снопы льна вывозятся на какой-нибудь ближній лужекъ, на косогоръ, къ оврагу, однимъ словомъ, туда, куда менѣе или совсѣмъ не заходятъ ни лошади, ни скотина, и тамъ, развязавъ снопы, разстилаютъ ленъ тонкимъ слоемъ въ длинные и правильные ряды. Здѣсь остается онъ разостланнымъ столько времени, пока такъ улежится, что когда возмешь его въ руки и начнешь мять, то онъ не переламливается, а только наружная корочка стебля, облекающая волокна отъ вліянія росъ, тумановъ и дождей, лупится и свободно отпадаетъ. Тогда его сбираютъ и ставятъ въ шипы, пока совершенно высохнетъ;—потомъ опять связываютъ въ снопы, даютъ еще посохнуть и потомъ уже, прибираютъ подъ сарай или подъ навѣсъ.

Чтобъ его мять, надо его еще посушить солнцемъ или огнемъ. Осеннее солнце плохой помощникъ, и потому кто хочетъ просушивать солнцемъ, тотъ оставляетъ ленъ на сараѣ до Мая или Іюня мѣсяца. Тогда его выносятъ подъ палящіе лучи солнца гдѣ онъ быстро прожаривается, и тутъ же его мнутъ. Но кому ленъ нуженъ къ зимѣ и откладывать до весны не приходится, то его сушатъ надъямами. Вырываются гдѣ-нибудь за деревнею въ оврагѣ или близь воды ямы двѣ или три, судя по надобности, шириною въ аршинъ, длиною аршина въ два съ половиною и глубиною аршина въ полтора или два. Около этихъ ямъ становятся бабы съ *мялками* и раздѣляютъ между собою назначенный

Мялка. № 10.

въ мятье ленъ. Мялкой называется очень несложная машина самой простой работы. Она устроена такъ: берется отрубокъ дерева

толщиною въ поперечникѣ вершка въ четыре, длиною аршина полтора. Сквозь этотъ отрубокъ продалбиваютъ отверстіе, четвертей въ 5 длины и вершка въ два ширины. Въ это отверстіе, во всю длину вкладываютъ било, въ видѣ деревяннаго прямаго и тупаго ножа, шириною вершка въ три и толщиною въ обухѣ въ вершокъ. Било это съ одной стороны снабжено ручкою, которою приводится въ движеніе, а другой конецъ его проткнутъ деревяннымъ гвоздемъ, на которомъ оно свободно подымается и опускается. Тотъ конецъ мялки, гдѣ находится ручка била, стоитъ на двухъ ножкахъ вышиною вершковъ по десяти, поставленныхъ въ видѣ козликовъ, а другой конецъ лежитъ на землѣ, но для ловкости въ работѣ приставляется, если нужно, къ углу избы или другаго какого строенія, или къ пряслу, или къ чему случится.

Въ ямахъ разводятъ легкій огонь, поддерживаемый щепою или сухимъ хворостомъ, а сверху ямы, по ея длинѣ, кладутъ двѣ или три деревянныя жердочки. Баба, взявъ снопъ, развязываетъ его и разстилаетъ надъ огнемъ по жердочкамъ и, переворачивая безпрестанно, менѣе нежели черезъ полминуты, снимаетъ. Онъ готовъ. Снявши съ огня, сей часъ же начинаетъ мять: взявъ одною рукою, сколько можно захватить стеблей льна, другою рукою поднимаетъ било и положивъ поперекъ мялки ленъ и передвигая горсть отъ одного конца до другаго, до тѣхъ поръ подвергаетъ ударамъ, пока ленъ совершенно не изомнется и пока его кора не отлетитъ. Смявши такимъ образомъ ленъ баба принимается его *трепать*: сначала держа за концы, немилосердо колотитъ имъ о мялку, а потомъ треплетъ *трепалкою*, чѣмъ и очищаетъ по

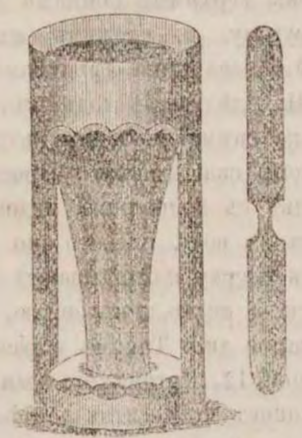

Трепалка. № 11.

возможности волокна отъ оставшейся въ нихъ *кострики*. Трепалка есть родъ деревяннаго, обоюдо заостреннаго, хотя и очень тупаго, кинжала, четверти въ три длиною и въ вершокъ шириною. Отрепавъ ленъ баба кладетъ его въ сторону и снова принимается разсушивать надъ огнемъ другой снопъ. Въ сушкѣ надъ огнемъ нужна нѣкоторая сноровка. Если ленъ пересушить, то онъ мнется удобнѣе, а слѣдовательно и работа идетъ легче и скорѣе, но качество льна бываетъ хуже, и на оборотъ: если ленъ

не досушить, то онъ мнется труднѣе, за то качествомъ будетъ лучше.

Конопля требуетъ не менѣе хлопотъ. Когда конопля зацвѣтаетъ, тогда начинаютъ выдергивать посконь. Посконь есть та же конопля, но не производящая сѣменъ. Эта работа бываетъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ, а конопля не трогается до Августа, до того времени, пока сѣмя совершенно созрѣетъ. На сѣмя сильно нападаютъ воробьи и другія птицы; чтобы спугивать ихъ, ставятъ чучелы и даже караулъ изъ ребятъ и дѣвчонокъ. Выдерганную посконь вяжутъ въ небольшіе снопы и ставятъ въ конусообразныя кучи. Когда посконь въ снопахъ высохнетъ, ее такъ же, какъ и ленъ, стелятъ по лугамъ, гдѣ и лежитъ она до тѣхъ поръ, пока не улежится. Потомъ, какъ и ленъ, вяжется въ снопы, сушится огнемъ надъ ямами (рѣдко бываетъ, чтобы ведреная и продолжительная осень давала возможность высушивать солнцемъ), мнется тѣми же мялками и о тѣ же мялки треплется. Посконь употребляется бабами на рубашечный холстъ, довольно, грубый извѣстный подъ названіемъ конопнаго или посконнаго. Но прежде, нежели посконь начинаютъ прясть, ее отдаютъ на толчеи, устроиваемыя при нѣкоторыхъ водяныхъ мельницахъ, гдѣ она *оталкивается* и очищается совершенно отъ

Ступа съ толкачемъ. № 12.

кострики. Мельникъ за эту работу получаетъ съ пуда очищенной поскони отъ 15 до 17 коп. серебромъ. Въ маломъ количествѣ на мельницу посконь не возятъ, но оталкиваютъ въ ручныхъ дере-

вяных ступахъ толкачемъ. Когда конопляное сѣмя совершенно созрѣетъ, точно также, какъ посконь, дергаютъ и коноплю или, по простонародному, «*маченецъ*»; также вяжутъ въ снопы, но ставятъ не кучками, а привязавъ къ двумъ кольямъ жердь, прислоняютъ къ ней съ обѣихъ сторонъ снопы въ нѣсколько наклоненномъ положеніи. На каждую сторону ставятъ по 26 сноповъ и такимъ образомъ составляется копна.

Когда конопля въ снопахъ совершенно высохнетъ тогда семя вымолачивается обыкновеннымъ порядкомъ, но сноповъ не развязываютъ. Семя идетъ въ продажу, а для дома оставляютъ его въ маломъ количествѣ. Изъ него крестьяне дѣлаютъ молоко и употребляютъ для забѣливанія щей въ постные дни. Масла въ нашихъ мѣстахъ не дѣлаютъ, да и маслобоенъ нѣтъ, по малому производству сѣмени.

Снопы конопли или моченца послѣ молотьбы, для храненія до будущей весны, складываютъ въ разсадники. Разсадники строются такимъ образомъ: на пространствѣ одной квадратной сажени ставятся по угламъ четыре столба или сохи, вышиною отъ 2 до 3-хъ аршинъ отъ земли; верхніе концы сохъ связываются четырьмя перекладинами, на которыя настилается накатъ. На этотъ разсадникъ складывается моченецъ, въ видѣ маленькаго одонышка, такъ, чтобы снопы верхними концами лежали всѣ къ центру, плотно одинъ къ другому, и, сложивъ ихъ такимъ образомъ, покрываютъ соломой. Разсадники придуманы для сбереженія моченца отъ мышей. На слѣдующій годъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ моченецъ съ разсадника снимаютъ и везутъ къ рѣчкѣ или пруду для мочки; тамъ снопы связываются воростомъ въ видѣ плота длиною сажени въ двѣ съ половиною, рядовъ въ 6, 8 и 10 ть въ вышину и опускаютъ въ воду. Все это по сторонамъ привязываютъ къ кольямъ, а сверху накладываютъ тяжесть, камни, если они есть по близости, а не то такъ землю, чтобы связанные снопы опустились на самое дно. Такимъ образомъ моченецъ вымачивается въ водѣ дней 12. Потомъ его вынимаютъ и ставятъ на берегу въ шипы, сноповъ по десятку до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно просохнетъ, и тогда его мнутъ такъ же, какъ и посконь, на мялкахъ. Моченецъ бѣлѣе и прочнѣе посконя, но посконь мягче, а потому она идетъ въ холстъ. Моченецъ преимущественно употребляются на веревки, на пичевки для неводовъ,

на дратву, на пряжу для веретьевъ. Низшіе сорты и отрепья идутъ на паклю, употребляемую для конопатки деревянныхъ строеній. Когда конопляное семя наливно, то замѣчаютъ, что рожь на слѣдующій годъ будетъ урожайна. Въ прежніе годы разсушивали ленъ и посконь въ курныхъ избахъ, на полатяхъ или на жердяхъ, положенныхъ чрезъ всю избу, пониже потолка четверти на три или на аршинъ; а въ избахъ бѣлыхъ на печахъ. У помѣщиковъ же, у кого были овины, то въ овинахъ на колосникахъ, отъ чего ни одна осень не проходила безъ пожаровъ. Рѣдкая была ночь, чтобы зарево не освѣщало то тотъ, то другой край неба, жертвами этой домашней сушки бывали цѣлыя деревни, и многіе десятки семействъ лишались всего имущества.

У многихъ помѣщиковъ ведется обычай, по окончаніи всей уборки съ полей, когда послѣдній снопъ свезенъ въ гумно,— давать крестьянамъ обѣдъ. Для этого на барскомъ дворѣ устроиваются столы изъ досокъ, положенныхъ на поставленныя пустыя кадушки; точно такъ же устроиваются и лавки, на доски кладутъ на чураки, кадушки или боченки меньшаго размѣра; иногда выносятъ изъ избъ и настоящія скамьи, и за эти-то столы садятся мужики и бабы въ лучшихъ своихъ нарядахъ. Кушанья бываютъ: солонина съ квасомъ и огурцами на холодное, щи съ солониной или бараниной, лапша съ ветчиной или саломъ и каша съ масломъ, гречневая или пшенная, иногда молочная. Сверхъ этого пироги изъ пшеничной или ситной муки съ творогомъ или кашей, да подносится предъ каждымъ кушаньемъ вино да брага, сколько душѣ угодно. Послѣ такого обѣда угощенными овладѣваетъ шумная веселость; пѣсни, пляски хороводы продолжаются до поздней ночи.

Въ Августѣ мѣсяцѣ есть замѣчательные праздники. Перваго Августа, въ праздникъ происхожденія древъ Св. Креста, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ перваго Спаса, или Спаса мокраго, бываетъ Крестный ходъ на воду. Къ ручью или рѣкѣ, куда совершается этотъ ходъ и освящается вода, сводятъ и пригоняютъ на ближній лугъ лошадей со всего прихода. Дѣло это обыкновенно поручается мальчишкамъ, которые, какъ и вездѣ, великіе любители верховой ѣзды. Они обыкновенно гонятъ и сами скачутъ во весь конскій духъ, и потому съѣздъ этотъ сопровождается великимъ шумомъ и крикомъ. Но когда изъ церкви, при коло-

кольномъ звонѣ, съ хоругвями и иконами двинется Крестный ходъ, тогда все приходитъ въ порядокъ и водворяется тишина: лошадей сидящіе на нихъ верхами мальчишки-коноводы становятъ въ двѣ или три линіи, оставляя между ними довольно широкій проходъ. По окончаніи молебна и освященіи воды, священникъ идетъ въ сопровожденіи причетника, съ водосвятной чашей или *кандеей*, и проходя по рядамъ лошадей, кропитъ ихъ Св. Водою; кропитъ и лошадей, запряженныхъ въ телѣги пріѣхавшихъ къ обѣднѣ прихожанъ, кропитъ лошадей, запряженныхъ въ экипажи пріѣхавшихъ господъ. Потомъ образа и хоругви возвращаются въ церковь молившіеся расходятся и разъѣзжаются, а лошадей съ прежнимъ шумомъ и крикомъ, и непремѣнно вскачь, мальчишки разгоняютъ по домамъ. Въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ есть порядочная рѣка, священникъ не кропитъ лошадей водою, а просто ихъ перегоняютъ вплавь чрезъ освященныя воды рѣки Въ этотъ день пчеловоды выносятъ въ церковь, для освященія, первые вырѣзанные соты, и въ домахъ за обѣдомъ у многихъ помѣщиковъ и крестьянъ, вмѣсто десерта, ѣдятъ сотовый медъ съ свѣжими огурцами. По этому день происхожденія честныхъ древъ называется Спасомъ медовымъ.

Праздникъ Преображенія Господня называется вторымъ Спасомъ, 6-е Августа. Въ этотъ день всѣ садоводы выносятъ для освященія, яблоки въ церковь. По освященіи, часть принесеннаго выдается причту, а остальное относится въ домъ, гдѣ освященными яблоками разговляются. Съ этого дня простой народъ начинаетъ ѣсть яблоки, что прежде Преображенія считается грѣхомъ. Въ этотъ же день послѣ обѣда толпы бабъ и ребятишекъ осаждаютъ помѣщичьи сады, которые почти всегда сдаются купцамъ, и покупаютъ у послѣднихъ все то, что даже было бы выкинуто за негодностію, лишь бы называлось яблокомъ. Покупаютъ на гроши, на кудели пеньки и льна, на яйца; на примѣръ: за одно яйце получаютъ двѣ или три пригоршни яблоковъ, сколько широкія руки сидѣльца могутъ ихъ вмѣстить. Покупается и гнилье, еще за сходнѣйшую цѣну; покупаютъ и хорошіе яблоки, и всегда выгодно для съемщиковъ. Въ этотъ день въ садахъ насыпаютъ цѣлые воза падалицы и непадалицы, хорошихъ даже сортовъ яблоковъ, и развозятъ по окрестнымъ приходамъ къ церквамъ, гдѣ по окончаніи обѣдни почти все раскупается. Празд-

никъ Преображенія слыветъ въ народѣ подъ именемъ—Спаса яблочнаго.

Успенскій постъ самый обильный всѣми поспѣвшими овощами и потому считается самымъ легкимъ и пріятнымъ постомъ для всѣхъ, начиная съ зажиточныхъ помѣщиковъ и до бѣднѣйшихъ крестьянъ. Августа 29-го, въ день Усѣкновенія главы Предтечи, Церковь налагаетъ постъ. Но многія набожныя старухи (*) за недѣлю еще налагаютъ на себя произвольный постъ и не ѣдятъ въ самый праздникъ ничего шарообразнаго, имѣющаго подобіе головы: ни картофеля, ни яблокъ и проч. Въ Августѣ собираютъ орѣхи. Гдѣ при имѣніи много орѣховыхъ лѣсовъ и гдѣ нѣтъ самыхъ помѣщиковъ, предварительно отправляется въ лѣсъ старостиха для пробнаго сбора и, сколько она въ день наберетъ, столько, если много уродилось орѣховъ, должна принести на другой и въ послѣдующіе дни всякая баба. Въ имѣніяхъ, гдѣ живутъ сами помѣщики, иногда сами они отправляются въ лѣсъ. Разстилается гдѣ-нибудь на лужкѣ коверъ и веретья; отъ этого центра главнаго распоряженія идутъ въ лѣсъ за сборомъ всѣ бабы, дворовые люди, женщины и горничныя дѣвушки. Орѣхи собираютъ въ фартуки. По прошествіи получаса или часа, начальствующіе надъ собирающими кричатъ: выходи! Всѣ выходятъ и на веретья высыпаютъ собранные орѣхи. Наблюдающая за сборомъ женщина, сидя возлѣ, повѣряетъ, всѣ ли вышли изъ лѣса и высыпали орѣхи. И когда она въ томъ убѣдится, то, сказавъ имъ, чтобы шли снова въ кусты, принимается отъ нечего дѣлать шелушить орѣхи. Работу эту очень любитъ народъ по ея безотчетной свободѣ. По лѣсу только слышенъ трескъ разгрызаемой скорлупы, и когда уже солнце сядетъ, роса падетъ, въ лѣсу сдѣлается сыро, собиравшій орѣхи народъ выходитъ въ послѣдній разъ изъ лѣсу, ссыпаетъ все набранное въ телѣгу и вслѣдъ за нею, съ пѣснями возвращается домой. Ежели орѣхи не собраны въ одинъ день, эта работа продолжается такимъ же образомъ и въ послѣдующіе дни.

Орѣхи нешелушенные складываютъ ворохами (**) въ амбарѣ, въ сараѣ, или гдѣ есть мѣсто, и лежатъ они тамъ до тѣхъ поръ,

(*) Иные не разгавливаются съ Успенскаго поста до Усѣкновенія Главы включительно *Изд. Рус. Бѣс.*

(**) Ворохъ значитъ куча.

пока шелуха начинаетъ согрѣваться, не допуская впрочемъ, чтобы орѣхи въ вороху сгорѣлись и чрезъ то скорлупа на нихъ почернѣла. Тогда собираютъ бабъ шелушить. Онѣ садятся на дворѣ въ кружки. Каждой дается извѣстое количество орѣховъ въ шелухѣ, которые она должна ошелушить. Это дѣлается подъ личнымъ надзоромъ довѣренной женщины. Иногда предварительно дѣлаютъ пробу, сколько изъ туго-набитаго четверика нешелушеныхъ орѣховъ выдетъ очищенныхъ, и потомъ по пробѣ раздаютъ и принимаютъ. Орѣхи продаются выгодно и всегда имѣютъ сбытъ. Чтобы сохранить ихъ свѣжими на долгое время, ихъ насыпаютъ въ каменные корчаги, засыпаютъ пескомъ и ставятъ въ подвалѣ. Въ такомъ видѣ, въ два даже въ три года, зерно не теряетъ своей свѣжести и полноты. Орѣхи также сберегаютъ калеными. Для этого зашиваютъ ихъ въ мѣшки и кладутъ въ жарко истопленную печь, часто поварачивая съ боку на бокъ, чтобъ не сжечь мѣшка. Когда орѣхи сильно разгорячатся, ихъ погружаютъ съ мѣшкомъ въ холодную воду. Это повторяютъ раза три или четыре. Изъ каленыхъ орѣховъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ выдѣлываютъ очень хорошее масло, а изъ свѣжихъ орѣховъ приготовляютъ молоко въ родѣ миндальнаго молока, и домашнее пирожное, какъ изъ миндаля; варятъ въ меду и проч. Орѣхи могутъ быть только у помѣщиковъ, потому что какъ только начнутъ образовываться грани, (*) къ лѣсамъ приставляютъ караулъ. Безъ этой мѣры, еще до совершеннаго налива зерна, орѣхи были бы всѣ оборваны, какъ это и бываетъ въ казенныхъ лѣсахъ. Урожай орѣховъ предвѣщаетъ на будущій годъ урожай ржи.

(*) *Грань* или *гранка* называется совокупленіе отъ двухъ до пяти и даже до десяти орѣшковъ въ одной шелухѣ, на одномъ стебелькѣ.

III.

ОСЕНЬ.

Первое Сентября—праздникъ охотниковъ. Какъ празднуютъ охотники праздникъ свой, я рѣшительно не знаю; только, съ этого дня и почти въ плоть до самой зимы, лѣса оглашаются порсканіемъ ловчихъ, лаемъ гончихъ собакъ, звукомъ роговъ и хлопаньемъ арапниковъ. Проѣзжая случайно гдѣ нибудь по проселочной дорогѣ, въ тѣ дни поздней осени, когда небо бываетъ покрыто сѣрыми тучами, и сырой вѣтеръ пронизываетъ насквозь, не рѣдко у опушки лѣса, или въ обнаженныхъ отъ листьевъ кустарникахъ, въ лощинѣ, или на косогорѣ, увидишь - стоитъ всадникъ, тамъ другой, третій.. У ногъ тощихъ и не рѣдко разбитыхъ лошадей лежатъ и сидятъ длинномордыя, чутко-поднимающія уши, собаки въ ошейникахъ.... Это охотится какой-нибудь помѣщикъ. Иногда нѣсколько помѣщиковъ—охотниковъ съѣжаются въ отъѣзжее поле, днемъ травятъ, а ввечеру на квартирѣ, гдѣ нибудь въ крестьянской избѣ, играютъ въ карты, пьютъ, ѣдятъ, или ведутъ шумные разговоры, припоминая всѣ случайности проведеннаго на охотѣ дня. Но всѣ подробности охоты и жизни охотниковъ въ отъѣзжемъ полѣ описывать не наше дѣло; мы имѣемъ дѣло съ земледѣльцемъ, и потому остается добавить, что хотя все, сказанное мною, водится и теперь, но съ года на годъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, проявляется рѣже, и прежнія знаменитыя охоты и охотники переходятъ въ преданія. Главнѣйшею причиною этого я полагаю истребленіе лѣсовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оскудѣніе звѣрей. Еще въ младенчествѣ я слыхалъ отъ стариковъ, что тамъ-то мой дѣдъ, давно впрочемъ умершій, затравилъ медвѣдя, а теперь въ этихъ мѣстахъ не только вѣковой дубравы, но даже и кустарника не увидишь. Волки и лисицы становятся рѣдкостію.—Не знаю, кто кромѣ охотниковъ любитъ осень? Но что касается до меня, то при одномъ этомъ словѣ мнѣ дѣлатся

какъ-то грустно; грустно, какъ при воспоминаніи о пережитыхъ годахъ беззаботной юности. Припоминая такъ еще недавно исчезнувшія въ вѣчно и безостановочно текущемъ потокѣ времени весну и лѣто, и смотря на облетѣвшіе лѣса, на порыжевшій лугъ, на мутныя отъ безпрерывныхъ дождей воды, на гонимыя свѣжимъ холоднымъ вѣтромъ безцвѣтныя, изорванныя въ лохмотья тучи, на грязныя лужи и слякоть—невольно задаешь вопросъ: да куда же дѣвалась вся эта прелесть природы, подъ обаяніемъ которой такъ тепло и привольно жилось? Подъ часъ бѣжалъ бы изъ деревни при наступленіи осени со всѣй ея унылой обстановкой, съ темными и длинными ночами, съ завываніями вѣтра въ пустынныхъ поляхъ, съ однообразно стучащими ставнями; но къ счастію это грустное время въ нашемъ краю бываетъ не продолжительно.

Въ Сентябрѣ, а иногда, и до половины Октября, осенніе дни бываютъ подъ-часъ такъ хороши, что и не нарадуешься. По утрамъ, надъ рѣкой и по низамъ надъ болотами, густо дымятся бѣлосиніе туманы; но на высотахъ и равнинахъ воздухъ чистъ, прозраченъ и свѣжъ; не толкутся въ немъ, какъ это бываетъ весною и лѣтомъ, докучные комары и мошки не стрекочитъ кузнечикъ и не прожужжитъ жукъ;—міръ воздушныхъ насѣкомыхъ замолкъ: его угомонили холодные утренники съ легкими морозцами, покрывающими нерѣдко тончайшимъ иніемъ и крыши, и дворъ, и выгонъ, и все поле. Послѣ такого морознаго утра день бываетъ тепелъ, ясенъ и тихъ. По воздуху, Богъ вѣсть откуда, летитъ длинною нитью паутина, опутываетъ сучья деревъ и вѣтви кустарниковъ, серебристой кисеею стелется по лугамъ и жниву, отражая на себѣ ослѣпительною дорожкою лучи солнца предъ его закатомъ, будто на хрустальной поверхности тихоструйной рѣки или озера. Появленіе въ большомъ количествѣ паутины принимается за предвестіе продолжительнаго вёдра.

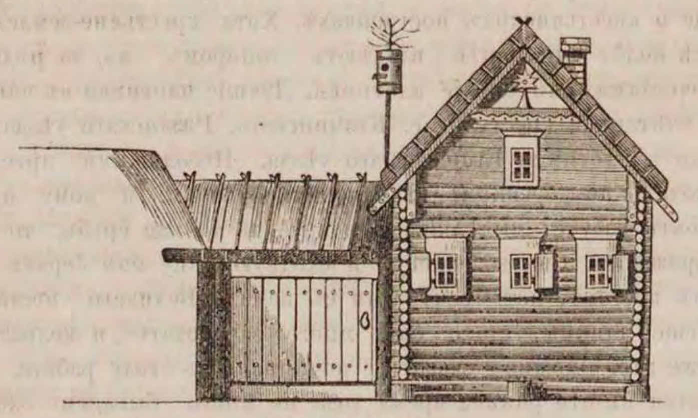
Въ эту ясную пору осени, болѣе всего, пріятно поражаютъ зрѣніе лѣса, разнообразіемъ тѣней и красокъ. Темно еще зеленѣетъ дубъ, а уже поблѣднѣла нѣжно-пушистая липа; клены иные еще сохраняютъ какой-то неопредѣленно бурый цвѣтъ, другіе будто залиты кровью, или окрашены въ потокѣ румяной зари, а третьи, пожелтѣвшіе, какъ золото, сильно бьютъ въ глаза при яркомъ полуденномъ солнцѣ. Тутъ серебрится, сквозь разрѣдѣв-

шія листья, бѣлый стволъ березы тамъ живописно торчитъ прихотливый изгибами, полуобнаженный, темный сукъ вяза.... Нерѣдко на немъ садится на отдыхъ, обратясь грудью на сѣверъ къ холодному вѣтру, черный вѣщунъ-воронъ, смотритъ въ синеватую даль, и, глухо каркая какъ будто выкрикиваетъ вѣчную память пережитому лѣту. Внизу у подошвы деревъ, гдѣ кусты еще недавно были такъ густы, такъ непроницаемы для взора, въ самой чащѣ образовались прогалины, и сквозь нихъ свѣтятся желтые покровы хрупкаго листа, усыпавшаго землю, тогда какъ тутъ же возлѣ, Богъ знаетъ почему, одно мѣстечко сохранило еще первоначальную свѣжесть своихъ листьевъ и сіяетъ издали темнымъ вертепомъ. Изъ всего видно, что природа отжила уже лучшія дни свои; борьба жизни съ смертію начинаетъ проявлятся во всѣхъ чертахъ ея лика; но она и въ этомъ печальномъ состояніи еще способна плѣнять собою....

Для значительныхъ деревенскихъ построекъ есть въ году три эпохи. Первая, самая ранняя,—Великимъ постомъ, до Святой недѣли; вторая—послѣ Святой до покоса или начала уборки, а третья—послѣ уборки хлѣба и до зимы. Здѣсь мы поговоримъ вообще о крестьянскихъ постройкахъ. Хотя крестьяне-земледѣльцы всѣ болѣе или менѣе владѣютъ топоромъ, но, за рѣдкими исключеніями, они плохіе плотники. Лучшіе плотники въ нашемъ краю считаются крестьяне с. Кузминскаго, Рязанскаго уѣзда, Мещеряки и плотники Егорьевскаго уѣзда. Небольшими артелями они ходятъ по деревнямъ въ означенное время, и кому нужно построить избу съ выдѣлкой, или срубить только срубъ, то ихъ и подряжаютъ. Самую дешевую и сходную цѣну они берутъ Великимъ постомъ, потому что дни съ начала Великаго поста не такъ еще длинны, стало быть много заработать и нельзя. Къ тому же это, можно сказать, почининая въ году работа, да и строиться въ это раннее время года не много бываетъ охотниковъ. Лѣтомъ и осенью плата несравненно дороже. Съ крестьянъ плотники берутъ во всякое время дешевле, нежели съ господъ, потому что къ первымъ они нанимаются на хозяйскихъ харчахъ, т. е., хозяинъ долженъ ихъ кормить, давать имъ завтракъ, обѣдъ, ужинъ и хлѣбъ, когда бы они ни захотѣли.

Зодчество крестьянъ-земледѣльцевъ вообще очень не сложно. Вкапываютъ въ землю четыре или восемь стульевъ, иногда обоз-

женныхъ или обугленныхъ для прочности; на нихъ кладутъ въ основаніе вѣнецъ изъ толстыхъ бревенъ, потомъ срубятъ еще вѣнца три-четыре и на нихъ кладутъ три переводины для мощенія пола. Еще три вѣнца и уже ставятъ косяки для оконъ. Окна вышиною бываютъ отъ одного аршина до пяти четвертей, а шириною отъ одинадцати до двѣнадцати вершковъ. Надъ окнами опять продолжаютъ нарубать вѣнца четыре или вѣнцовъ пять и на нихъ кладутъ балки, на которыя настилается накатникъ потолка. Выше потолка накладываютъ еще вѣнецъ и уже въ него упираютъ стропила крыши; и вотъ изба вчернѣ готова. Если въ строеніе идетъ лѣсъ средней толщины, то рубится обыкновенно вѣнцевъ пятнадцать или шестнадцать. Казалось бы, что, когда готовы стѣны, главное сдѣлано, и на дальнѣйшую отдѣлку избы лѣсу потребуется менѣе; но, по замѣчанію крестьянъ, на внутреннюю выдѣлку пола, потолка, опечка, лавокъ, дверей, ставень и проч. лѣсу пойдетъ столько же, сколько было употреблено, чтобъ обставить срубъ кругомъ и сплошь бревнами въ одинъ рядъ. Выходитъ, что лѣсу, на окончательную отдѣлку, пойдетъ столько же, сколько и на избу вчернѣ (*).

Передній фасадъ.

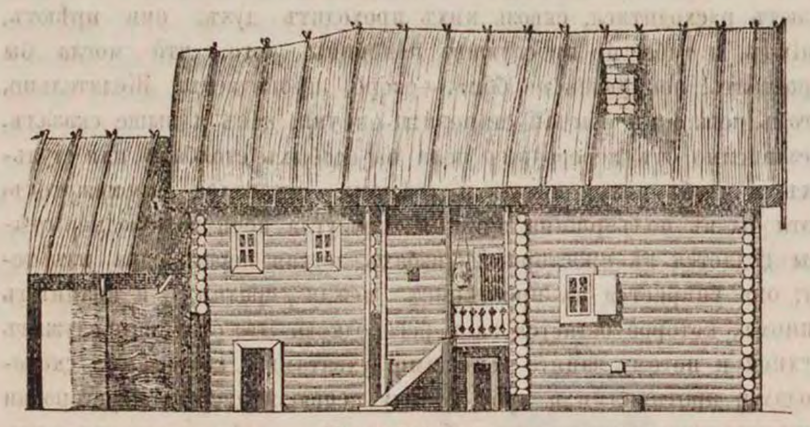
Въ фасадѣ дѣлаютъ три или два красныхъ окна, и еще одно въ боковой, обращенной на дворъ стѣнѣ, иногда волоковое, т. е., небольшое, задвигающееся изнутри доскою. Въ стѣнѣ, отдѣляющей, сѣни, по самой срединѣ вырубаютъ дверь; на право или

(*) Народное опредѣленіе.

на лѣво отъ этой двери, въ заднемъ углу устраиваютъ деревянный опечекъ, на которомъ кладется печь, обращенная челомъ къ окнамъ передней стѣны. Благоразумные домохозяева дѣлаютъ опечекъ на особыхъ столбахъ, врытыхъ въ землю, независимо отъ стѣнъ избы и переводинъ пола, за тѣмъ, чтобы давленіе всей груды печи не вредило избѣ; но другіе, даже и бо́льшая часть, всегда торопясь стройкой и лѣнясь врыть особые столбы, устроиваютъ опечекъ на переводинахъ пола, врубая связи въ стѣну. Отъ этого не пройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ изба начинаетъ сильно осаживаться въ тотъ уголъ, гдѣ печь; углы начинаютъ расходитъся, сквозь нихъ проходитъ духъ, они прѣютъ, гніютъ, и изба, не прослуживъ половины того, что̀ могла бы простоять, покривясь на бокъ,—скоро пропадаетъ. Желательно, чтобъ вошло въ обычай становить опечки, какъ я выше сказалъ, независимо отъ переводинъ пола на особыхъ столбахъ или стульяхъ, и чтобъ между печью и стѣнами оставался промежутокъ, хотя бы въ полъаршина ширины. Отъ угла печи до передней стѣны дѣлается въ просторныхъ избахъ легкая перегородка изъ тесу; она упирается въ простѣнокъ между среднимъ и крайнимъ окномъ, которое остается за перегородкою. Это отдѣленіе служитъ кухней и потому занято горшками, ухватами, кочергами, сковородами, противнями и проч. Между печью и дверью перегородки устроиваются полочки въ родѣ открытаго шкафа, а противъ нихъ на длинномъ деревянномъ гвоздѣ, или прямо къ балкѣ, привѣшенъ рукомойникъ, подъ которымъ на полу стоитъ большая деревянная лаханка. Въ другомъ заднемъ углу, по другую сторону двери, придѣлываютъ къ стѣнѣ кровать, которая въ праздники, или во время родовъ, задергивается ситцевымъ пологомъ или занавѣсомъ съ колечками, нанизанными на веревочкѣ, протянутой отъ стѣны до столбика и угла кровати. Отъ кровати, по боковой стѣнѣ до угла, и по стѣнѣ подъ окнами до перегородки, тянутся лавки и коняки; въ переднемъ углу—полочка, уставленная образами, предъ которыми виситъ лампадка. По стѣнѣ иногда приклеены и прибиты картинки лубочнаго издѣлія, гравюры и литографіи дешеваго разбора, по большей части духовно-религіознаго содержанія.

Въ углу подъ образами стоитъ столъ съ выдвижнымъ ящикомъ, въ которомъ лежатъ ложки, ножъ и хлѣбъ. Отъ боковой обра-

щенной къ дверямъ, стороны и печи до противоположной стороны, надъ дверью и надъ кроватью, на аршинъ или полтора ниже потолка, настланы полати, на которыя влѣзаютъ съ печи. Полати служатъ любимымъ мѣстомъ послѣ-обѣденнаго отдыха и ночлега для всѣхъ возрастовъ. Въ подполье, гдѣ земля нѣсколько углублена, устроиваютъ ходъ изъ избы. Для этого поднимаются одна или двѣ короткія доски въ полу. Въ подполье лѣтнею порою ставятъ квасъ, молоко и все то, для чего нужна прохлада. Пчеловоды на зиму ставятъ туда пчелъ.

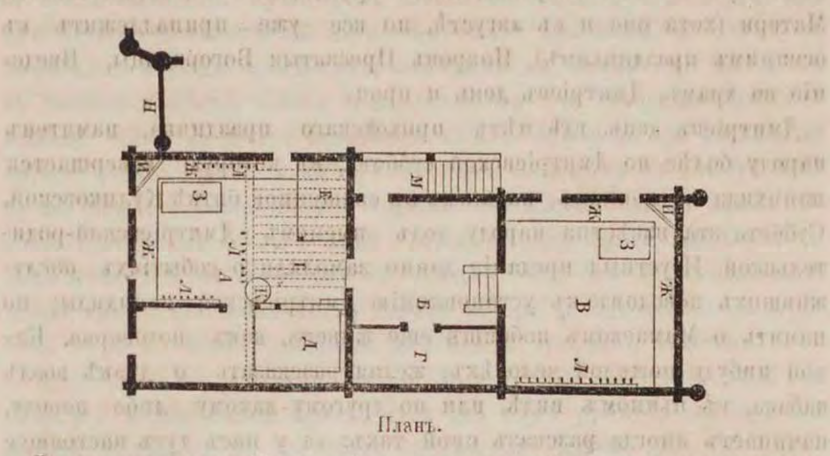

Боковой фасадъ.

Къ задней дверной стѣнѣ избы пристраиваются сѣни, иногда съ чуланомъ и дверью, выходящею на лѣсенку крыльца. Изъ сѣней, противъ избеныхъ дверей,—дверь въ свѣтелку или вышку, небольшую холодную избу, которой полъ выше пола сѣней, и потому туда надобно входить тремя или четырьмя ступеньками,' въ свѣтелкѣ хранится все лучшее достояніе дома: стоятъ сундуки, развѣшено мужское и женское платье и проч. Подъ свѣтелкой и сѣнями *катухи*: въ нихъ помѣщаютъ свиней и другой мелкій скотъ.

Вотъ обыкновенное устройство избы крестьянина-земледѣльца; но бываютъ и исключенія: есть избы въ два этажа, а въ промышленныхъ селахъ за Окою нѣкоторые крестьянскіе дома имѣютъ видъ совершенно городскихъ построекъ. Тамъ народъ промышленный, а разбогатѣвшіе промыслами и въ земледѣльче-

ской сторонѣ уѣзда иногда выстроиваютъ домики по образцу городскихъ домиковъ небогатаго мѣщанскаго сословія

Планъ.

Дворъ крестьянскій со всѣхъ сторонъ обносится плетневыми сараями, навѣсами и катухами. Для воротъ—толстыя дубовыя верен; ворота тесовыя: подъ навѣсомъ и надъ воротами мѣдный крестикъ или образокъ. Ворота на ночь запираются засовомъ. Въ задней сторонѣ двора, ворота на огородъ, садъ или коноплянникъ; а далѣе гумно и рига составляютъ усадебное владѣніе крестьянина. Риги строятся изъ плетней, съ столбами или сохами, поддерживающими крышу. Крестьяне убираютъ въ ригу значительную часть урожая; другая часть кладется на гумнѣ въ одонья. Противъ избы, или по близости двора, если позволяетъ мѣсто, крестьяне строятъ небольшіе плетневые сараи, гдѣ они занимаются собираніемъ саней, телѣгъ, колесъ, сколачиваніемъ и починкою кадушекъ, для продажи, по заказу, или только для своего дома. Трудолюбивый мужичекъ, исключая рабочую пору, все себѣ что-нибудь тамъ ковыряетъ да постукиваетъ; анъ глядишь, подъ часъ и заработаетъ, хотя на соль: и то хорошо.

Время съ перваго Сентября и до дня Рождества Пресвятыя Богородицы (8-го Сентября) называется *бабьимъ лѣтомъ*. Если бабье лѣто ненастно, то вся осень будетъ ясна; и на оборотъ,— если бабье лѣто ведрено, то вся осень будетъ ненастна и холодна. Происхожденія бабьяго лѣта я не знаю; но полагаю, не оттого ли оно такъ названо, что бабы съ полевыми работами и не видали, какъ прошло лѣто, и только осенью, съ окончаніемъ

трудовъ, оно для нихъ возвратилось. Осень преимущественно есть пора сельскихъ приходскихъ праздниковъ Успеніе Божіей Матери (хотя оно и въ августѣ, но все уже принадлежитъ къ осеннимъ праздникамъ), Покровъ Пресвятыя Богородицы, Введеніе во храмъ, Дмитріевъ день и проч.

Дмитріевъ день, гдѣ нѣтъ приходскаго праздника, памятенъ народу болѣе по Дмитріевской субботѣ, въ которую совершается панихида по воинамъ, падшимъ въ священной битвѣ Куликовской. Суббота эта извѣстна народу подъ именемъ Дмитріевской-родительской. Изустныя преданія давно замолкли о событіяхъ, послужившихъ поводомъ къ установленію Дмитріевской панихиды; но память о Мамаевомъ побоищѣ еще живетъ, какъ поговорка. Какой нибудь пожилой человѣкъ, желая разсказать о дракѣ возлѣ кабака, въ пьяномъ видѣ, или по другому какому либо поводу, начинаетъ иногда разсказъ свой такъ: «а у насъ тутъ настоящее Мамаево побоище было».

Чтобы встрѣтить и прилично провести праздникъ, какъ подобаетъ всякому православному, дней за пять, или еще за недѣлю, во всѣхъ дворахъ прихода начинаютъ варить брагу. Та брага хороша, которая густа да липка, сладка и хмѣльна. Брагу въ нашемъ краю варятъ бѣлую и красную. Постараюсь разсказать приготовленіе и той, и другой. Для приготовленія бѣлой браги, положимъ хоть сорока ведеръ, поставятъ съ вечера въ печь чугуны съ водою, ушатовъ на восемь, а между тѣмъ приготовляютъ закваску. Въ обыкновенный горшокъ, налитый до половины теплой водою, всыпаютъ пшеничной мучицы, да съ четверть фунта хмѣлю, затираютъ, то есть, тщательно размѣшиваютъ эту смѣсь веселочкой или иначе колотовочкой, и, дополнивъ горшокъ кипяткомъ, ставятъ его тутъ же въ избѣ гдѣ нибудь въ сторонку, пока окваска закиснетъ. На другой день утромъ, согрѣтую за ночь въ печи воду наливаютъ въ чаникъ или чанъ, всыпаютъ туда же пуда четыре муки ржаной, да солоду пудъ и такъ же, какъ закваску, затираютъ весломъ. Все это дѣлается, пока дрова еще въ печи не разгорѣлись; а когда разгорятся, тогда снова ставятъ всѣ чугуны съ водою въ печь, кипятятъ и кипяткомъ этимъ растворяютъ приготовленный заторъ. Положительно опредѣлить число ушатовъ кипятку, нужнаго для отварки затора--я не берусь; потому что уже давно принято за правило разводить сусло

не жиже того, сколько нужно, чтобъ оно капало или сливалось съ весла свободно. Тутъ суслу даютъ постоять, и часа черезъ три или четыре вливаютъ въ него еще ушата три воды холодной, и, процедивъ потомъ чрезъ сито, вливаютъ въ бочки и выносятъ въ холодное мѣсто. Когда сусло остынетъ до степени парного молока, тогда въ бочки всыпаютъ хмѣлю фунта по три на каждые четыре ушата браги, а вмѣстѣ съ тѣмъ вливаютъ въ каждую бочку по немногу закваски изъ горшка. На другой день брага готова. При варкѣ браги самое важное затрудненіе составляетъ вода и неудобство кипятить ее; потому что на предполагаемое мною примѣрное количество сорока ведеръ браги нужно употребить воды не менѣе двадцати шести или тридцати ушатовъ.

Красную брагу дѣлаютъ иначе. Затеревъ въ кадушкѣ, какъ это дѣлается и для бѣлой браги, пуда два муки ржаной, да пуда два солоду, положатъ въ это тѣсто гречишной лузги (лузгою называется шелуха съ гречишныхъ зеренъ, обдираемая при передѣлкѣ гречихи въ крупу), а, за неимѣніемъ лузги, мелко изрубленную солому; разложатъ это тѣсто въ каменныя корчаги, то есть, горшки колоссальныхъ размѣровъ, или въ чугуны, и корчаги эти или чугуны поставятъ въ печь, жарко истопленную, а чело печи прикрывъ заслономъ, замажутъ на всю ночь глиною. На другой день, когда тѣсто уже хорошо упрѣло, корчаги изъ печи вынимаютъ, и въ каждую корчагу, чтобы размочить запекшуюся сверху корочку, вливаютъ карца по два холодной воды (карецъ есть не иное что, какъ большой желѣзный ковшъ), потомъ тѣсто разбиваютъ колотовочкой и выкладываютъ въ спускъ, то есть, въ чанъ, имѣющій съ боку около самаго дна дырочку, заткнутую деревяннымъ гвоздемъ, или затычкою. Прежде нежели выложатъ тѣсто изъ корчагъ, на дно спуска положатъ двѣ чушки, то есть два полена, имѣющихъ на обращенныхъ къ низу сторонахъ по три заруба для подбѣга сусла, по выраженію бабъ; на чушки положатъ нѣсколько тоненькихъ палочекъ, на эти палочки настелятъ сплошнымъ, но тонкимъ слоемъ соломы-простомолотки и ею же обложатъ, или, лучше сказать, обставятъ всю внутренность спуска кругомъ такъ, что концы соломы остаются торчащими нѣсколько выше краевъ. Устроивши это дѣло, приступаютъ къ сцѣживанію сусла изъ спуска въ чаны. Для этого спускъ поставятъ какъ нибудь повыше, пожалуй хоть на лавку, отварятъ тѣсто, то

есть, вольютъ въ него чугуна два кипятку, ототкуть затычку и сусло потечетъ въ чанъ, въ который, прежде нежели подставятъ его подъ спускъ, положатъ на дно порядочное количество хмѣлю, заранѣе и хорошо упареннаго въ печи. Чтобы упарить хмѣль, берутъ чугунъ, накладываютъ въ него хмѣлю, вливаютъ въ него карецъ или два кипятку, засыпаютъ сверху густо мукою и ставятъ въ печь одновременно съ тѣстомъ, заготовленнымъ на сусло. Суслу въ чанахъ даютъ остыть до степени парнаго молока, а потомъ въ него выльютъ закваски, въ каждый чанъ карца по два или по три. Закваску эту приготовляютъ слѣдующимъ образомъ: въ тоже время, какъ начинаютъ сцѣживать сусло, отливаютъ изъ него небольшое количество въ кадочку или чугунъ, разобьютъ въ немъ колотовочкой фунта четыре пшеничной мучицы, положатъ туда же ложку дрождей, и, посыпавъ сверху мукою, поставятъ на печь, покрывъ тулупомъ, или кафтаномъ, или чѣмъ случится. Когда закваска эта начнетъ бродить и подниматься, тогда снова подольютъ въ нее сусла, разболтаютъ опять колотовочкой, и закваска готова. Когда брага по влитіи въ нее закваски укиснетъ, что̀ узнается по тому, что хмѣль со дна чановъ весь подымется на поверхность, тогда снова берутъ муки, перетираютъ съ нею поднявшійся хмѣль, выжимаютъ его, и, процѣживая брагу чрезъ сито, сливаютъ изъ спуска въ бочки и выносятъ въ погребъ для употребленія. Сцѣдивъ изъ спуска первый отваръ, наливаютъ на тѣсто еще чугуна два или три кипятку и снова спускиваютъ въ чанъ. Изъ этихъ двухъ отваровъ получается брага перваго сорта. Послѣ этого подставляютъ другой чанъ съ хмѣлемъ же, и сусло отваривают и спускаютъ еще раза три или четыре, изъ этихъ послѣдующихъ отваровъ получается брага втораго сорта. Отваривают и третій сортъ; но эта брага бываетъ чрезъ чуръ жидка. Красную брагу варятъ преимущественно въ домахъ помѣщичьихъ, варятъ и духовные, а изъ крестьянъ ее варятъ одни только самые зажиточные. Бо̀льшая часть народа довольствуется брагой бѣлою, во первыхъ, потому, что при варкѣ ея не нужно имѣть никакой особенной или лишней посуды, а во вторыхъ, потому, что и хлопотъ-то за нею менѣе.

Дня за два до праздника напекутъ пироговъ съ начинкой изъ творогу, изъ капусты, изъ каши, или совсѣмъ безъ начинки. Достоинство пироговъ зависитъ отъ достатка хозяина; кто позажи-

точнѣе, тотъ имѣетъ пироги изъ пшеничной муки. Но по большей части пироги пекутъ изъ ржаной муки, просѣянной нѣсколько разъ чрезъ сито; пекутъ также изъ яшной муки, но эти скоро черствѣютъ. Пироги пекутъ изъ кислаго тѣста и сдобные; но главная забота, чтобъ ихъ было какъ можно болѣе. Пироги имѣютъ форму продолговатую и бываютъ длиною отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ аршина.

Убиваютъ заранѣе выкормленную къ этому дню свинью, тушу которой палятъ гдѣ нибудь близь рѣчки, или за деревней для безопасности отъ пожара. Палятъ свиней сухимъ хворостомъ и соломой, переворачивая тушу съ боку на бокъ надъ огнемъ, а опаленныя мѣста выскабливаютъ лопатой или заступомъ. Искусство палить заключается въ томъ, чтобы кожа не только не лопнула, но и не пригорѣла. Когда свинья хорошо опалена, ее потрошатъ, потомъ обливаютъ горячею водою и скоблятъ ножами, отъ чего кожа свининая окончательно принимаетъ видъ привлекательной бѣлизны. Предусмотрительные хозяева еще съ весны оставляютъ телка, котораго передъ праздникомъ выкармливаютъ особо. Мужики ѣдутъ на базаръ за солониной или другимъ мясомъ, когда своего не хватаетъ, за пшеничной мукой, сальными свѣчами и въ кабакъ за виномъ. Вина къ празднику развѣ какой только бѣдный купитъ полъ-ведра, но ужъ менѣе полъ-ведра почти никто не покупаетъ. Въ избахъ идетъ дѣятельность страшная: столы скоблютъ, лавки и полы моютъ, все лишнее изъ избы выносятъ; въ печи и жарятъ, и пекутъ. Съ вечера предъ св. иконами затепливаются лампадки, или зажигается трошевая свѣчка. Въ церквахъ по большей части служатся заутрени, но иногда и всенощныя, ежели при церкви два священника, или въ селѣ есть господскій домъ. Но у помѣщиковъ, живущихъ не въ селѣ, всенощная бываетъ въ домѣ, и къ слушанію ея сходятся не только здоровые и крестьяне обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ, но и пріѣхавшіе къ празднику родные хозяина участвуютъ въ этомъ домашнемъ богослуженіи; потому что изъ-стари заведено, чтобъ къ храмовому празднику и къ дворянамъ, и къ духовнымъ, и къ крестьянамъ, и даже къ дворовымъ семейнымъ людямъ родные, не живущіе по близости, съѣзжались на канунѣ.

Въ самый день праздника, рано утромъ, изъ всѣхъ окрестныхъ селеній, кто въ тѣлегѣ, кто верхомъ, а по большей части пѣшкомъ, стекаются охотники до чужихъ праздниковъ, и, въ ожиданіи

возвращенія хозяевъ отъ обѣдни, располагаются на завалинкахъ около избъ, на выгонѣ и даже за околицей, гдѣ-нибудь на травѣ. Иные входятъ въ избы безъ приглашенія и садятся на лавку, поздоровавшись и поздравивъ предварительно съ праздникомъ того, кто остался дома и по необходимости не пошелъ къ обѣдни• Когда обѣдня отойдетъ и народъ возвратится домой, тогда весь, пришедшій на праздникъ, людъ *«разбрѣдается»* по избамъ. Въ ожиданіи почетныхъ гостей и родныхъ, ежели они еще не на лицо, хозяинъ-мужикъ отводитъ своихъ гостей-пріятелей и хорошихъ знакомыхъ въ вышку, или клѣть, гдѣ, въ ожиданіи обѣда, выпиваютъ винца и закусываютъ пирогомъ. Другіе гости сидятъ въ избѣ и ожидаютъ обѣда. Когда родные и почетные гости соберутся и ожидать болѣе некого, тогда бабы собираютъ обѣдъ, за который садятся и званый, и не званый. Праздничный обѣдъ длится долго. Кушанья бываютъ: солонина, свинина, ветчина, или говядина съ хрѣномъ, студень изъ свиныхъ или изъ говяжьихъ ногъ, щи съ свининой, говядиной или солониной, лапша жировая или молочная, каша крутая пшенная, каша молочная, жареная баранена, или свинина, или говядина, размазня съ масломъ или съ молокомъ, кисели: «мудрой» изъ ржаныхъ крупъ, который ѣдятъ съ молокомъ, овсяный и проч. Предъ обѣдомъ подносится гостямъ по стаканчику винца, передъ щами другой, предъ кашей третій, передъ жаркимъ четвертый и пр. Брага подается безпрестанно—кушай, сколько угодно. По окончаніи обѣда, гости встанутъ, помолятся Богу и скажутъ хозяевамъ: «спасибо за хлѣбъ, за соль!» а хозяева отвѣтятъ: «не прогнѣвайтесь!» или же: «не обезсудьте (*) какова хлѣбъ соль была!» потомъ просятъ гостей: «присядьте, пожалуйста, еще, чтобы курочки-насѣдочки садились, цыплятки и пчелки водились!» гости садятся, имъ еще подносятъ винца; они посидятъ, да покалякаютъ, да и разойдутся Кто пойдетъ соснуть, гдѣ Богъ приведетъ; кто на улицу, или на выгонъ, куда молодыя бабы, дѣвки парни и ребятишки мало по малу собираются; тутъ поютъ пѣсни, водятъ хороводы или играютъ въ бабки. Пожилые люди, сидя у воротъ или на завалинахъ, ведутъ бесѣду. Печать праздника отражается на лицахъ мужчинъ. Щеки разрумянены, глаза или посовѣли или блестятъ какъ-то неесте-

(*) Не осудите.

ственно. Кто деретъ во все горло пѣсню, безъ склада и лада, кто поретъ, какъ говорится, дичь, и требуетъ, чтобъ его слушали, между тѣмъ какъ самъ онъ никого не слушаетъ. Тамъ обнимаются съ нѣжностію и изъясняются въ любви, а чрезъ минуту разстаются очень недовольными другъ другомъ. Между тѣмъ праздничные гости продолжаютъ бродить изъ избы въ избу. Тамъ нужнымъ людямъ подносятъ вина, другимъ бражки, а въ иной избѣ гости и такъ посидятъ да поглазѣютъ. Если родной или почетный гость опоздаетъ къ обѣду, то для него особо собираютъ полный столъ, а для гостя менѣе почетнаго подадутъ пирожка, солонинки, огурчиковъ соленыхъ, киселика овсянаго. Пока на улицѣ играютъ пѣсни, да пляшутъ,—часы летятъ. Вотъ уже и солнышко сѣло; вотъ блеснула первая звѣздочка, а вотъ и темно. Иные посѣтители по немногу пробираются домой, другіе ждутъ ужина, который бываетъ точь въ точь такой же, какъ и обѣдъ. Послѣ ужина всѣ гости расходятся, и праздникъ на этотъ день конченъ. Долго еще ночью на улицѣ или выгонѣ продолжаютъ водить хороводы и играть пѣсни; а на другой день, раннимъ утромъ по всѣмъ окольнымъ дорогамъ, на вѣрное, можно найти кое-кого изъ праздничныхъ гостей, недобравшихся до дома и объятыхъ сладкимъ сномъ подъ открытымъ осеннимъ небомъ на сырой, пожелтѣвшей, травѣ.

Такъ какъ принято изстари престольные праздники праздновать по три дня, то на другой день съ утра опять являются со всѣхъ сторонъ гости, и праздникъ на другой день ни чѣмъ почти не отличается отъ перваго дня. Очень часто бываетъ, что ночевавшій въ полѣ гость, проснувшись съ больной головой, не продолжаетъ своего пути къ дому, а, пораздумавъ маленько, снова возвращается опохмѣлиться къ празднику, и снова празднуетъ цѣлый день. На третій день посторонніе гости почти не приходятъ; остаются только не многіе родные,—и третій день праздника проводится болѣе семейнымъ образомъ.

У помѣщиковъ родные непремѣнно проводятъ и другой день. Почти всѣ ночевавшіе гости на другой день обѣдаютъ, иные послѣ обѣда уѣзжаютъ, другіе еще посидятъ вечерокъ, и уже на третій день и родные, и чужіе разъѣзжаются по домамъ. Вѣчно-столичнымъ жителямъ покажется непонятнымъ долгое гощеніе и съ ночлегами. Но кто жилъ въ деревнѣ, тотъ знаетъ всю невоз-

можность пускаться въ путь верстъ за 20 или даже за версту въ темные осенніе вечера, по проселочнымъ дорогамъ Темнота бываетъ такая, что ѣдущій въ экипажѣ, въ своей собственной усадьбѣ рискуетъ сломить себѣ шею тамъ, гдѣ извѣстенъ на память почти каждый вершокъ земли. Чтожъ, долженъ испытать тотъ, кому надобно переѣзжать черезъ рѣчку или оврагъ, по плотинѣ или по мосту безъ перилъ, или по косогору надъ крутымъ оврагомъ, или когда дорога извивается между пнями срубленнаго лѣса. Вверху, внизу, куда ни взглянешь, - вездѣ черно и темно, какъ въ могилѣ, и изъ этой тьмы блестятъ иногда какъ раскаленные угли, глаза волковъ, которыхъ отвратительныя завыванія нарушаютъ не рѣдко мертвую тишину полей. Чѣмъ ѣхать, не лучше ли въ самомъ дѣлѣ переночевать у сосѣда, гдѣ и свѣтло, и тепло.

Въ храмовые праздники чаще всего совершаются браки между крестьянами. Это дѣлается для избѣжанія излишнихъ издержекъ на угощеніе. Все равно, надобно же варить брагу, готовясь къ празднику; такъ вмѣсто того, чтобы харчиться по напрасну, можно за одно отпраздновать и свадьбу, тѣмъ болѣе, что въ тотъ домъ, гдѣ празднуется свадьба, незванные посѣтители уже не ходятъ. На канунѣ вѣнчанія непремѣнно долженъ быть справленъ дѣвичникъ. Справляется дѣвичникъ слѣдующимъ образомъ. Въ домъ невѣсты пріѣзжаютъ нареченные свекоръ со свекровью. Привезенною съ собою скатертью они покрываютъ столъ, на который ставятъ привезенные ими же; пирогъ, говядину, пшенникъ, или творожникъ, хлѣбъ, соль, также вино въ штофахъ, для вида подправленное клюквой, и брагу. Это—угощеніе жениха для родныхъ невѣсты, которые всѣ приглашаются заранѣе на дѣвичникъ; но самого жениха тутъ нѣтъ, а распоряжаются всѣмъ нареченные свекоръ со свекровью. Невѣста также за столомъ не бываетъ, а сидитъ съ своими подругами, прижавшись гдѣ нибудь въ уголкѣ, а если тепло, то въ свѣтелкѣ, или въ другой горницѣ. Между тѣмъ, какъ всѣ родные невѣсты ѣдятъ и пьютъ, бабы, набившись толпой въ избу и занявъ отъ задняго угла чуть не треть избы, поютъ свадебныя пѣсни, величаютъ жениха и женихову родню, за что получаютъ отъ величаемыхъ деньги, гривну или пятакъ мѣди, а бываетъ и грошъ. Я забылъ сказать, что женихъ, угощая заочно родныхъ своей невѣсты, даритъ ей подарки, состоящіе обыкновенно изъ одной пары шерстяныхъ чулокъ, пары котовъ,

зеркальца и мыла. Эти подарки привозятся завязанными въ узелкѣ и передаются невѣстѣ будущими свекрами. Когда величаніе кончится, и все, привезенное для угощенія, съѣдено и выпито, всѣ остатки, крошки и объѣдки свернуты въ скатерть и вмѣстѣ съ посудою сняты со стола и отложены въ сторонку, чтобъ быть увезенными обратно въ домъ жениховъ, тогда столъ снова покрывается скатертью, и всѣ, не исключая и будущихъ свекровъ, садятся за обѣдъ, который правильнѣе было бы назвать ужиномъ. За этимъ обѣдомъ, даваемымъ уже невѣстой, подается не одинъ пирогъ и говядина, но всѣ кушанья праздничнаго обѣда. Тутъ подаютъ: мясо, щи, лапшу, кашу, жаркое, размазню, однимъ словомъ все, что позволяетъ достатокъ. Все это запивается виномъ и брагой. Въ продолженіе обѣда хоръ бабъ снова начинаетъ величаніе присутствующихъ, снова развязываются кошельки, и снова величающіе получаютъ пятаки и гривны. Невѣста не сидитъ за столомъ, а остается съ подружками-дѣвушками тамъ, гдѣ и была. Туда имъ принесутъ пирожка, пожалуй и еще чего нибудь, и онѣ угощаются себѣ въ тихомолку.

Въ день свадьбы, еще съ ранняго утра, соберутся въ жениховъ домъ—дружко, полудружко, тысяцкій, посаженный отецъ, посаженная мать, сваха, двое бояръ и повозникъ. Дружко и полудружко по обычаю бываютъ подвязаны полотенцами. Всѣ эти должностныя лица, кромѣ повозника, съѣзжаются верхами, и всякій подноситъ жениху по укруху хлѣба и по курицѣ; а у кого нѣтъ курицы, тотъ хоть десятотъ яицъ. Пріѣхавшіе ранѣе другихъ садятся за столъ въ ожиданіи, пока соберутся всѣ. Когда же всѣ съѣдутся, то встаютъ и идутъ на дворъ запрягать лошадей для невѣсты и подъ поѣздъ. Для жениха сѣдлается конь. Запрягши лошадей въ тѣлеги, всѣ возвращаются и садятся обѣдать. Послѣ обѣда дружко беретъ образъ, которымъ на сговорѣ былъ благословленъ женихъ и, сопровождаемый всѣми, идетъ на дворъ, обходитъ три раза запряженныхъ въ тѣлеги лошадей. За нимъ идетъ сваха и прочія должностныя лица. Тутъ всѣ садятся кто на лошадь, кто въ тѣлегу и ѣдутъ со двора въ домъ невѣсты.

Охотники выпить ждутъ этого случая. Они на пути устраиваютъ такъ называемую «околишну»: перегородятъ дорогу шестомъ, или протянутъ веревку, а ежели нѣтъ ни того ни другаго, то хоть положатъ на пути шапку,—и предъ такой околишной свадебный

поѣздъ останавливается. Дружко вынимаетъ изъ-за пазухи полштофъ и подноситъ стоящимъ у околишны. Они выпьютъ и пропустятъ поѣздъ, пожелавъ ему всякаго благополучія. Упряжъ на лошадяхъ для невѣсты бываетъ разукрашена чѣмъ нибудь красненькимъ. Подъ дугою туго подвязанъ колокольчикъ, а на тѣлегу накинута рогожная кибитка.

Между тѣмъ невѣста, получивъ благословеніе отца и матери, садится, въ ожиданіи жениха, на лавку въ переднемъ углу за столъ. Возлѣ нея къ боковой стѣнѣ на лавкѣ же помѣщается «плакса», то есть, сваха со стороны невѣсты, а по другую сторону, на приставленной къ столу скамьѣ, садится братъ, вооруженный скалкою. Входятъ дружки и, встрѣченные отцемъ и матерью невѣсты, просятъ ихъ принять пріѣхавшихъ въ свое семейство. Тѣ, разумѣется, очень рады, отворяютъ ворота – весь поѣздъ въѣзжаетъ на дворъ. Уладивъ это дѣло, дружко подходитъ къ брату невѣсты съ вопросомъ: «зачѣмъ ты сѣлъ не на свое мѣсто?» Тотъ отвѣчаетъ: «когда откупишь мѣсто, тогда будетъ твое». Дружко грозитъ ему плетью, а братъ невѣсты, храбро потрясая скалкой, говоритъ: «озолоти мѣсто, такъ и сядешь!» Тогда дружко, видя, что угроза не помогаетъ, вынимаетъ изъ-за пазухи кожаную мошну и кладетъ на всѣ четыре угла стола по грошу, а на средину гривенникъ. Получивъ такимъ образомъ выкупъ, братъ невѣсты встаетъ и уступаетъ мѣсто жениху. Въ то время, когда дружко вѣдается съ братомъ невѣсты, съ другой стороны стола идутъ переговоры между пріѣхавшей свахой и плаксой. Сваха, подходя къ плаксѣ, говоритъ: «пусти, свашенька, вѣдь ты не на своемъ мѣстѣ».—«Нѣтъ, свашенька, отвѣчаетъ та, я на своемъ мѣстѣ сижу, а ужъ если такъ тебѣ желательно мое мѣсто, то напой меня виномъ, да накорми пирогомъ, тогда и пущу». Дѣлать нечего, подноситъ ей сваха стаканчикъ винца, достаетъ изъ-за пазухи калачь, и когда свашеньки выпьютъ да закусятъ, тогда они поцѣлуются, а въ слѣдъ за поцѣлуемъ обѣ влѣзутъ на лавку и пойдутъ по лавкѣ между столомъ и стѣною, обойдутъ по за спиною невѣсты, спустятся на полъ, продолжаютъ шествіе во кругъ стола, и когда дойдутъ до того мѣста, гдѣ прежде сидѣла плакса, сваха садится на это мѣсто, а плакса занимаетъ мѣсто возлѣ нея, но пониже. Мало по малу всѣ пріѣхавшіе садятся за столъ. Лице невѣсты закрыто накинутымъ на голову бумажнымъ платкомъ.

Въ прежніе годы, когда набивные платки составляли не для всѣхъ доступную роскошь, тогда невѣсту покрывали холщевымъ полотенцемъ. Женихъ сидитъ возлѣ невѣсты, наряженный въ платокъ, сложенный косынкою и накинутый по женски на плечи всерхъ кафтана. Подаютъ обѣдать: щи, пирогъ, крупень, студень, и проч., брагу и вино. Женихъ и невѣста сидятъ, потупя глаза, бабы и дѣвки также, какъ на дѣвичникѣ, стоятъ толпою въ заднемъ углу и поютъ пѣсни, славятъ жениха, всѣхъ должностныхъ и родныхъ, и получаютъ деньги. Изба и сѣни биткомъ набиты должностными и любопытными, малыми и большими; на дворѣ и на улицѣ толпится народъ:—всѣ ждутъ выѣзда невѣсты къ вѣнцу. Когда обѣдъ кончится, дружки подаютъ знакъ; всѣ обѣдавшіе встаютъ и молятся Богу. Отецъ съ матерью берутъ невѣсту за руки и подводятъ къ жениху. Отецъ говоритъ: «вотъ мы даруемъ невѣсту; ее люби, да сѣй ленъ да конопи, спрашивай съ жены рубахи да портки». Женихъ беретъ невѣсту за руку, но дѣвушки-подружки бросаются отнимать невѣсту, хватаютъ ее за другую руку и тянутъ къ себѣ. Женихъ не уступаетъ, и бѣдную невѣсту тянутъ то въ ту, то въ другую сторону, а она, что̀ голубка, и «не пикнетъ». Разумѣется, побѣда, послѣ непродолжительной борьбы, остается за женихомъ. Тогда отецъ и мать берутъ икону и становятся предъ нареченными; икону сначала держитъ отецъ. Сперва женихъ, а потомъ невѣста, съ крестнымъ знаменіемъ кладутъ предъ иконою по три земныхъ поклона, прикладываются къ ней и цѣлуютъ отца. Потомъ отецъ передаетъ образъ матери, и женихъ съ невѣстою получаютъ благословеніе тѣмъ же порядкомъ. По совершеніи этого обряда, женихъ, предшествуемый дружками, ведетъ невѣсту къ тѣлегѣ, чтобы ѣхать къ вѣнцу. Невѣста садится по срединѣ, а сваха и плакса, имѣя въ рукахъ образа̀, первая благословеніе жениха, вторая—невѣсты, садятся съ боковъ. Въ туже тѣлегу къ ногамъ ставятъ судницу, то есть, круглый коробъ съ створчатой крышкой, въ который кладутъ пирогъ, говядину, вино. Повозникъ правитъ лошадьми; женихъ съ дружками и тысяцкій съ боярами ѣдутъ верхами, а иногда женихъ въ особой тѣлегѣ позади невѣсты; далѣе остальный поѣздъ родныхъ. Весь поѣздъ крупною рысью выѣзжаетъ со двора и отправляется къ церкви.

Любители выпить и на этотъ разъ устроиваютъ околишную, и

снова дружко выкупаетъ проѣздъ виномъ. Говорятъ, что если силою проѣхать околишную, то ужъ въ такомъ случаѣ бѣды не миновать. Разсказываютъ, что разъ когда-то, а ужъ гдѣ, не знаю, ѣхалъ свадебный поѣздъ къ церкви, а какой-то прохожій возми да устрой околишную; добро бы шестомъ перекинулъ, или веревку протянулъ, а то распоясалъ съ себя кушакъ, да и положилъ его на землѣ поперегъ дороги. Дружки не хотѣли обратить на это вниманія, поскупились что-ль, или просто полѣнились, да такъ поѣздъ и проѣхалъ; но не успѣли они отъѣхать отъ околишной и десяти шаговъ, какъ колесо у невѣстиной тѣлеги хруснуло да и разсыпалось, и пока ѣздили за колесомъ, пока колесо привезли да приладили, поѣздъ простоялъ на одномъ мѣстѣ нѣсколько часовъ. Да мало ли бывало такихъ случаевъ!—Въ церкви, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоять жениху съ невѣстой подъ вѣнцемъ, подстилаютъ «подножки», то есть, кусокъ холстины. Невѣста съ женихомъ должны вступить на подножки въ одно время: первая правою ногою, а послѣдній лѣвою. Тысяцкій находится при женихѣ безотлучно въ продолженіи всѣхъ свадебныхъ продѣлокъ, а въ церкви, во время вѣнчанія, онъ держитъ женихову шапку. По совершеніи таинства, сваха съ плаксой отводятъ невѣсту на паперть, а зимнее дѣло—къ уголку; снимаютъ съ головы ея дѣвическій уборъ, платокъ, расплетаютъ украшенную лентой косу, заплетаютъ въ двѣ косы и надѣваютъ на голову кичку, или повязываютъ по бабьему платкомъ. Пока такимъ образомъ убираютъ молодую, дружки тутъ же въ церкви угощаютъ священника и причтъ привезенымъ въ судницѣ запасомъ. Изъ церкви тѣмъ же порядкомъ, какъ ѣхали къ вѣнцу, ѣдутъ въ домъ молодаго. Отъѣхавъ не много отъ церкви, повозникъ остановитъ лошадей и скажетъ: «что супонь, молъ, лопнула»; сваха для повязки супони подастъ ему шерстяный или шелковый поясъ, который повозникъ прячетъ въ карманъ, а между тѣмъ эта, по видимому, случайная остановка представляетъ новый случай къ попойкѣ. Пока сваха отыскиваетъ, чѣмъ замѣнить лопнувшую супонь, дружко, взявъ въ руки полштофъ и стаканчикъ, наливаетъ и подноситъ сперва полудружку, приговаривая что-то въ смыслѣ поздравленія: «съ благополучнымъ окончаніемъ»! или «желаемъ здравія»! Полудружко за учтивость платитъ взаимно учтивостію, подноситъ въ свою очередь дружку, и, размѣнявшись такимъ образомъ учтиво-

стями, продолжают подносить уже всѣмъ. Послѣ этого ѣдутъ въ домъ къ жениху уже безъ остановки, чуть не во всю прыть; колокольчикъ подъ дугой такъ и заливается, бубенчики вызванивают. Молодая и свахи только подпрыгиваютъ на тряской телегѣ. Въ сѣняхъ молодыхъ встрѣчаетъ «встрѣчная сваха»; должность ея не продолжительна. Встрѣчная сваха одѣта въ овчинный, вывороченный шерстью наружу, тулупъ; въ рукахъ у нея деревянная чашка съ водою, въ которую насыпанъ хмѣль. Не успѣютъ молодые переступить порогъ двери, какъ сваха, взявъ изъ чашки въ пригоршню мокраго хмѣлю, бросаетъ имъ сперва въ новобрачныхъ, а потомъ и во всѣхъ участвовавшихъ въ свадебномъ поѣздѣ, и когда въ чашкѣ останется уже не много, то сваха, повернувшись ко входящимъ спиною, выплескиваетъ чрезъ себя назадъ, прямо изъ чашки, всю остальную воду и хмѣль опять на молодыхъ и на всѣхъ, кто ихъ сопровождаетъ. Войдя въ горницу, всѣ участвовавшіе въ поѣздѣ садятся за столъ, за которымъ на первомъ мѣстѣ красуются молодые. Послѣ полнаго и продолжительнаго обѣда, къ которому, по обычаю, новобрачные не прикасаются, дружко, полудружко, тысяцкій, сваха и плакса ведутъ молодыхъ въ клѣть. Клѣть есть не иное что, какъ небольшая, холодная и темная каморка, рѣдко съ маленькимъ волоковымъ окошечкомъ, а чаще всего только съ дверью. Клѣти по большей части строятся изъ самаго тонкаго лѣсу, на дворѣ, и имѣютъ въ длину и ширину отъ 4 до 6 аршинъ, и рѣдко бываютъ просторнѣе. Въ нихъ сохраняется весь скарбъ крестьянской семьи; по стѣнкамъ развѣшана мужская и женская одежа, на полу тѣснятся коробьи и судницы; по полочкамъ торчитъ какая ни-на-есть каменная или стеклянная посуда, а за сундуками и по угламъ навалена всякая домашняя рухлядь. Къ одной изъ боковыхъ стѣнъ клѣти, къ углу, придѣлана кровать, иногда съ пологомъ, потому что клѣти служатъ для супруговъ отдѣльными спальнями почти круглый годъ: только суровая зима и морозы выгоняютъ ихъ въ избу. Но молодыхъ, будь хоть крещенскіе морозы, все таки ведутъ спать въ клѣть. Такъ какъ они съ утра еще ничего не ѣли, то тамъ для нихъ накрытъ столъ; ихъ тамъ «кормятъ», то есть, подаютъ имъ обѣдать, угощаютъ ихъ и наконецъ кладутъ спать. Дружки немедленно послѣ того уходятъ въ избу; сваха и плакса, раздѣвъ молодую, или, какъ водится

снявши съ нее только шушунъ и повойникъ, также уходятъ вслѣдъ за дружками; дверь клети затворяется, и молодые остаются одни....

Время идетъ, а между тѣмъ въ избѣ всѣ веселятся, всѣ пьютъ да закусываютъ, да гуляютъ въ ожиданіи «повечерниковъ». Повечерниками называется пріѣздъ родныхъ молодой: дядьевъ, братьевъ и проч., но ни отца, ни матери при этомъ нѣтъ. Повечерники, подъѣхавъ къ воротамъ, начинаютъ стучаться, потому что въ ожиданіи ихъ пріѣзда ворота всегда бываютъ заперты. На стукъ повечерниковъ и на лай встревоженныхъ на дворѣ собакъ выходятъ дружки, и тогда между ними и пріѣзжими начинаются переговоры въ родѣ слѣдующихъ:

«Кто тамъ въ ворота стучитъ?

— Пріѣзжіе! отъ Ивана Григорьевича пріѣхали; пустите ночевать.

«Да что вы за люди за такіе?

— А вы вышлите къ намъ Никифора Демьяновича, да Анну Кондратьевну--они насъ знаютъ.

На призывъ дружковъ выходятъ свекоръ съ свекровью: «Здраствуйте! что пожаловали?» спрашиваютъ они пріѣзжихъ. «Пріѣхали» родимые, отвѣчаютъ тѣ, молодыхъ спровѣдать и привезли имъ дорогой товаръ». Дорогимъ товаромъ называется приданое молодой: сундукъ или коробья съ ея вещами, подушка, дерюга, то есть, большая простыня изъ самой грубой, чуть не верченной ткани; ею покрывается постилаемая на кровати для мягкости солома, и такимъ образомъ дерюга въ крестьянскомъ приданомъ представляетъ или замѣняетъ пуховикъ.

Когда отворятъ ворота, и повечерники съ приданымъ въѣдутъ на дворъ, тогда дружко проситъ ихъ передать ему дорогой товаръ; но повечерники не соглашаются на это предложеніе, говоря такъ: «выведите къ намъ прежде молодыхъ; мы имъ самимъ и отдадимъ, а вамъ не вѣримъ!!» Тогда всѣ тѣ, кто отводилъ молодыхъ въ клѣть, идутъ тѣмъ же порядкомъ ихъ «поднимать», то есть, одѣвать ихъ, и выводятъ къ повечерникамъ. Не медля ни мало, дружко тутъ же приступаетъ къ покупкѣ постели; кладетъ на всѣ четыре угла привезеннаго сундука по грошу, а для подсеребренья на самую средину сундука гривенникъ или пятакъ серебра. Повечерники берутъ деньги, отдаютъ ихъ тутъ же моло-

дой, и, окончивъ такимъ образомъ продажу и куплю дорогаго товара, и молодые, и пріѣхавшіе, и всѣ, кто тутъ есть, входятъ въ избу, а въ избѣ столъ снова накрытъ чистою скатертью, и на немъ поставлены пряники, орѣхи, яблоки, рожки или цареградскіе стручки и прочія лакомства, при чемъ не забыто и вино.

Пока въ избѣ гуляютъ да закусываютъ, бабы, заранѣе ожидавшіе на улицѣ, когда поднимутъ молодыхъ, входятъ въ избу и, какъ во время дѣвичника «обыгрываютъ пріѣхавшихъ повечерниковъ», то есть, славятъ ихъ и получаютъ отъ нихъ за это деньги; а молодая между тѣмъ даритъ подарками мужниныхъ родныхъ: свекру и свекрови по ситцевой рубахѣ, дядямъ и снохамъ по бумажному платку, и за эти подарки свекоръ отъ всего родства отдариваетъ молодую тремя или пятью рублями серебромъ. Послѣ этого садятся обѣдать за «княжой обѣдъ»—обѣдъ полный и обильный, но его мало ѣдятъ потому, что не идетъ въ душу; болѣе пьютъ. Послѣ обѣда опять ставятъ на столъ прежнія лакомства и закуски, и пока хмѣль окончательно не сшибетъ съ ногъ родныхъ и гостей, всѣ пляшутъ, гуляютъ и пьютъ.

Молодые подъ шумокъ уходятъ спать, но повечерники продолжаютъ гульбу во всю ночь до разсвѣта. На другой день утромъ, послѣ завтрака, молодые, въ сопровожденіи дружковъ и свахъ, ѣдутъ въ «новые гости», то есть, къ отцу и матери молодой, гдѣ проводятъ весь день, пьютъ, гуляютъ и остаются ночевать. Теща для новаго зятя непремѣнно печетъ блины. На третій день теща и тесть съ родными ѣдутъ къ зятю и также проводятъ у него цѣлый день, а съ четвертаго дня жизнь опять потечетъ для всѣхъ обычнымъ порядкомъ. Годъ цѣлый молодая живетъ совершенно спокойно, развѣ когда, и то по своей охотѣ, вымоетъ ложки да чашки, или подмететъ избу, но работать ее не приневоливаютъ.

Женихъ съ невѣстой никогда почти не сочетаются бракомъ по избранію сердца, но всегда по волѣ родителей, которые безъ ихъ вѣдома улаживаютъ все дѣло, ударяютъ по рукамъ, запиваютъ— и дѣло въ шляпѣ. Но женихъ изъ зажиточнаго дома, или красивый наружностію, сильный, стройный, высокій всегда пріобрѣтаетъ и жену красивую. Родители хорошаго жениха бываютъ разборчивы и ежели прослышать на сторонѣ о дѣвушкѣ, которая подъ пару ихъ сыну, то или сами ѣдутъ, или посылаютъ сваху «осмотрѣть невѣсту». При этомъ осмотрѣ не только оглядываютъ

дѣвушку съ ногъ до головы, но велятъ ей даже пройтись; смотрятъ—твердо ли держится она на ногахъ, и одна нога не короче ли другой. Высокій ростъ, крѣпкое сложеніе, чистота и свѣжесть лица, а главное, здоровье, цѣнятся высоко. Всякое семейство желаетъ имѣть бабу, способную нести хозяйственные труды въ домѣ и въ полѣ, и здоровье которой служило бы ручательствомъ за здоровье будущаго поколѣнія.

На другой день послѣ брака, молодые въ сопровожденіи дружка и свахи ѣдутъ къ господамъ съ караваемъ и съ дарами. Караваемъ называется пирогъ или хлѣбъ, который, въ ожиданіи пріѣзда молодыхъ отъ вѣнца, лежалъ на столѣ Настоящій каравай къ господамъ не носится; но обыкновенно замѣняется калачемъ, кренделями, пряниками, а у дворовыхъ людей конфектами. Дары состоятъ, по большей части, изъ простыхъ холщевыхъ полотенецъ, разукрашенныхъ кружевами и прошивками собственныхъ дѣвическихъ трудовъ новобрачной; а если въ господскомъ семействѣ есть дѣти, то для поднесенія имъ въ даръ заготовляютъ какіе нибудь самые дешевые платочки. У свахи въ рукахъ дары, а у дружка на подносѣ водка въ полуштофѣ, рюмка, кусочикъ калача или крендель; дружко наливаетъ водки, и, поднося барину, привѣтствуетъ его слѣдующею рѣчью: «просятъ васъ князь съ княгиней сыромъ-караваемъ; сыръ-каравай примите, золотую гривну положите, а ежели въ честь то хоть рубликовъ шесть. Наше дѣло на-новѣ, всего много надобно, намъ на «тенца», на веретенца, да на тонкія платенца, на щелчки, на торочки, на банное строеніе: старуху купить—баню топить: козла купить—воду возить; старика купить—дрова рубить» и проч. Баринъ, взявъ рюмку, поздравляетъ молодыхъ, желаетъ имъ любви и согласія, и, отвѣдавъ вина, говоритъ «горько»—это значитъ, что надо подсластить, и молодые цѣлуются три раза. Потомъ сваха подноситъ на тарелкѣ полотенцо, баринъ принимаетъ даръ, а на тарелку кладетъ деньги, которыя поступаютъ въ пользу молодой. Тѣмъ же порядкомъ подносятъ дары барынѣ, дѣтямъ, и всѣ они отдариваютъ деньгами. Послѣ этого, поблагодаривъ господъ молодые уходятъ.

Описывая свадебные обряды, я ничего не сказалъ о сговорѣ. Сговоръ бываетъ прежде дѣвичника. Исключая благословеніе образомъ и присутствіе на сговорѣ священника, отъ дѣвичника онъ почти ничѣмъ не отличается.

Разсказавъ о свадьбахъ, нельзя не разсказать и о крестинахъ. Когда молодица почувствуетъ приближеніе родовъ, то уходитъ тихонько въ катухъ или клѣть, стараясь, чтобъ объ ея мукахъ не зналъ никто, кромѣ самыхъ близкихъ своихъ семейныхъ бабъ и мужа. Замѣчаютъ, что ежели многіе будутъ знать о мукахъ, то муки будутъ продолжительнѣе. Одна изъ бабъ или мужъ немедленно отправляется за бабушкой. Бабушка эта всѣ знанія свои пріобрѣла, разумѣется, одною опытностію, или, лучше сказать, она ничего не знаетъ, но, по свойственной Русскому народу смѣтливости и снаровкѣ, эти русскія бабушки не рѣдко бываютъ искусны. Бабушка по большей части случается женщина пожилая или старушка, всегда умная, честнаго поведенія, степенная и пользующаяся общимъ уваженіемъ. По окончаніи родовъ, родильницу вмѣстѣ съ ребенкомъ переводятъ въ избу и кладутъ въ заднемъ углу на кровать, всегда на глухо приложенную къ стѣнѣ, и завѣшиваютъ пологомъ или чѣмъ попало. Какъ скоро въ деревнѣ узнаютъ, что такая-то родила, хотя бы и не перваго ребенка, всякая баба спѣшитъ снести родильницѣ «на зубокъ» пирогъ, чашку кислой капусты, блюдцо соленыхъ огурцовъ, горшечикъ кашки, или чашечку крупицъ. Войдя въ избу, всякая приходящая молится святымъ иконамъ, потомъ, обратясь къ родильницѣ, поздравляетъ «съ животомъ да съ сыномъ» или «съ животомъ да съ дочерью». Потомъ гостья поздравляетъ отца съ сыномъ, бабушку со внучкомъ и такъ далѣе, всѣхъ родныхъ, кто случится въ избѣ, а приношеніе свое отдаетъ старшей въ домѣ хозяйкѣ. Поздравительницу просятъ «присѣсть», подносятъ ей винца, подчуютъ пирогомъ, мясомъ, или чѣмъ Богъ послалъ; закуситъ она и, взявъ свою опорожненную посуду, помолясь и пожелавъ всякаго благополучія, уходитъ домой. На другой день бываютъ крестины, для которыхъ, какъ ни бейся, а все ужъ четверть-то вина припасти надобно. Кума выбираетъ отецъ; куму— мать. Новорожденнаго несетъ въ церковь бабушка-повитушка. У крестьянъ таинство крещенія почти всегда совершается въ церкви; но ежели воспріемниками приглашены господа, то священника призываютъ въ господскій домъ. Когда въ день крестинъ, по случаю праздника, должна быть обѣдня, то св. крещеніе совершается до обѣдни для того, чтобы можно было въ тотъ же день пріобщить младенца; но если въ этотъ день нѣтъ обѣдни, то

таинство св. крещенія откладывается не далѣе, какъ до перваго воскресенья. Изъ церкви домой младенца несетъ крестная мать и, когда войдетъ въ избу, то кладетъ младенца въ передній уголъ подъ св. иконы на разостланную шубу, и, обратясь къ матери, отцу и ко всѣмъ роднымъ, промолвитъ: «поздравляю васъ окрещемши младенца»! «Какъ видѣли его подъ крестомъ, такъ дай намъ Богъ видѣть его подъ вѣнцемъ!» Послѣ этого, пока до обѣда кумъ, кума и бабушка садятся за столъ закусить пирожка и еще что случится.

Къ обѣду приглашаютъ всѣхъ родныхъ, а также и батюшку-священника. По окончаніи обѣда бабушка беретъ горшокъ каши, ставитъ его въ шапку, потомъ шапку на блюдо и, насыпавъ порядочную щепотку соли въ ложку, задѣнетъ ею не много каши, и положивъ ложку на кашу, обращается къ отцу, который, разумѣется, за столомъ не сидитъ. Какого бы рода ни было угощеніе, но въ крестьянскомъ быту хозяинъ и хозяйка не садятся съ гостями. «Нука отецъ, скажетъ бабушка, подитка сюда, отвѣдайка каши!» Когда тотъ, хоть и поморщится, да съѣстъ, отецъ крестный нальетъ вина, поднесетъ ему и скажетъ: «осеребри-ка, и тотъ, выпивъ, кладетъ деньги на блюдо. Класть соль въ ложку отцу есть обычная шутка: глотая соль, отецъ долженъ сознавать, какъ солоно достается женѣ родить. Послѣ этого бабушка обноситъ кашей всѣхъ присутствующихъ по старшинству: сначала батюшку-священника, родныхъ и семейныхъ, потомъ гостей, а крестный отецъ подноситъ вина, всѣ кладутъ на блюдо деньги въ пользу бабушки. Послѣ всѣхъ бабушка подчуетъ кашей кума и куму; а кумъ и кума, поздравивъ другъ друга, угощаются взаимно виномъ, но также кладутъ деньги, какъ и другіе. Вышедъ изъ-за стола, помолясь Богу и поблагодаривъ хозяевъ, приглашенные уходятъ; остаются только крестный отецъ, крестная мать и бабушка; ихъ снова сажаютъ за столъ и угощаютъ лакомствомъ: медомъ, орѣхами, пряниками, яблоками и проч. Полакомившись и получивъ на дорогу по пирогу, кумъ и кума, распростившись уходятъ домой.

Во всю рабочую пору, когда лошади почти не выходятъ изъ упряжи въ продолженіе цѣлаго дня, естественно, что для кормленія ихъ остается только ночь. Сухаго корма въ это время нѣтъ, да если бы и былъ, то и тогда не благоразумно было бы тратить его, когда есть кормъ подножный. Поэтому лошадей гонятъ на

пастбища съ вечера, когда кончится дневная работа. Это называется гонять лошадей въ «ночную». Ночная сторожка лошадей обыкновенно поручается мальчикамъ отъ 10 до 15 лѣтъ; тамъ въ полѣ или около лѣса, они раскладываютъ огонь, грѣются около него, шалятъ, или, сидя смирно и чинно, болтаютъ. Но случается, и не рѣдко, что этихъ юныхъ сторожей начинаетъ одолѣвать дремота, и мало по малу они засыпаютъ; а лошади, пользуясь свободой, заходятъ въ овсы или въ другой хлѣбъ, начинаютъ въ нихъ валяться, и не столько поѣдаютъ, сколько мнутъ и топчатъ. Подобныя опустошенія называются «потравами». Когда хлѣбъ съ полей уже убранъ, тогда въ продолженіе всей осени и до самаго первозимья крестьяне имѣютъ несчастный обычай выпускать лошадей безъ всякой сторожки, и лошади бродятъ день и ночь, гдѣ и какъ вздумается. Помѣщики, при всемъ стараніи искоренить этотъ вредный обычай, мало имѣютъ успѣха. Прекративъ этотъ безпорядокъ въ своихъ имѣніяхъ, не могутъ, не ссорясь, отучить отъ него крестьянъ чужихъ, оброчныхъ или казенныхъ. Обычай этотъ названъ мною несчастнымъ потому, что лошади, выпущенные на свободу и привлекаемые пушистой зеленью, прямо бѣгутъ на озимыя поля. Хорошо еще, если бы они чинно пользовались роскошью сладкаго корма, щипая его осторожно, то такъ бы еще и быть, но онѣ, ни сколько не думая о послѣдствіяхъ, часто выдергиваютъ скусившіеся всходы съ корнемъ; а если земля увлажена обильными дождями, выворачиваютъ и затаптываютъ копытами (*). Конечно, когда поздніе осенніе морозы претворятъ землю въ камень, тогда лошадей гулять по зеленямъ можно допустить безъ всякаго опасенія. Но за то прогулка эта обходится не безъ послѣдствій: отъ употребленія въ кормъ мерзлыхъ зеленей, какъ замѣчаютъ опытные люди, кобылы «выкидываютъ». Самое же страшное для крестьянъ бѣдствіе, происходящее отъ упорства ихъ—выпускать лошадей безъ всякаго надзора, заключается въ томъ, что конокрадамъ открывается свободное поприще къ похищенію. Ночи темны, длинны; подмѣтитъ воръ, что сторожки нѣтъ, а лошадь хороша, поймаетъ, взнуздаетъ—и былъ таковъ. Поутру хватится хозяинъ своей лошади, но она, если не за шестьдесятъ, то на вѣрное гдѣ нибудь за сорокъ верстъ отъ своей деревни.

(*) Когда отъ продолжительнаго осенняго тепла рожь растетъ очень сильно, тогда не только не вредно, но даже полезно вытравливать зелени овцами.

Изъ Зарайскаго уѣзда передаютъ ворованныхъ лошадей въ Тульскую губернію, оттуда и далѣе. Несчастный крестьянинъ напрасно подаетъ объявленіе, напрасно хлопочетъ и тратитъ для отысканія лошади и деньги, и время. Промысломъ конокрадства очень часто занимаются цыгане, а потому сосѣдства ихъ таборовъ сельское населеніе не очень жалуетъ.

Лошадь въ земледѣльческомъ быту составляетъ главнѣйшее условіе благосостоянія. Пропадутъ лошади, и мужикъ, когда-то возбуждавшій своею зажиточностію зависть сосѣдей, въ одну ночь видитъ себя совершенно разореннымъ. Много ему послѣ этого нужно употребить трудовъ, и много лѣтъ пройдетъ, прежде нежели онъ придетъ въ прежнее состояніе.

Но есть еще бѣдствіе ужаснѣе самаго конокрадства, и тѣмъ болѣе оно ужасно, что посѣщаетъ не одно какое нибудь семейство, а цѣлыя селенія и даже многія вдругъ. Это бѣдствіе—скотскій падежъ. До сихъ поръ еще неизвѣстно лекарстъ къ излеченію заразы и только въ случаѣ, если открылся падежъ въ сосѣдственномъ селеніи, то принимаютъ нѣкоторыя карантинныя мѣры: прекращаютъ сближеніе стадъ въ сосѣдственныхъ поляхъ одно съ другимъ, привязываютъ собакъ, чтобы онѣ не отыскивали брошенной и не вырывали худо зарытой падали и не затаскивали въ деревню костей. Многіе не покупаютъ на базарѣ говядины, изъ опасенія, что корова можетъ быть (чему и бывали дѣйствительные примѣры) зарѣзана на говядину въ то время, когда въ ней уже гнѣздилось начало страшной болѣзни. Но если необходимость или случай заставляетъ купить говядины, то, при обмываніи ея, помои выливаютъ въ такое мѣсто, куда корова не могла бы проникнуть или обнюхать, на пр., въ подполье сѣней или избы. Принимаются нѣкоторыя и другія мѣры: мажутъ лобъ и крестецъ скотины дегтемъ, даютъ пить по стакану конопляннаго масла и, потомъ поймавъ какой нибудь некрупной рыбы, плотвы, карасей или другой, какой случится, окунаютъ каждую рыбку въ деготь и впускаютъ въ горло коровѣ, такъ, чтобы она проглотила рыбку живьемъ.

Въ нашихъ мѣстахъ существуетъ одинъ очень древній и весьма замѣчательный обычай. Въ случаѣ падежа скота, или повальныхъ болѣзней между людьми, какъ то: горячки, холеры и проч. въ позднюю ночь, когда всѣ преданы сну, непорочныя вдовы и дѣ-

вицы, заранѣе согласясь, собираются гдѣ нибудь въ концѣ деревни. Всѣ онѣ одѣты въ однѣ бѣлыя рубашки и ничѣмъ не подпоясаны; волосы расплетены и распущены по плечами, съ ними соха. Цѣль этого сборища: опахать деревню кругомъ и тѣмъ оградить ее отъ общаго бѣдствія. Когда всѣ соберутся, шествіе открывается слѣдующимъ порядкомъ: впереди одна изъ дѣвокъ несетъ небольшую икону съ прилѣпленной къ ней восковой свѣчкой, за ней другая, впрягшись въ оглобли, тащитъ соху; но такъ какъ для этого нужно имѣть силу лошадиную, то многія другія, подхватя соху съ боковъ за оглобли, помогаютъ тащить ее; и если соха не прорѣзываетъ глубокой борозды, то все-таки хоть слегка царапаютъ ею землю. Возлѣ сохи, съ противоположной деревнѣ стороны, идетъ третья дѣвка или вдова, вооруженная кнутомъ, и, непрестанно стегая по воздуху, отгоняетъ «нечистаго», противъ котораго и всѣ, участвующіе въ этомъ ночномъ шествіи, вооружены, кто рогачемъ или ухватомъ, кто хворостиной, кто кочергою, кто кнутомъ. Всѣ онѣ въ полголоса или нараспѣвъ читаютъ молитвы, какая кому придетъ на умъ, а ко большей части: «Господи помилуй!» Это совершается въ глубокой тайнѣ, и потому когда проходятъ близъ жилья, то начинаютъ молиться шопотомъ, чтобъ не быть открытыми. Горе тому, кто вздумаетъ подглядывать, или, увидавъ случайно, тотчасъ не скроется: всѣ участницы тайнаго хода съ остервененіемъ бросаются на любопытнаго и, если онъ не возложитъ своего спасенія, по народному выраженію: «на утекъ», «или давай Богъ ноги», его изобьютъ не на животъ, а на смѣрть. При встрѣчѣ препятствія, преграждающаго путь: прясла, канавы и т. п., всѣ начинаютъ колотить по немъ своимъ оружіемъ и въ изступленіи начинаютъ кричать: «что́ это за урядъ, чтобъ кровью смерть не унять!» потомъ преграду уничтожаютъ и идутъ далѣе. Священники, на другой только день узнавъ о подобномъночномъ ходѣ, убѣждаютъ оставить этотъ полуязыческій обычай, но предупредить его почти не возможно. Случаи, вызывающіе его, по милости Божіей, довольно рѣдки (*), такъ что иногда въ десять лѣтъ не встрѣтится ни одного; къ тому жъ и затѣявшія обезпечить, посредствомъ опахиванія, деревню свою отъ страшнаго по-

---

(*) Кромѣ скотскихъ падежей, которые въ Зарайскомъ уѣздѣ случаются довольно часто.

сѣщенія падежа или смерти, затѣю свою хранятъ въ глубокой тайнѣ. Кромѣ этого, православные не могутъ сознать грѣхомъ дѣйствія, при которомъ есть образъ, молитва и то непремѣнное условіе, чтобы лица, участвующіе въ этомъ, по ихъ понятію, почти святомъ дѣлѣ, были цѣломудрены и непорочны.

Сельское населеніе, особенно бабы, до сихъ поръ вѣрятъ еще въ колдовство и боятся порчи. Истерическіе припадки, падучую болѣзнь, вредныя послѣдствія родовъ, все это почти всегда приписываютъ порчѣ. Въ подобныхъ обстоятельстахъ для извлеченія, и въ случаѣ какого нибудь воровства или пропажи, чтобы узнать, отыщется ли воръ или потерянное, прибѣгаютъ къ знахарю. Тотъ, разумѣется, прежде всего получаетъ за это приличное награжденіе, и потомъ отдѣлывается неопредѣленными общими выраженіями въ родѣ слѣдующихъ: «это у тебя укралъ человѣкъ со злобы, и теперь самъ сомлевается» (*) или: «хочетъ подкинуть да боится и тому п.» Иногда молодая баба прибѣгаетъ къ знахарю за совѣтомъ, нельзя ль пособить горю, что вотъ-де мужъ ее разлюбилъ и проч. Знахарь опять морочитъ глупую бабу хитросплетенными таинственными словами, нашептываніемъ на воду, умываньемъ и другими увертками, но за труды свои все-таки получаетъ, что слѣдуетъ. Кромѣ знахарей есть еще люди, которыхъ зовутъ «колдунами». Имъ-то приписываютъ страшное искусство «портить», то есть наводить болѣзни, о чемъ я упомянулъ выше. Это бываетъ обыкновенно какой нибудь «непьющій», умный, но хитрый старикъ, или старуха сѣдая, костлявая, сгорбленная, но хитрая, молчаливая, а иногда бранчивая и сердитая. Такихъ людей по наружности уважаютъ, но въ тайнѣ боятся и ненавидятъ; всѣ бѣды, болѣзни, семейныя распри—все худое приписываютъ ихъ «порчѣ». Трудно иногда отличить припадки истерическіе, или падучей болѣзни отъ болѣзни, усвоенной разстроеннымъ воображеніемъ и убѣжденіемъ больнаго или больной, что они испорчены и что въ нихъ поселился бѣсъ. Часто у бабъ бываетъ и притворство, вызванное желаніемъ ничего не дѣлать, потому что и просто больнымъ въ семействѣ не даютъ никакой работы; но къ испорченнымъ питаютъ даже родъ особеннаго уваженія. Нѣкоторыя женщины, одержимыя непонятными для нихъ припадка-

(*) Сомнѣвается.

ми, въ самомъ дѣлѣ убѣждены, что онѣ испорчены. Встревоженное и раздраженное воображеніе до того возбуждено, что простой болѣзненный припадокъ сопровождается у нихъ неистовствомъ: онѣ лаютъ по собачью, кудактаютъ курицей, и, главный, неоспоримый признакъ порчи, кричатъ у обѣдни во время Херувимской пѣсни. Эти несчастныя называются «крикушами» или «кликушами». Всю обѣдню онѣ стоятъ смирно, но едва начинается Херувимская пѣснь, онѣ начинаютъ охать, чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще и громче; мало по малу глаза ихъ закрываются, лица багровѣютъ, грудь сильно вздымается, вздохи смѣняются лаемъ, пронзительнымъ крикомъ, и потомъ безъ чувствъ падаютъ на полъ или на руки окружающихъ. Съ года на годъ крикуши становятся рѣже; лучь просвѣщенія, какъ лучь теплоты, проникаетъ въ самые уединенные уголки и захолустья и разсѣваетъ мракъ суевѣрій; но къ уничтоженію крикушества способствовали много помѣщики. Умѣя отличить болѣзнь отъ притворства, они строго преслѣдовали послѣднее, употребляли убѣжденія, объясняли истину и тѣмъ сильно поколебали вѣру въ возможность порчи. Теперь, если въ приходской церкви случается помѣщикъ у обѣдни; то крикуша еще до начала Херувимской убирается тихонько изъ церкви, боясь обличенія или насмѣшки. Но въ имѣніяхъ, гдѣ сами помѣщики не живутъ, и въ имѣніяхъ казенныхъ, крикуши и теперь еще нерѣдки, въ особенности проявляются въ отдаленныхъ монастыряхъ, куда изъ дальнихъ мѣстъ стекается народъ для богомолья. Часто ихъ можно встрѣтить въ монастырѣ Николы Радовецкаго, Егорьевскаго уѣзда, куда богомольцы стремятся на поклоненіе древнему чудотворному образу Святителя Николая. Изображеніе Святителя рѣзное и величиною въ настоящій средній ростъ. Въ старинные годы монастырь этотъ былъ посѣщаемъ богомольцами изъ отдаленныхъ губерній и былъ очень богатъ; но съ открытіемъ мощей святителя Митрофана Воронежскаго, посѣщеніе богомольцами уединеннаго монастыря Радовецкаго значительно уменьшилось. Впрочемъ и теперь еще приливъ народа бываетъ довольно значительный. Хотя изъ нашего уѣзда богомольные люди въ большомъ числѣ ходятъ на поклоненіе къ Сергію чудотворцу въ Троицкую Лавру, другіе, и несравненно въ меньшемъ числѣ—въ Воронежъ и даже въ Кіевъ, но всего чаще, и помѣщики, и купцы, и крестьяне посѣщаютъ монастырь Николы Радовецкаго. Для

хотьбы или ѣзды на богомолье преимущественно посвящается осень—пора окончанія полевыхъ работъ. Монастырь Радовецкій отъ города Зарайска верстахъ въ шестидесяти, и путь къ нему съ нагорной или земледѣльческой, то есть, большой половины уѣзда лежитъ чрезъ посадъ—«Перевицкій Торжокъ», бывшій въ древности городомъ, признаки котораго сохранились и понынѣ въ земляныхъ валахъ на высокомъ, крутомъ и гористомъ берегу рѣки Оки. Городъ въ древности именовался Перевитескомъ. Видъ за Оку отъ Перевицка на луговую сторону Оки виликолѣпенъ. На луговой сторонѣ хлѣбопашества нѣтъ: преобладаютъ сѣнокосы и боровые лѣса. Села: Бѣлоомутъ, Ловцы, Любичи и большое государево село Дѣдново замѣчательны своею населенностію, великолѣпными для селъ церквами, тысяче-пудовыми колоколами и самымъ образомъ жизни своихъ обитателей. Не имѣя хлѣбопашества, они занимаются одними сѣнокосами и сѣно на баркахъ отправляютъ въ Москву. Многіе занимаются торговлею, а большая часть цѣловальничествомъ по питейнымъ домамъ во всѣхъ краяхъ необъятной Россіи. Отъ обитателей земледѣльческой стороны они отличаются опрятностію въ домахъ, и сильно склонны къ образу жизни горожанъ. Женщины носятъ сарафаны и шубейки, но многія не задумаются надѣть и городское платье, особенно если мужъ уже носитъ сюртукъ. Мущины вообще одѣваются по мѣщански, то есть, носятъ хотя и русское платье, но съ нѣмецкою примѣсью, на пр. при кафтанѣ и бородѣ картузъ; при плисовыхъ шароварахъ заправленныхъ въ русскіе сапоги,—пестрый жилетъ. Нѣкоторые носятъ и долгополые сюртуки, но по бóльшей части сибирки. Какъ въ Перевицкѣ, такъ и въ этихъ селахъ бываютъ значительные базары; кромѣ сельскихъ хлѣбныхъ произведеній всѣхъ родовъ, какъ то: пшена, крупъ, гороха, овса, ржи, на которыя бываетъ довольно большой сбытъ и для покупки которыхъ изъ городовъ пріѣзжаютъ нарочно скупщики, па базары привозятъ лёнъ, пеньку и шерсть, разнаго рода каменную и деревянную посуду, зимою—во множествѣ полозья и сани, а лѣтомъ—колеса; привозятся и всякаго рода желѣзныя и чугунныя издѣлія, необходимыя въ сельскомъ быту. Нарочно выстроенныя для базарныхъ дней лавки наполняются бумажными, набивными, разнаго рода шерстяными, дешевыми, пушными и даже шелковыми товарами. Есть также лавки и лавочки съ товарама моска-

тельными, пряниками, игрушками, и привозятся и выставляются во множествѣ воза кренделей.

Дойдя до Паревицка, богомольцы молятся на высокія церкви села Бѣломута, лежащаго за Окою, верстахъ въ пяти отъ Перевицка. Переправясь черезъ рѣку на паромѣ, они идутъ лугами до Бѣломута. Въ селѣ Бѣломутѣ четыре церкви, изъ которыхъ двѣ кладбищенскія. Въ главныхъ двухъ церквахъ служба круглый годъ отправляется ежедневно, и нельзя не обратить вниманія на прекрасный обычай: всѣ обитатели свыше шестидесяти лѣтъ должны непремѣнно посѣщать ежедневно всѣ божественныя службы. Изъ Бѣломута до монастыря двадцать пять или двадцать семь верстъ, и дорога идетъ боромъ. Однообразіе этого перехода нарушается въ двухъ мѣстахъ двумя или тремя двориками, при которыхъ выстроены деревянныя часовни съ рѣзными копіями образа Николая чудотворца Радовецкаго и другими образами. Тутъ богомольцы отдыхаютъ, пьютъ изъ колодца воду, или квасу на грошъ, а у кого ѣсть деньги,—ѣдятъ продаваемое тутъ мясо, печенку, пироги, калачи, яблоки, огурцы, рѣпу и проч. При часовняхъ живутъ старички, которые посвятили свою жизнь на денежный сборъ въ пользу Бѣломутскихъ и Ловецкихъ церквей, и которые, при проѣздѣ и проходѣ каждаго, звонятъ въ колокольчикъ, напоминая тѣмъ о молитвѣ и пожертвованіи.

Пройдя или проѣхавъ далѣе, богомольцы достигаютъ чистенькой деревеньки Нудушей, выселка изъ Ловецъ, окруженной отвсюду лѣсомъ и болотами; здѣсь также отдыхаютъ многіе богомольцы, а тамъ, пройдя еще немного, начинается граница Егорьевскаго уѣзда. Русскій народъ вообще богомоленъ: сходить на богомолье—почитается дѣломъ святымъ; это есть желаніе потрудиться для Бога. Съ двумя или тремя грошами въ карманѣ, сберегаемыми на свѣчу и общій молебенъ, иная старушка или старикъ, едва передвигая ноги, плетутся иногда, Богъ вѣсть, изъ какой дали на поклоненіе святынѣ. Богомольцы рѣдко ходятъ въ одиночку, но всегда идутъ небольшими толпами. У каждаго за плечами котомка или узелокъ съ лепешками или сухарями, да съ небольшимъ запасомъ бѣлья; къ поясу подвѣшенъ кувшинчикъ для воды; вотъ и всѣ запасы дорожнаго продовольствія; въ рукахъ палка. Ночлегъ гдѣ нибудь, Христа ради, подъ навѣсомъ, или просто у селенія подъ открытымъ небомъ. Ноги, часто больныя и опухшія

отъ ходьбы, одежда и обувь, часто промоченная дождемъ на сквозь; но ни жалобы, ни ропота, ни нетерпѣнія не выражается на спокойныхъ лицахъ, одушевленныхъ силою вѣры. И ходятъ такимъ оброзомъ не десятки, не сотни, а тысячи верстъ, и, возвратясь домой, не только не хвалятся своимъ подвигомъ, но даже иной и не скажетъ объ этомъ никому, развѣ къ слову придется.

Боръ, о которомъ я говорилъ, есть главнѣйшій въ Зарайскомъ уѣздѣ. Помню, что во время моего младенчества онъ былъ очень густъ и величественъ, но теперь въ немъ уже вырублены многія сотни десятинъ и запроданы на срубъ тысячи.

Грустно видѣть обнаженные мѣста тамъ, гдѣ былъ крупный лѣсъ, тѣмъ болѣе, что сосновые лѣса не возстановляются почти никогда, если ихъ вырубаютъ огромными пространствами вдругъ; а на возвышенной, песчаной почвѣ новый лѣсъ не выростаетъ и вовсе. Добро бы еще, если бы эти исполинскія сосны шли на стройку, а то ихъ пилятъ на дрова, пожигаемыя всѣхъ родовъ печами. Эти лѣса, въ которыхъ вся Рязанская губернія имѣла свой единственный строевой матеріалъ, и бóльшая часть нашего уѣзда—топливо, исчезнуть невозвратно, приводя въ движеніе колеса паровыхъ машинъ и паровозовъ, которые, быть можетъ, доставятъ намъ дешевѣйшія мануфактурныя издѣлія и дешевѣйшую перевозку товаровъ, но не построятъ земледѣльцу избы, не натопятъ печи, не сварятъ щей (*). Страшно и подумать, какія бѣдствія ожидаютъ наше отечество, если истребленіе и нерадѣніе къ возстановленію лѣсовъ еще продолжится. Замѣтно изсякаютъ родники и высыхаютъ ручьи, болота обращаются въ сухіе луга, и край нашъ, не знавшій прежде засухъ, сталъ нынѣ часто ими посѣщаемъ.

Осень становится ощутительна. Ночи со дня на день холоднѣе, трава по утрамъ покрывается бѣлою морозною пеленою. Перелетныя птицы, гуси, журавли, длинными вереницами давно уже летятъ отъ сѣвера къ югу; лѣса обнажены, и желтый крупный листъ толстымъ слоемъ покрываетъ почву. Этотъ слой листа—шуба для корней деревъ, защита отъ морозовъ для молодой подрасти и одѣяльце для падшаго древеснаго сѣмячка, которое подъ нимъ пуститъ весною ростокъ и возродится деревцомъ.

(*) Да не подумаютъ, что я враждую противъ паровыхъ машинъ и желѣзныхъ дорогъ!

Агрономія учила осенью сгребать листъ изъ лѣсовъ и вывозить его для удобренія полей, для чего нужно, чтобы листъ предварительно въ кучахъ или ямахъ перегнилъ или созрѣлъ. Пробовали, но это оказалось у насъ не удобно, потому что огромное количество листьевъ въ перегнившемъ состояніи представляетъ очень мало матеріала, тогда какъ трудовъ для сгребанія надобно употребить много. Но для лѣсовъ это совершенный вредъ, потому что почва, обнаженная отъ листьевъ, стужаетъ и теряетъ удобство къ возвращенію падающихъ древесныхъ семянъ; къ тому жъ и сѣмена, не будучи покрыты листьями, вывѣтриваются, сгниваютъ, или вымерзаютъ. Мелкіе древесные всходы вытаптываются и повреждаются граблями при сгребаніи листьевъ, и въ позднее безснѣжное, но морозное время вымерзаютъ. Корни большихъ деревъ также страдаютъ отъ морозовъ, и весною почва безъ листа скоро высыхаетъ и лишаетъ лѣсъ необходимой влаги.

Въ то время, когда на всѣхъ гумнахъ обмалачивается пшеница, что бываетъ обыкновенно по уборкѣ всѣхъ хлѣбовъ, по деревнямъ начинаютъ появляться съ предложеніемъ услугъ «подсѣвальщики» съ грохотами. Это своего рода промышленность, иногда довольно удачная, потому что собственнаго грохота ни у кого изъ крестьянъ не водится, и кому нужно подсѣять пшеницу, нанимаетъ подсѣвальщика. Грохотъ есть необходимая принадлежность каждаго помѣщичьяго хозяйства и употребляется не только для одной пшеницы, но имъ подсѣваютъ и рожь, и овесъ, и ячмень, и гречу для продажи и для сѣва.

Грохотъ есть большое сито, имѣющее въ діаметрѣ отъ 5 до 6 четвертей, съ металлическимъ полотномъ или сѣткой на столько частей, что ни ржаное, ни пшеничное зернушко сквозь нее проскочить не можетъ, исключая зеренъ самыхъ тощихъ, и сѣмянъ тарицы, куколя и другихъ сорныхъ травъ. Грохотъ сверху снабженъ тремя веревками, идущими отъ краевъ къ центру, гдѣ соединяются трехконечнымъ желѣзнымъ крюкомъ, называемымъ якорь. Якорь этотъ имѣетъ вверху ушко, и гдѣ нужно работать, то за это ушко подвѣшивается посредствомъ другаго крюка на перекинутой, ежели это въ ригѣ, чрезъ балку веревкѣ, а ежели въ анбарѣ, то на веревкѣ же, привязанной за ввернутое въ потолокъ кольцо. Но не одни сѣмена сорныхъ травъ составляютъ нечистоту и недостатокъ зерноваго хлѣба. Въ пшеницѣ случаются зерна

цѣлаго колоса, пораженныя болѣзнію, извѣстною подъ названіемъ «головня», отъ чего зерно внутри чернѣетъ, какъ уголь, и, будучи раздавлено, мараетъ собою всю пшеницу. Кромѣ головни, есть зерна, при молотьбѣ, не освободившіяся отъ шелухи, въ которой они замерли еще будучи въ колосѣ; эти въ шелухѣ зерна называются «бѣлью» и при обиліи своемъ отнимаютъ у пшеницы много цѣнности. Кромѣ головни и бѣли, въ ржаныхъ колосьяхъ, вмѣсто зерна и также въ слѣдствіе болѣзни, появляются небольшіе черные стручечки, извѣстные подъ названіемъ «ржаныхъ рожковъ» или «спорины», попадаются и стручечки мышинаго горошка, остаются не вывѣянные колосья и проч. Всѣ эти вещи просѣваться не могутъ и потому ихъ скруживаютъ, давая грохоту такое движеніе, что зерна подсѣваемаго хлѣба, будучи одной величины и вида, скруживаясь въ грохотѣ, выкидываютъ на поверхность все то, что не принадлежитъ ихъ роду и что легче ихъ. Подсѣвальщику остается только снимать ихъ рукою и сбрасывать въ кучу; но такъ какъ не возможно, чтобы при этомъ не попадались и чистыя зерна, то съёмки, по окончаніи работы, убираютъ и сохраняютъ для корма домашней птицы Чтобъ умѣть хорошо, то есть, чисто подсѣвать и скруживать безъ большаго ущерба зеренъ, потребенъ нѣкоторый навыкъ и искусство, которое дается не всякому.

Для подсѣвокъ незначительныхъ, въ крестьянскомъ хозяйствѣ употребляются обыкновенныя ручныя рѣшета съ полотномъ изъ узенькихъ лычковъ, а подсѣваютъ обыкновенно бабы.

Когда осенніе морозы дѣлаются уже очень ощутительными, тогда капустныя вилки свертываются круче, увеличиваются, твердѣютъ, и тутъ является во всѣхъ жилищахъ, отъ бѣлокаменныхъ палатъ до убогихъ хижинъ, забота заговлять впрокъ капусту. Горожане, и неимѣющіе своихъ огородовъ, покупаютъ эту вещь на базарахъ, которые въ городахъ и торговыхъ селеніяхъ въ это время наполнены возами кочней. Но бо̀льшая часть обитателей нашего края имѣютъ свои капустники; тѣ же, кто не имѣетъ, или у кого капуста родилась дурно, стараются купить въ сосѣднихъ капустникахъ. Продажа эта производится грядами; за гряду, на которой до сотни кочней, берутъ отъ 1 руб. до 2 руб. серебромъ, судя по качеству капусты и по степени урожая. Продажа капусты на грядахъ бываетъ очень выгодна, такъ что пространство земли

въ 150 саженъ квадратныхъ въ огородѣ, не рѣдко можетъ принести довольно значительный доходъ, особливо при урожаѣ. Капуста для Русскаго народа есть предметъ необходимый, столько же почти, какъ и хлѣбъ, и потому развѣ при самомъ обильнѣйшемъ, общемъ урожаѣ требованіе на нее бываетъ мало.

Во время заготовленія впрокъ капусты, что́ бываетъ съ послѣднихъ чиселъ Сентября и въ продолженіи Октября, проѣзжая по улицѣ какой нибудь деревни, въ каждомъ дворѣ услышишь однообразный, но частый стукъ сѣчекъ о корыта, производимый бабами, рубящими капусту. Для рубки капусты есть въ каждомъ домѣ особое корыто, которое ни для чего инаго и не употребляется. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ эти корыта бываютъ довольно длинны, такъ что на каждое корыто становятся отъ 10 до 14 бабъ. Корыта эти дѣлаютъ изъ толстыхъ досокъ, а лучшія корыта выдалбливаются изъ липоваго или дубоваго бревна Количество рубленой, то есть, кислой капусты высчитываютъ числомъ ушатовъ. Если спросите хозяина или хозяйку, сколько они нарубили капусты; то получите въ отвѣтъ: десять, двадцать или сто ушатовъ. Ушатъ и ведро есть принятая мѣра для кислой капусты, какъ четверти и четверики для хлѣба. Кислая капуста дѣлится по качеству: на сѣрую, полубѣлую и бѣлую. Сѣрая рубится изъ однихъ верхнихъ зеленыхъ листьевъ; полубѣлая изъ всего кочна, а бѣлая изъ однихъ только сердечекъ, то есть, изъ однихъ бѣлыхъ, круто-свернутыхъ, внутреннихъ листьевъ. Ту или другую всякій заготовляетъ по состоянію. По большей части сѣрая капуста у простаго народа идетъ на щи, а полубѣлая и бѣлая съѣдается въ постные дни съ квасомъ. Въ простомъ народѣ есть хозяйственное обыкновеніе въ кадушки съ кислой капустой накладывать огурцы послѣднихъ сборовъ, самые крупные и по большей части самые желтые; они тамъ квасятся и употребляются въ постные дни съ капустой, а въ скоромные съ солониной и квасомъ. Въ помѣщичьихъ домахъ запасъ капусты бываетъ довольно великъ. Цѣлые выходы (*) застанавливаются чанами съ капустой разныхъ сортовъ. При уборкѣ въ капусту кладется соль, лукъ, а въ бѣлую капусту кладутъ тминъ, китнецъ, чернушку и проч. для запаха.

(*) Или подвалы.

Деревенскіе ребята очень любятъ грызть кочерыжки; и бабы во время рубки капусты всегда надѣляютъ ими своихъ дѣтей, очистивъ предварительно кочерыжку сѣчькой въ видѣ деревяннаго гвоздя, употребляемаго на затычку бочекъ. Ребята во все продолженіе работы отъ матерей не отходятъ, и въ тѣ дни, когда рубится капуста, едвали даже что нибудь ѣдятъ, кромѣ кочерыжекъ. Въ вечеру, по окончаніи рубки, негодные въ дѣло капустные листы относятся коровамъ,—великимъ также охотницамъ до кочерыжекъ, но давать коровамъ кочерыжки очень опасно. Бывали случаи, что коровы, съ жадностію бросаясь на кочерыжки, подавливались ими и умирали.

Рубка капусты въ господскихъ хозяйствахъ производится всегда почти на дворѣ, противъ дверей подвала, и, какъ всѣ бабьи работы, сопровождается шумомъ, говоромъ, споромъ, пѣснями. Бабы, собравшіяся вмѣстѣ на какую бы то ни было работу, не могутъ исполнять ее тихо, но всегда поднимаютъ самые шумные разговоры. Частые споры доходятъ иногда до попрековъ, но ссоръ продолжительныхъ никогда не бываетъ. Гдѣ работаютъ двадцать мужиковъ, то, подойдя близко къ нимъ, часто не услышишь ни одного слова; но гдѣ сошлись хотя три бабы, то можно подумать, что тутъ цѣлый базаръ. Говорятъ, что ручная работа идетъ у бабъ скорѣе, когда онѣ разгорячены споромъ. Я знавалъ одного добрѣйшаго старичка который, выходя во время жатвы въ поле, когда видѣлъ, что жнитво идетъ вяло, подзывалъ къ себѣ ту или другую изъ бабъ и что нибудь очень наивно сплетничалъ, говоря: «что вотъ, молъ, та̀-то говоритъ о тебѣ то̀-то, а та то̀-то», и проч. Мало по малу всѣ быбы начинали горячиться, спорить, браниться;—и десятина сжипалась неимовѣрно скоро. Самыя горячія и самыя бранчивыя, вымѣщая серпомъ на стебляхъ ржи свое сердце, далеко уходили впередъ и за то ранѣе другихъ оставляли ниву и уходили домой.

Въ чанахъ съ рубленой кислой капустой заквашиваютъ капусту и цѣлыми кочнами. Но самые лучшіе, твердые кочны оставляютъ въ прокъ и свѣжими. Для этаго ихъ подвѣшиваютъ въ подвалахъ къ потолку, и въ такомъ видѣ капуста очень долго можетъ быть сберегаема.

Въ нашихъ мѣстахъ самою лучшею капустою считается Коломенская по величинѣ и спорости кочней. Но въ помѣщичьихъ

огородахъ разводятъ много и другихъ сортовъ: цвѣтную, сифой, бронколь, ревельскую и много другихъ, съ разными нѣмецкими названіями. Капуста, пока она на грядахъ, подвергается разнымъ бѣдствіямъ отъ засухъ и червей. Первому горю еще можно пособить, поливкой, но съ червями, когда они усилятся, справиться очень трудно. Червь этотъ, какъ говорятъ, не любитъ запаха конопли, и потому капустныя гряды кое-гдѣ изрѣдка засѣваютъ конопляннымъ сѣменемъ. Это средство употребляется, впрочемъ, очень рѣдко. Но, по большей части, когда черви сильно одолѣваютъ, то въ капустникъ пускаютъ индѣекъ, которыя преслѣдуютъ и клюютъ червей безъ всякаго милосердія. Иногда за неимѣніемъ индѣекъ, или когда уже черви очень усилились, посылаютъ маленькихъ ребятъ и дѣвочекъ обирать ихъ руками. Обирая, маленькіе работники сначала складываютъ червей въ кучки или въ какую нибудь посудинку, а потомъ зарываютъ ихъ въ землю.

Послѣдняя овощь, убираемая съ огородовъ, есть, кажется, рѣдька, которую простой народъ очень любитъ и особенно тертую съ квасомъ. Самые поздніе фрукты, снимаемые съ деревъ, тернъ и озимая слива, а изъ ягодъ—барбарисъ и рябина; и все это тогда только получаетъ настоящій вкусъ, когда убито морозомъ.

Въ садахъ въ это время начинается осеннее подсаживаніе и пересаживаніе деревъ и кустарниковъ и засаживаніе новыхъ мѣстъ подъ сады. У кого въ саду заведена своя школа грушевыхъ и яблонныхъ деревъ, тотъ въ этомъ случаѣ обезпеченъ; но у кого своей школы нѣтъ, или она мала, то деревья для посадки покупаютъ. Разведеніемъ и сажаніемъ школъ занимаются не только помѣщики и купцы, но и крестьяне. Есть школы или питомники, въ которыхъ насчитываютъ десятки тысячъ молодыхъ прививковъ. Крестьяне, занимающіеся питомниками, вывозятъ въ это время года деревцы на базаръ. Деревцы обыкновенно связаны пучками изъ одного рода или сорта, по десяти штукъ въ пучкѣ, и продаются довольно выгодно, хотя и не дорого. За двухлѣтки берутъ коп. по 6 или по 7 сереб. за штуку, а самыя лучшія трехлѣтки копѣекъ по 15 и 20 серебромъ. Продаютъ и на мѣстѣ прямо изъ питомника, и покупать такимъ образомъ гораздо лучше, потому что можно выбирать любыя деревца, хотя, быть можетъ, придется заплатить и дороже. Въ это же время въ садахъ занимаются обвязкою молодыхъ древесныхъ штамповъ лыками или

дранками вершковъ на десять отъ земли, для предохраненія отъ мышей, а повыше этой обвязки все деревцо, или, ежели оно уже довольно высоко, то до половины сучьевъ, обертываютъ соломой отъ зайцевъ.

Послѣ уборки съ полей, изъ садовъ и огородовъ, начинаютъ заботиться о заготовленіи дровъ. У кого есть свои лѣса, тамъ назначаются участки для сруба дровъ на зиму. У кого своихъ лѣсовъ нѣтъ, тотъ ищетъ нанять на срубъ десятинами, или берется произвесть разчистку изъ-подъ мелколѣсья подъ лугъ или подъ пашню, гдѣ нужно,—и получаетъ не только дрова, которыя онъ вырубилъ, но и денежное вознагражденіе за труды. Другіе идутъ въ лѣсныя дачи и платятъ деньги за право собирать въ нихъ сухлецъ и валежникъ. Съ года на годъ дрова дорожаютъ и доставать ихъ становится труднѣе. Паровыя машины на фабрикахъ и заводахъ сильно истребляютъ лѣса и, Богъ вѣсть, что будетъ въ послѣдствіи съ нашимъ холоднымъ, безлѣснымъ краемъ!!! Дрова обыкновенно приготовляются съ осени и складываются «сажнями» и кучами тамъ, гдѣ ихъ рубили, а по первозимью ихъ уже перевозятъ на саняхъ, куда слѣдуетъ.

Съ морозами начинается бой скота на бойняхъ, а въ домашнихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ—заготовленіе солонины для своего стола и для прокормленія дворовыхъ людей. Прежде всего дѣлается разсчетъ, сколько, по количеству уродившихся кормовъ, то есть, соломы ржаной, овсяной и гречневой, можно оставить скота въ зиму. Ежели запасы эти по соображенію и разсчетамъ оказываются недостаточными, то старыхъ коровъ, старыхъ быковъ, валуновъ (послѣднихъ можно всегда и живьемъ продавать съ выгодою), старыхъ овецъ и барановъ, исключая оставляемыхъ на племя, бьютъ и обращаютъ въ солонину. Вырѣзываемое, лишнее и не идущее въ солонину сало продается, или мѣняется въ городѣ на свѣчи. Овчины отдаются въ выдѣлку бѣлыми и дублеными, и идутъ на полушубки, тулупы и шубы дворовымъ мужчинамъ и женщинамъ, состоящимъ на господской одеждѣ. Шкуры рогатаго скота, гдѣ избытокъ, продаются, а то—такъ отдаются на выдѣлку чернаго товара, выростковъ, бѣлыхъ и черныхъ опойковъ и сыромятныхъ кожъ, необходимыхъ безпрестанно въ домашнемъ хозяйствѣ для обуви, для починокъ хомутовъ и проч. Въ это время, то есть, въ послѣднихъ числахъ Сентября и до зимы, по де-

ревнямъ ходятъ шерстобиты съ своимъ одноструннымъ шерстобитнымъ инструментомъ. Ихъ нанимаютъ для «избитія», то есть, для приведенія шерсти въ такое состояніе, чтобъ можно было прясть. Платятъ съ фунта отъ 1 до $1^1/_2$ коп. серебромъ. Шерстобиты, по большей части, бываютъ и валяльщики полостей, потниковъ, валенокъ и валеныхъ сапогъ. Ихъ тутъ же кстати нанимаютъ и для этаго дѣла. Валенки и сапоги, сваленные дома, бываютъ прочнѣе торговыхъ, потому что валяются изъ однихъ поярковъ, а для красы не проклеиваются клеемъ, какъ покупные.

Съ наступленіемъ морозовъ женскій полъ въ деревняхъ исключительно занятъ пряденіемъ шерсти и вязаніемъ шерстяныхъ чулокъ и варешекъ для семейства. Крестьянскія бабы очень искусно вяжутъ чулки и варешки одной спицей или иглой. Послѣ этаго начинаютъ ткать сукна бѣлыя, сѣрыя и черныя. Тѣ и другія отдаютъ валять въ сукновальни, при водяныхъ мельницахъ. Сукна вообще очень грубы и толсты, а шириною бываютъ отъ 8 до 10 вершковъ. Купить такое сукно можно, платя за аршинъ отъ 12 до 15 и 20 коп. серебромъ. Бѣлое сукно исключительно употребляется для онучь, то есть, обертки ногъ, вмѣсто чулка для тѣхъ, кто носитъ лапти, то есть, башмаки, сплетенныя изъ липовыхъ лыкъ. Съ уменьшеніемъ лѣсовъ, увеличеніемъ цѣнности лыкъ на базарахъ и развитіемъ кожевенной промышленности — лапти съ года на годъ исчезаютъ примѣтно.

При имени лаптей у всякаго, смотрящаго на русскую жизнь въ велемудрые европейскіе очки, кривится лице улыбкой. Но ежели бъ на лапти можно было имѣть всегда неисчерпаемый источникъ — запасъ лыкъ, и лѣса липовые не переводились, то нельзя было бы отвергнуть и пользы лаптей. Нѣтъ обуви для ходьбы покойнѣе, а въ былое время и дешевле лаптей, и удобнѣе, особенно въ пахоту, а также и при провожаніи дальнихъ обозовъ зимою по снѣгамъ, или по дорогамъ въ осеннія колоти. Я думаю, что не всѣ знаютъ, а потому не мѣшаетъ разсказать, какъ носятся лапти. Сперва ноги отъ пальцевъ до колѣнъ завертываются онучами, длиною отъ $1^1/_2$ аршина до 3, а шириною вершковъ 12 и шире. Лѣтнія онучи рѣжутся изъ той же ткани, которая употребляется для веретьевъ, а зимою изъ бѣлаго сукна. Въ лапти внутрь настилается мягко солома и когда лапти надѣнутся, тогда двумя длинными бичевами, прикрѣпленными къ краямъ лаптей,

обвязывается нога по онучамъ крестообразно нѣсколько разъ до самаго колѣна.

При трудныхъ работахъ земледѣльца на долго ли станетъ сапогъ? А для крестьянина, чтобы пріобрѣсть сапоги, много надобно потратить труда и пота. За сапоги надобно заплатить по меньшей цѣнѣ отъ 2 до 3 руб. серебромъ, а лапти—дѣло домашнее. Для прочности въ подошву лаптей вплетается пеньковая веревка. Впрочемъ на лапти надобно смотрѣть не иначе, какъ на обувь рабочую. Во дни праздничные, или при выѣздахъ на базаръ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, лапти носитъ развѣ только нищета.

Рисунокъ обутой ноги.

Перваго Ноября—день Козьмы и Даміана, хотя и не праздничный, но очень чтимъ народомъ, особенно женщинами. Крестьянскія дѣвушки день этотъ считаютъ исключительно своимъ праздпествомъ, какъ бабы—воскресенье въ недѣлю женъ Мѵроносицъ. По случаю этаго праздника дѣвушки такъ же, какъ и бабы, ходятъ другъ къ другу въ гости, дѣлаютъ складчину, и, собравшись гдѣ нидудь въ одной избѣ, на собранныя деньги угощаются сами и угощаютъ приходящихъ къ нимъ въ гости молодыхъ бабъ и другихъ гостей. Въ каждомъ дворѣ въ этотъ день непремѣнно убиваютъ на обѣдъ пѣтуха и курицу. Поводъ къ этому обычаю заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

Еще весною, когда куры давно уже несутся, и приходитъ пора сажать насѣдокъ для вывода цыплятъ, хозяйка-баба идетъ по всѣмъ дворамъ своей деревни; войдя въ избу и помолясь, обра-

щается къ хозяйкѣ съ просьбою: «Надежда Васильевна, пожалуйте мнѣ курочку да кочетка!» и Надежда Васильевна даетъ ей парочку свѣженькихъ яичекъ, которыя та, принявъ и поблагодаря, кладетъ за пазуху и идетъ далѣе въ другую избу. Набравъ такимъ образомъ яицъ, штукъ двадцать пять, съ полной пазухой возвращается домой. Яйца непремѣнно должно собирать въ пазуху. Вечеромъ, послѣ захожденія солнца, когда уже время сажать насѣдку, баба начинаетъ приниматься за дѣло такимъ порядкомъ: прежде всего возметъ собранныя яйца, положитъ ихъ въ шапку, помолится Богу, потомъ, сѣвъ на лавку и держа шапку предъ собою, скажетъ: «Матушка Кузма-Демьянъ зароди цыплятокъ къ осени; курочку да пѣтушка тебѣ зарѣжемъ!» Послѣ этого обѣта она кладетъ яйца въ гнѣздо, устроенное въ кошолкѣ, и сажаетъ курицу. Надобно замѣтить, что не по одному этому случаю призываются въ молитвахъ святые Козма и Даміанъ. Чуть ли не всякая баба, въ какое бы то ни было время, чтобы ни зачинала, за какую бы работу не садилась, всегда перекрестится и промолвитъ: «Кузма-Демьянъ матушка, помоги мнѣ работать!»

Въ это же время крестьянскимъ бабамъ раздаютъ оброки, то есть, также ленъ для пряжи, но съ тѣмъ, что она должна его отпрясть, и выткать простой рубашечной холстъ и принести его со всѣмъ выбѣленнымъ къ Петрову дню. Холсты эти бываютъ не шире 12 вершковъ, а длиною отъ 20 до 25 аршинъ, гдѣ какъ заведено. Для тонкихъ талекъ и для оброковъ, ежели домашняго льна нѣтъ или мало, то покупаютъ на базарахъ. Средняя цѣна льну за пудъ отъ $1^1/_2$ до 3 руб. сер., судя по качеству и урожаю льна. Изъ назначеннаго для раздачи льна сначала даютъ пробу благонадежнымъ хорошимъ пряхамъ по полуфунту или по фунту льна для узнанія: сколько изъ фунта самаго лучшаго льна выдетъ тонкихъ талекъ, и сколько изъ льна низшаго сорта выдетъ талекъ толстой пряжи для холстовъ. Первыхъ среднимъ числомъ выпрядаютъ отъ 4 до 8 и болѣе талекъ, послѣднихъ отъ 1-й до $1^1/_2$ тальки, иногда болѣе, иногда менѣе, что также зависитъ отъ достоинства льна, и по этой пробѣ приступаютъ къ раздачѣ льна. На два аршина холста полагается одна талька. Весною, когда земля покроется зеленью, нитки, ткацкіе полотна и холсты бѣлятъ. Бѣленье это производится слѣдующимъ способомъ.

Назначенные къ бѣленью холсты сначала смачиваютъ въ до-

вольно густомъ щелокѣ (*), потомъ кладутъ ихъ въ чугунъ или корчагу и ставятъ въ истопленную печь до слѣдующаго дня, то есть, до тѣхъ поръ, пока въ чугунѣ излишняя влага, вытекши изъ холста, испарится, или, говоря по бабьему, когда холстъ упрѣетъ; тогда холсты вынимаютъ, выполаскиваютъ чисто въ рѣкѣ или прудѣ и разстилаютъ на травѣ, гдѣ они бѣлятся отъ вліянія воздуха и росъ. Чрезъ недѣлю опять повторяютъ съ ними ту же продѣлку, какъ и въ началѣ, и опять стелятъ на недѣлю, и такимъ образомъ продолжаютъ бѣленье дней до тридцати. По истеченіи этого срока ихъ каждый день полощатъ въ рѣкѣ или прудѣ, каждый день колотятъ вальками, разстилаютъ по прежнему на травѣ, и это продолжаютъ повторять до тѣхъ поръ, пока холстъ совсѣмъ отбѣлится. Послѣ этого холсты уже окончательно бучатъ. Для этого бѣлившіеся холсты кладутъ въ кадушку, застилаютъ ихъ тряпицами, насыпаютъ на нихъ вершка на четыре сухой золы, на золу накладываютъ раскаленныхъ въ огнѣ кирпичей, и на все это льютъ кипятокъ, пока кадушка не наполнится на равнѣ съ краями. Въ буту холсты остаются до слѣдующаго дня, а на другой день ихъ вынутъ, выполощатъ на чисто въ рѣкѣ, высушатъ, складываютъ по поламъ во всю длину и скатываютъ въ трубки, какъ обыкновенно вездѣ скатываются холсты. Нитки бѣлятся точно также, но ихъ не стелятъ, а разшивъ въ мѣшечки и продѣвъ въ нихъ палки, распяливаютъ между кольями на жердяхъ.

Но есть и другой способъ бѣленья холстовъ. Вмѣсто того, чтобы, по вынутіи изъ щелока, холсты класть въ чугунъ или горшокъ, ихъ кладутъ на разостланный въ печи навозъ; на другой день по обыкновенію вынимаютъ, полощатъ и стелятъ. Этотъ способъ бѣленья бабы предпочитаютъ первому, утверждая, что холстъ бываетъ тверже, чище и скорѣе бѣлится.

Съ хорошими ткацкими полотнами поступаютъ нѣсколько иначе. Прежде всего полотна выколачиваютъ въ рѣкѣ, и разстелятъ дня на два на травѣ; на третій день полотна положатъ въ щелокъ, въ котелъ и кипятятъ въ немъ часовъ пять и болѣе. Вынувъ изъ котла, вымываютъ чисто въ рѣкѣ, колотятъ вальками и полощатъ до тѣхъ поръ, пока совершенно очистятся отъ золы;

(*) Щелокъ приготовляется изъ золы съ кипяткомъ.

послѣ этого недѣли на двѣ разстилаютъ на травѣ, но каждый день по утрамъ полощатъ и колотятъ вальками. Чрезъ двѣ недѣли бучатъ въ кадкѣ, какъ я уже выше говорилъ, и опять бучатъ, и каждый день полощатъ, и колотятъ, что продолжается недѣль отъ шести до осми. Послѣ этого колоченья кладутъ въ кадки, заливаютъ квассами, приготовленными изъ сыворотки съ мукою, а сверху закладываютъ плотнымъ слоемъ хрѣноваго листа. Залитыя въ квассахъ полотна остаются дни три, потомъ ихъ чисто вымываютъ въ рѣкѣ, сушатъ, снова бучатъ, но предварительно хорошо намыливъ, опять моютъ на чисто въ рѣкѣ, катаютъ на каткѣ и такъ-же, какъ холсты, складываютъ и скатываютъ въ трубки.

Съ Ноябремъ наступаетъ время самое грустное. Дни короткіе; ночи темныя; вѣтеръ свищетъ по опустѣлымъ полямъ и въ обнаженномъ лѣсу; небо подернуто сѣрыми тучами; безпрестанные дожди, часто по полямъ съ снѣгомъ, и вездѣ непросыхаемая грязь. И люди, и природа ждутъ не дождутся зимы... Давно уже топятся печи въ господскихъ домахъ; давно уже мужичекъ отогрѣвается и обсушивается на печкѣ; давно уже ощутителенъ недостатокъ въ дровахъ, а ѣхать за дровами не на чѣмъ. На телѣгѣ подъ часъ не проѣдешь по грязнымъ дорогамъ, да и много ли привезешь? а на саняхъ.... еще нѣтъ снѣга, да и рѣка еще не стала, а лѣса наши всѣ за Окой. Много съ осени намолочено и ржицы, нужно бы продать,—денегъ на малѣ.... да все таже причина держитъ! Всѣ ждутъ, какъ благодати, саннаго пути.

IV.

ЗИМА.

Проснувшись на утреннемъ разсвѣтѣ, и протерши глаза, земледѣлецъ смотритъ въ окно.... и радостію сіяетъ лице его. Снѣгъ валитъ хлопьями; и крыши сараевъ и избъ, и дворъ, и улица— все покрыто снѣгомъ, ослѣпительной бѣлизны. Куда дѣвалась осенняя грязь, чернота, мрачность? Все надѣло чистую, бѣлоснѣжную сорочку, словно новоокрещенный младенецъ.

И легко вдыхаетъ въ себя свѣжій воздухъ мужичекъ, вышедъ изъ душной теплой избы, и мысль его прежде всего обращается къ санямъ. Зима!... Телѣга уже не нужна, удѣлъ ея,—до весны стоять подъ навѣсомъ; а сани—вотъ, вотъ понадобятся, надо оглобли ввернуть, да и вязочки не совсѣмъ исправны. Почешетъ въ затылкѣ мужичокъ, надѣнетъ на себя старенькій дырявый полушубокъ, да и за топоръ,—и ну чинить, да прилаживать... гдѣ гвоздемъ, гдѣ веревочкой, аль лычко.... а глядишь, къ завтраку сани-то и готовы.

Но санной путь не устанавливается скоро. Первый снѣгъ, который всегда почти выпадаетъ на мерзлую землю, не бываетъ проченъ; скоро настаютъ оттепели, всегда почти бывающія въ нашемъ краю около праздника Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, и первый снѣгъ пропадаетъ, оставивъ по себѣ страшную слякоть и огромныя лужи воды. Оттепели эти оканчиваются вторичнымъ снѣгомъ, а послѣдующія затѣмъ морозы устанавливаютъ уже прочный санной путь. Бываютъ случаи, что оттепель смѣняется не снѣгомъ, а морозами, и это для озимей бываетъ очень вредно: вода скопившаяся лужами во всѣхъ малѣйшихъ углубленіяхъ поля, застываетъ въ тонкой ледъ, и подъ этой ледяною корою всходы выпрѣваютъ. Когда же весна покроетъ все поле пушистой зеленью, выпрѣвшія мѣста представляются глазамъ въ видѣ черныхъ безобразныхъ пятенъ; а все поле подобно велико-

лѣпному изумруднаго цвѣта ковру, съ прорваннымъ въ немъ во множествѣ дырами.

Народъ замѣчаетъ, что когда рано съ осени начнутъ линять куры, то и зима бываетъ ранняя. Ежели грязь и мокрота до того велики, что *«лошадиное копыто заливаетъ водою»*, тогда выпавшій снѣгъ упрочиваетъ санной путь. Пока листъ съ вишневыхъ деревъ не спалъ, какъ бы много снѣгу не выпало, оттепели его сгонятъ. Ока подо льдомъ находится 20 недѣль; по дню ея замерзанія приблизительно опредѣляютъ, ранняя ли или поздняя будетъ весна.

Зима въ быту крестьянъ-земледѣльцевъ проходитъ, по крайней мѣрѣ, для многихъ по большей части внѣ дома. На барщинахъ едва ли не у всѣхъ помѣщиковъ, развѣ за немногимъ исключеніемъ, съ Рождественскаго заговѣнья или, по простонародному, съ Филипповокъ, и вплоть до весны, работаютъ по одному; или, какъ иначе называется, братъ на брата. Это значитъ то, что ежели семья состоитъ изъ двухъ тяголъ, то на барщину ежедневно ходитъ одинъ работникъ; ежели изъ трехъ тяголъ, то одинъ работникъ ходитъ ежедневно, а другой черезъ день. По крестьянски называется это выслать на барщину отъ трехъ тяголъ полтора работника. Ежели жъ на семьѣ лежитъ только одно тягло, то этотъ одинъ ходитъ на барщину черезъ день: подобная льгота даетъ возможность половинѣ работниковъ отлучаться изъ домовъ вплоть до праздника Благовѣщенія. Имъ даютъ пачпорты, билеты, пропуски, на гербовой и простой бумагѣ за подписомъ помѣщика и съ приложеніемъ гербовой печати, а если помѣщикъ въ имѣніи не живетъ, то отъ конторъ; и идутъ мужички на заработки, иной въ Питеръ, другой на Агжельскіе фарфоровые заводы, или на другія фабрики Москвы и Московской губерніи. Есть и такіе, которые далеко не ходятъ, а ищутъ себѣ работъ гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ - въ своемъ уѣздѣ, или идутъ на фабрики плисовыя, миткалевыя, нанковыя, или гдѣ ткутся полосушки, тики и другія нехитрыя издѣлія ткачевнаго искусства, берутъ тамъ неразмотанную бумажную пряжу, размотываютъ и ткутъ у себя дома, по заказу фабриканта. Когда заказы сотканы, онъ везетъ ихъ на фабрику, сдаетъ и получаетъ заработанную плату. Но занимающіеся этимъ послѣднимъ промысломъ, какъ слышно, не заработываютъ себѣ лишней копѣйки, а напротивъ отъ постояннаго

и продолжительнаго сидѣнья за станомъ, въ тѣсной и душной избѣ, теряютъ здоровье. Такихъ промышленниковъ всегда можно узнать по блѣдножелтоватому лицу и впалымъ щекамъ.

Зажиточные крестьяне, у кого наличныхъ есть рублей 50 или 100 серебромъ, отправляются на 2-хъ или 3-хъ подводахъ въ извозъ. Ѣдутъ въ Астрахань, или на Донъ за рыбой, въ Тамбовскую губернію за пшеномъ и солониной. Не имѣющіе своихъ денегъ нанимаются къ другимъ, для перевозки подобныхъ товаровъ. Отъ всего этого получается барышъ, хотя небольшой, но мужичекъ доволенъ и тѣмъ, что дома лошади не ѣли корма, овесъ его цѣлъ, да и самъ прокормился.

Для заработки на сторону, изъ домовъ идутъ самые лучшіе, самые здоровые члены семейства, но рѣдко холостые. Неженатаго какъ-то не отпускаютъ далеко отъ двора, или, по крайней мѣрѣ, очень рѣдко: все какъ будто еще «*молоденекъ*».

Когда же парень достигнетъ узаконенныхъ лѣтъ, то его, какъ можно скорѣе, стараются женить. Но такъ какъ дома человѣку рабочему безъ дѣла болтаться нечего, то случалось нерѣдко, что молодаго на другой, или на третій день послѣ вѣнца, отправляли по пачпорту въ Питеръ, гдѣ онъ, работая два или три года, и ни разу не приходя домой для побывокъ, все это время своей жены и въ глаза не видалъ. Грустное положеніе молодой бабы! За то для свекрови это сущее благополучіе! Полелѣявъ и попокоивъ свою невѣстку первый годочикъ, на второй годъ старуха взваливаетъ на нее большую часть трудовъ и заботъ домашняго хозяйства; свекровь радуется отъ души, что Господь ей помогъ сынка женить, и что она имѣетъ возможность чаще прежняго ничего не дѣлать, и сколько душе угодно, лежать на горячей печи.

Дома остаются старики, да подростки, да одиночки, т. е. такіе, что ни самому отъ дома отлучиться нельзя, и отпустить некого. Многія семейства, распуская членовъ своей семьи, въ надеждѣ на ихъ трудолюбіе и на способность пріобрѣтать деньги въ чужедальней сторонѣ, вмѣсто ихъ нанимаютъ работниковъ подешевле, такихъ которые на сторону не отлучаются, и съ которыхъ ничего болѣе и спросить нельзя, какъ только ходили бы молотить на барщину, провожали бы обозы, ѣздили бы за дровами, и тому подобное.

Домашняя работа, какъ въ крестьянскомъ, такъ и въ господ-

скомъ хозяйствѣ, осенью и зимою, заключается—въ молотьбѣ и въ доставленіи хлѣба на рынки для продажи; въ вывозѣ изъ отдаленныхъ рощей дровъ и строеваго лѣса, и въ перевозкѣ сѣна изъ дальнихъ поемныхъ луговъ, гдѣ оно послѣ сѣнокоса оставалось въ стогахъ, огороженное жердями отъ гулявшаго осенью скота. Если луга, съ которыхъ собрано сѣно, не свои, а были только наняты для снятія съ нихъ покоса, то сметанные на тѣхъ лугахъ стога должны быть сберегаемы отъ потравы и огорожены жердями на счетъ того общества или деревни, въ чьемъ владѣніи луга тѣ состоятъ, или у кого они наняты. Между тѣмъ послѣ сѣва и окончательной уборки съ полей, въ гумнахъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ тщательно занимаются молотьбою. Первая обмолачивается пшеница и другіе красные хлѣба, чтобъ они не занимали мѣста въ ригахъ; потомъ постоянно молотится рожь и нѣсколько овса, и окончательно молотьбу овса стараются начать съ половины зимы, чтобы свѣжая овсяная солома была по возвозможности сбережена къ концу зимы, къ тому времени, когда скотъ особенно требуетъ хорошаго корма. Конечно, можно бы было яровую солому сохранить и въ обметахъ, но долго лежавшая въ обметѣ солома, какъ говорятъ, не можетъ уже быть такъ свѣжа, какъ солома изъ только-что выбитаго скирда.. Другая же причина—чисто практическая, утвержденная поговоркою: *«что не молочено то и цѣло»*. Молотьба у помѣщиковъ производится разнообразно. У иныхъ молотятъ только мужики, у другихъ мужики и бабы. Въ самый долгій рабочій день ржи сухой и самой крупной вязи можно обмолотить по полной копнѣ на человѣка; обыкновенно же на каждаго человѣка въ сложности обмолачивается крестца по три; въ короткій зимній день болѣе полукопны на человѣка обмолотить почти не возможно. Умолотъ ржи зависитъ отъ чистоты и сухости ржи и налива зерна. Травпистая, кошеная и отволглая рожь даетъ менѣе умолота изъ копны, нежели рожь чистая и сухая. Умолотъ ржи считается у насъ обильнымъ, ежели получается изъ копны мѣръ одиннадцать или двѣнадцать; средній—мѣръ восемь, или девять, малый—все, что́ менѣе шести мѣръ изъ копны. Пшеница, при лучшемъ наливѣ, даетъ рѣдко болѣе четверти, но урожай пшеницы и тогда уже считается удовлетворительнымъ, когда даетъ изъ копны умолоту мѣръ шесть или семь.

Обильный умолотъ овса даетъ иногда отъ двухъ до двухъ съ половиною четвертей; такой умолотъ бываетъ впрочемъ рѣдокъ. Обыкновенный же умолотъ овса изъ копны—отъ полуторы до двухъ четвертей. У хорошихъ хозяевъ-помѣщиковъ рожь обмолачивается ручною молотьбою до Рождественскаго заговѣнья почти вся; молотьбой же овса, какъ я выше сказалъ, и не торопятся очень.

Въ нашихъ мѣстахъ весь хлѣбъ обмолачивается сыромолотомъ, т. е. прямо изъ скирдовъ, да и овиновъ для сноповой сушки ни у кого почи нѣтъ. Причина этому та, что въ нашихъ мѣстахъ ржаной соломой дорожатъ, какъ необходимымъ для скота кормомъ. Пересушенную же и прокуренную дымомъ солому скотина ѣсть не станетъ, и потому овины у насъ, если и существуютъ, то только какъ сушильни для зерноваго хлѣба. Въ продажу же по большей части у насъ идетъ рожь сыромолотная: въ Коломнѣ ее покупаютъ въ огромномъ количествѣ для солодовенъ (*). Для сбора мякины строятся иногда въ гумнахъ особенныя помѣщенія подъ названіемъ «*мякинницъ*». Ихъ строятъ и рубленныя изъ бревенъ, заплетаютъ и изъ хвороста, какъ случится, или какія у кого есть на то средства: лишь бы мякина была подъ крышей да замкомъ. Крестьяне сохраняютъ мякину просто въ ригахъ. Мякина идетъ въ употребленіе коровамъ, и можно смѣло сказать, что въ содержаніи рогатаго и всякаго домашняго скота, она составляетъ, ежели не необходимость, то величайшее подспорье. Для сообщенія мякинѣ бо́льшей питательности и вкуса, ее немного посыпаютъ мукою, обдаютъ кипяткомъ и мѣсятъ.

Въ хозяйствахъ, агрономически усовершенствованныхъ по заграничнымъ образцамъ, содержаніе скота и самое устройство скотныхъ дворовъ чрезвычайно разнообразно. Вознаграждаются ли издержки, употребляемыя при подобныхъ усовершенствованіяхъ,—это не наше дѣло. Наше дѣло разсказать, какъ устроиваются скотные дворы, какое скотина получаетъ содержаніе, и какой употребляютъ за ней уходъ въ нашемъ простомъ Русскомъ хозяйствѣ. Первоначальнымъ образцомъ господскаго скотнаго двора есть крестьянскій дворъ. На углу изба для пастуха и скотницъ;

(*) Городъ Коломна, Московской губерніи, есть главнѣйшій рынокъ нашего края для сбыта всякаго рода хлѣбовъ.

кругомъ двора сараи, навѣсы, катухи, а внѣ двора погребъ, набитый льдомъ. Съ умноженіемъ рогатаго скота, какъ неизбѣжнаго условія удобрѣнія, скотные дворы расширилися во всѣ стороны, хотя первоначальный образецъ сохранился во всей полнотѣ. Необходимою потребностію скотнаго двора есть длинный и просторный сарай, въ которомъ вся скотина могла бы укрыться отъ зимнихъ непогодъ и стужи. За тѣмъ слѣдуютъ катухи, или отдѣлы, куда бы можно было отсадить телятъ, или больную скотину, или требующую по другимъ причинамъ особеннаго попеченія;—и чѣмъ на скотномъ дворѣ болѣе такихъ отдѣловъ, тѣмъ скотный дворъ считается удобнѣе. Для овецъ на скотномъ же дворѣ отгораживается особый небольшой дворикъ и амшеникъ или сарай, выстроенный на мху съ потолкомъ. Въ этихъ амшеникахъ въ самые трескучіе морозы бываетъ иногда такъ жарко, что дверь остается незатворенною по нѣсколько часовъ въ сутки. При скотныхъ дворахъ строятся обыкновенно отъ двухъ до трехъ избъ, а иногда и болѣе. Въ одной избѣ живутъ пастухи съ женами, другая назначается для дойки коровъ зимой, для призора новорожденныхъ телятъ и проч. Въ третьей избѣ помѣщается птичница. По принятому изстари обычаю, птичій дворъ всегда почти находится въ связи съ дворомъ скотнымъ. Обыкновенную домашнюю птицу составляютъ: куры, утки, гуси, индѣйки и очень рѣдко цесарки или цесарскія куры.

Такъ какъ главная цѣль содержанія скотнаго двора есть удобреніе земли, то рогатаго скота, по силѣ-возможности, стараются развести какъ можно болѣе. Величина скотнаго двора обусловливается количествомъ водимаго скота; а чѣмъ просторнѣе скотный дворъ, тѣмъ болѣе предполагается получать съ него удобренія.

Обыкновенный зимній кормъ скоту составляетъ арженая и яровая солома, да къ *«припуску»* при дойкѣ мякина, или немного сѣна. Овцамъ всю зиму отпускается яровая солома, а когда онѣ начнутъ *«котиться»*, т. е. съ Февраля мѣсяца, даютъ по немногу сѣна. Многіе на скотныхъ дворахъ устроиваютъ для корма ясли, но по большой части предпочитается привозимую на скотный дворъ для корма солому раскидывать около стѣнъ по всему скотному двору; чрезъ это скотина, какъ говорятъ, не завидуетъ одна другой, не бьется и не толкается, а всякая сама по себѣ, роясь рыломъ въ соломѣ, спокойно выбираетъ то что ей болѣе

нравится. Въ то время, когда коровы начинаютъ телиться, а овцы котиться, скотницы и день и ночь, особенно въ холодное время, наблюдаютъ, чтобъ не прозѣвать новорожденнаго, да чтобъ не дать ему зазябнуть; и лишь только маленькое животное появится на свѣтъ, скотница немедленно беретъ его на руки, бережно относитъ въ избу, и кладетъ въ отгороженномъ на этотъ предметъ уголкѣ, на посланную солому. Если родившееся существо — ягнокъ, то съ нимъ впускается въ избу и мать.

Овцеводствомъ въ большомъ размѣрѣ, какъ это водится въ степныхъ губерніяхъ, у насъ не занимаются, за неимѣніемъ возвышенныхъ, сухихъ и просторныхъ пастбищъ; луговыя же пастбища на низменной и сыроватой мѣстности — для овецъ, какъ замѣчаютъ, гибельны. Отъ подобныхъ пастбищъ въ печени у овецъ заводятся піявки. Сначала болѣзнь не замѣтна; но мало по малу овцы начинаютъ кашлять, сохнуть и, съ наступленіемъ дней поздней осени, умираютъ, имѣя всю печень иногда совершенно изъѣденную піявками.

Каждый крестьянинъ и помѣщикъ держатъ овецъ столько, на сколько хватаетъ средствъ для ихъ продовольствія. Въ отношеніи же получаемаго отъ нихъ удобренія, десять овецъ считаютъ равными одной коровѣ. Овецъ *«брѣютъ»* т. е. стригутъ, два раза въ годъ: весною въ Апрѣлѣ, или Маѣ; а осенью въ Сентябрѣ, по народному, послѣ *«Семеня»* дня, т. е. перваго Сентября. Для бритья употребляютъ особыя ножницы безъ ручекъ. Чтобъ обрить животное, связываютъ ему ноги, такъ чтобъ оно не шевелилось. Шерсть Апрѣльской стрижки называется *вешника,* или вешняя, а снятую съ овецъ въ Сентябрѣ называютъ *осеннею.* Осенняя шерсть въ продажѣ дороже, нежели вешника; причина та, что осенняя шерсть выростаетъ въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, по большой части на открытомъ воздухѣ, а потому она чище и мягче, тогда какъ вешняя, выросшая въ душныхъ и сорныхъ амшеникахъ, бываетъ нечиста, спутана и сваленная въ комья подобно войлоку; самая же цѣнная шерсть есть *поярки.* Поярки снимаются съ негодовалыхъ еще ягноковъ и ярокъ, почему эту шерсть и называютъ поярки. — Свиней въ нашихъ мѣстахъ разводятъ тоже не въ большомъ количествѣ, болѣе для своего продовольствія, потому что по цѣнности хлѣба на нашихъ рынкахъ, выкармливаніе свиней для продажи не можетъ приносить значи-

тельныхъ выгодъ. Выкармливаніемъ свиней въ нашихъ мѣстахъ, едва ли неисключительно, занимаются только мельники; но для корма они не тратятъ много муки, или другаго какого хлѣба въ зернѣ, а довольствуютъ свиней единственно мучною пылью, которой на мельницахъ всегда бываетъ достаточно.

И такъ зима! На дворѣ трещатъ морозы. Зады, т. е. заднія стороны деревень, на которыхъ расположены обыкновенно гумна и риги, засыпаны подъ самыя пелены крышъ сугробами, и нерѣдко случается, что этотъ привалъ сливается въ одинъ бугоръ съ покрывающимъ крышу толстымъ слоемъ снѣга. Вся природа находится будто въ какомъ-то оцѣпененіи. Веселая рѣчка сначала покрылась тоненькимъ прозрачнымъ ледкомъ; но мало по малу, мятели да вьюга занесли ледъ снѣгомъ, и рѣчки какъ не бывало. Мертвенно-тихо оцѣпенѣлъ и всегда-то тихій прудъ, и безжизненно торчитъ надъ нимъ, поднимаясь изъ сувоя, темный оставъ старой ветлы, такъ роскошно когда-то дремавшей въ теплыя лѣтнія ночи, отражаясь словно въ зеркалѣ въ зеленой мутной водѣ, изъ которой во множествѣ, бывало, торчали, то скрываясь, то вновь появляясь на поверхности, головы пучеглазыхъ обитательницъ тины и болотъ лягушекъ, оглашая далеко окрестность шумнымъ кваканьемъ. И поле, и холмъ, и долина, и вся окрестность —и что только глазъ можетъ окинуть, все-то покрыто снѣгомъ; и на этомъ необозримомъ бѣломъ покровѣ, только одни лѣса темнѣютъ черными пятнами: все какъ будто уснуло сномъ непробуднымъ. Даже и солнушко не часто радуетъ землю своимъ появленіемъ, а, если когда и вздумаетъ посіять на радость людямъ, то сіяетъ не по лѣтнему: нѣтъ отъ него тепла, лучи его не растапливаютъ длинныхъ ледяныхъ сосулекъ, висящихъ по краямъ крышъ; не согрѣваютъ даже замерзающихъ и уже побѣлѣвшихъ отъ мороза щекъ прохожаго, идущаго противъ вѣтра, да и само-то солнушко, какъ будто стыдясь своего безсилія, или не шутя боясь озябнуть, далеко не достигая того мѣста, гдѣ оно обыкновенно привыкло лѣтомъ садиться, спѣшитъ поскорѣй укрыться на югѣ, забывая нерѣдко въ торопяхъ, на блѣдно-сѣроватомъ вечернемъ небѣ свою багряницу, или, по просту сказать, багряную зорю, предвѣстницу стужи еще сильнѣйшей.

Зимою сумерковъ почти не бываетъ: не успѣло сѣсть солнышко, а вотъ уже и ночь. На потемнѣвшемъ небесномъ сводѣ за-

жглися алмазныя звѣзды; въ морозную ночь онѣ какъ будто и сіяютъ ярче, и счетомъ-то ихъ больше.

Холодна и длинна зимняя ночь!.. Давно на деревнѣ и уже не разъ послѣ полуночи кричали пѣтухи, давно ужъ въ избахъ началось движеніе житейскихъ заботъ, давно уже изъ трубъ подымается столбами кой-гдѣ сѣрый дымъ, хотя въ потьмахъ и не примѣтный, но дающій о себѣ знать по вылетающимъ съ нимъ вмѣстѣ по временамъ искоркамъ; давно и въ окнахъ блестятъ огоньки, возбуждая зависть перезябшихъ отъ мороза проѣзжихъ, зависть ко всѣмъ тѣмъ, кто въ этакую стыдь не въ дорогѣ; а на дворѣ все еще темно; и нѣтъ и признака, чтобы свѣтало. Только морозъ передъ наступленіемъ утра такъ и хруститъ подъ ногами, такъ и деретъ за лицо, и бѣлымъ инеемъ пушитъ овчинные треухи и бороды мужичковъ, идущихъ съ обозомъ.

Въ ясные зимніе дни, когда морозъ одѣнетъ пушистымъ инеемъ вѣковую дубраву, высокой березнякъ, и каждый кустикъ, и даже былинку сухой полыни, растущей на межѣ, и торчащей изъ ровно-покрывшаго поле снѣга, этотъ серебрянно-матовый нарядъ при сіяніи солнца, иногда до того прекрасенъ, что дѣлается какъ-то жаль, зачѣмъ природа такъ рядитъ только на время. Ненаглядны особенно бываютъ въ этомъ нарядѣ старинныя деревья, когда очерки ихъ рисуются на безоблачной синевѣ полдневнаго неба, или на пурпурѣ вечерней зари. Тогда, тогда бываетъ хорошо, и я не разъ испытывалъ это: хорошо бываетъ стоять въ лѣсу одному, проникнувъ туда по проселочной, проложенной чрезъ лѣсъ дорогѣ,—но почему хорошо, не знаю. Стою, смотрю, слушаю... Прислушиваюсь къ невозмутимой тишинѣ, напрасно ожидая отъ мертвенно-оцѣпенѣлой природы какого-то звука, почти такъ же какъ желая открыть признакъ жизни въ бездыханномъ трупѣ, напрасно къ его груди, боясь даже дохнуть, прикладываетъ чуткое ухо осиротѣвшій другъ, съ тоскливо-тревожнымъ ожиданіемъ прислушиваясь, не бьется ли еще сердце. Стою, смотрю, слушаю, и не чувствую, что край уха уже щиплетъ морозъ, что рѣсницы слипаются; но какъ легко дышетъ грудь, какъ легко пьетъ она зимній, ничѣмъ непропитанный, кромѣ холода, воздухъ. Но вотъ наконецъ и признакъ жизни. Чу! Что-то хрустнуло надъ моей головою въ обледенѣвшихъ вѣтвяхъ столѣтняго дуба; вотъ посыпался съ верху иней, и холодно-мокрою пылью за-

сыпалъ мнѣ лицо, насыпался за воротникъ, проникъ до самой шеи: иней этотъ сшибла ворона, перелетѣвшая съ одного дерева на другое. А вотъ и еще, шелестя, встрепенулся орѣшникъ, и обильно падаетъ нависшій въ густыхъ вѣтвяхъ его пушистый снѣгъ: орѣшникъ расшевелилъ заяцъ. Вотъ и самъ онъ, заяцъ, выскочилъ на дорогу, присѣлъ проворно на заднія лапки, чутко поводитъ длинными ушами, посидѣлъ, послушалъ, и снова прыжокъ,—и снова летитъ морозный пухъ съ растревоженныхъ вѣтвей орѣшника. Для проѣзжихъ, по народнымъ примѣтамъ, заяцъ перебѣжавшій дорогу—признакъ дурной.

При глубокихъ снѣгахъ, по проселочнымъ дорогамъ, ѣзда возможна только въ одну лошадь, и потому помѣщики, ѣдущіе въ возкахъ, кибиткахъ или троечныхъ саняхъ, принуждены запрягать лошадей гуськомъ или гусемъ. Эта упряжка названа гуськомъ по сходству ея съ полетомъ дикихъ гусей, летающихъ всегда длинной вереницею одинъ за другимъ. Впереди коренной, запряженной въ оглобли, на длинныхъ веревочныхъ постромкахъ, пристегивается другая лошадь, а впереди этой—третья. По узкимъ, проселкамъ эта ѣзда очень удобна, потому что передняя лошадь, боясь утонуть въ сувояхъ снѣга, не сворачиваетъ съ бойной дороги, и всѣ три лошади одна за другой дружно бѣгутъ, управляемыя веревочными возжами, и ободряемыя голосомъ и длиннымъ бичемъ кучера. Но при выѣздѣ на дорогу большую, многопроѣзжую, или въ улицахъ городовъ и большихъ селеній, лошади начинаютъ сбиваться, и въ такомъ случаѣ часто бываетъ необходимо перепрягать снова лошадей изъ гуськовой въ обыкновенную упряжь.

Часто вьюги и мятели гуляютъ по пустыннымъ полямъ, бьютъ снѣжнымъ потокомъ въ окна домовъ, свищутъ и завываютъ въ лѣсахъ и строеніяхъ, и ревомъ своимъ наводитъ какой-то ужасъ даже и на тѣхъ, кто подъ кровлей. Горе тому, кого застигнетъ такая погода въ дорогѣ, особенно ночью. Не разъ бывали случаи, что проплутавши всю ночь, и выбившись изъ силъ, путникъ въ отчаяніи останавливался ожидать разсвѣта, и когда разсвѣтъ появлялся, путникъ съ удивленіемъ узнавалъ крыши и плетни роднаго селенія, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста своего холоднаго ночлега. Для предупрежденія подобныхъ и другихъ несчастныхъ случаевъ, съ наступленіемъ зимы, по обѣимъ сторонамъ

проселочныхъ дорогъ втыкаются вёшки изъ крупнаго хвороста, а чтобъ въ темныя ночи вёшки эти было виднѣе, привязываютъ къ нимъ иногда еще и пучки соломы. Эта мѣра бываетъ часто спасительна, но въ темныя и бурныя ночи и она не всегда помогаетъ. Къ счастію въ нашихъ мѣстахъ селенія довольно часты, и блеснувшій случайно въ окнѣ огонекъ не разъ спасалъ многихъ, ежели не отъ смерти, то отъ непріятности провести страшную ночь въ открытомъ полѣ.

Вся семейная жизнь земледѣльцевъ зимой сосредоточивается въ избахъ, которыя и по сіе время дѣлятся на избы бѣлыя и избы черныя или курныя. Бѣлая изба та, въ которой печь съ трубой, и въ слѣдствіи этого она чиста и свѣтла. Черная или курная та, въ которой печь безъ трубы, дымъ выходитъ чрезъ чело обратно въ избу, а изъ избы въ растворенную дверь и въ волоковое окошечко, устроенное надъ печью. Курная изба внутри отъ дыма совершенно черна, въ продолженіе времени покрывается сажей, особенно потолокъ, который при вечернемъ освѣщеніи блеститъ подобно кристалламъ. Еще не такъ давно курныя избы были въ общемъ употребленіи у простаго народа, но теперь онѣ съ года на годъ исчезаютъ и повсемѣстно замѣняются бѣлыми. Много преимуществъ имѣетъ бѣлая изба предъ черной: въ бѣлой избѣ, во время топки не нужно отворять дверей, и дымъ не препятствуетъ заниматься работой, тогда какъ въ черной, во время топки, страшный холодъ стремится въ растворенную дверь, а дымъ выѣдаетъ глаза, такъ что въ это время нельзя не только чѣмъ-нибудь заняться,—да и просто-то, чтобъ усидѣть на лавкѣ, и не задохнуться, надобно нагнуться пониже. Кто будетъ смотрѣть на предметъ поверхностно, не изслѣдуя его въ подробности, тотъ, пожалуй, назоветъ жизнь въ курной избѣ, если не варварствомъ, то по меньшей мѣрѣ бѣдствіемъ, и очень въ этомъ ошибется, Курная изба имѣетъ свои удобства, которыхъ также отвергать нельзя. Курная изба не бываетъ сыра; воздухъ въ ней постоянно сухъ, и совершенно очищается дымомъ и ежедневно наружнымъ воздухомъ чрезъ отворенную дверь; когда печь истопится, дверь затворяютъ, и изба мгновенно наполняется отрадной теплотой, и, что замѣчательнѣе всего, въ курной избѣ никогда не бываетъ угара.

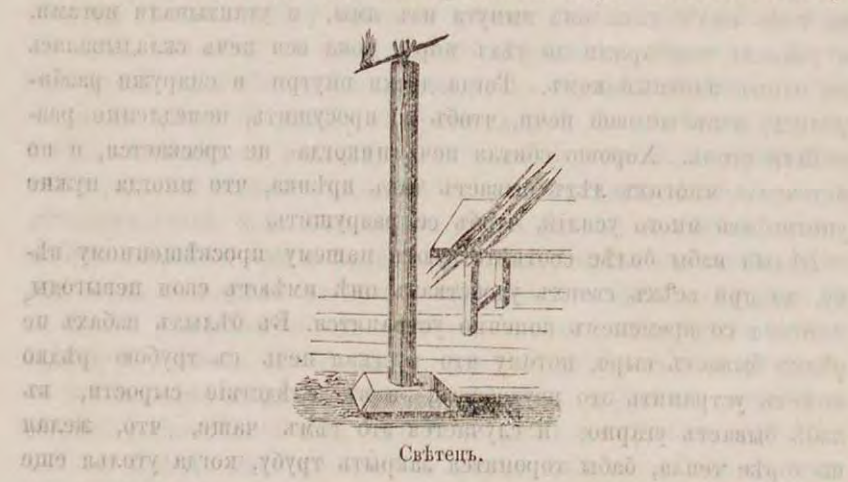
Возвратившійся съ надворья изъ дороги, изъ лѣса или другой

какой зимней отлучки, мужичокъ, иногда измокшій, въ обледенѣломъ платьѣ, скоро обогрѣвается; а еще скорѣе обсушиваетъ свое платье, развѣсивъ его на веревкѣ или на жердочкѣ, надъ челомъ печи, изъ которой постоянно бѣжитъ струя горячаго, сушащаго воздуха, чего въ печи съ трубою нѣтъ, или очень мало. Печи въ курныхъ избахъ дѣлались прежде очень просто, безъ печника и даже кирпичей. Въ углѣ, назначенномъ для печи, устроивался деревянный опечекъ на деревянныхъ, врытыхъ въ землю, столбахъ, возвышавшихся надъ поверхностію пола на аршинъ, или четверти на три. Подобный опечекъ употребляется нерѣдко и теперь подъ кирпичныя печи, для избѣжанія расхода на покупку лишняго кирпича. На такомъ-то деревянномъ основаніи сбивали глиняную печь слѣдующимъ способомъ. Сперва дѣлали на обручахъ изъ досокъ сводъ, долженствующій составлять внутренность печи; потомъ досками же обгораживали стороны обращеннаго внутрь избы мѣста, гдѣ должна быть воздвигнута печь. Въ это обгороженное кубическое пространство въ углу избы накладывали глину, нисколько не смачивая ея предварительно водою, а прямо въ томъ видѣ, какъ она вынута изъ ямы, и утаптывали ногами, и убивали чакмарями до тѣхъ поръ, пока вся печь складывалась въ одинъ плотный комъ. Тогда доски внутри и снаружи разбирались, а въ готовой печи, чтобъ ее просушить, немедленно разводили огонь. Хорошо сбитая печь никогда не трескается, и по истеченіи многихъ лѣтъ бываетъ такъ крѣпка, что иногда нужно употребить много усилій, чтобъ ее разрушить.

Бѣлыя избы болѣе соотвѣтствуютъ нашему просвѣщенному вѣку, но при всѣхъ своихъ удобствахъ онѣ имѣютъ свои невыгоды, которыя со временемъ конечно устранятся. Въ бѣлыхъ избахъ не рѣдко бываетъ сыро, потому что русская печь съ трубою рѣдко можетъ устранить это неудобство; а въ слѣдствіе сырости, въ избѣ бываетъ угарно, и случается это тѣмъ чаще, что, желая поскорѣе тепла, бабы торопятся закрыть трубу, когда уголья еще не вовсе перегорѣли. За неимѣніемъ форточекъ, совершенно невѣдомыхъ народу, воздухъ очищается мало, да и какая форточка въ состояніи очистить воздухъ избы, гдѣ иногда живетъ отъ десяти до пятьнадцати и до двадцати душъ. Конечно, такія многолюдныя семьи очень рѣдки, но все таки онѣ есть. Впрочемъ не надобно думать, что всѣ спятъ въ одной избѣ. Въ избѣ ночуютъ

только старики да малолѣтные; мужья же съ женами, одаренные здоровьемъ, пользуются ночлегомъ въ холодныхъ клетяхъ, изъ которыхъ развѣ одни Крещенскіе морозы, и то рѣдко, вгоняютъ ихъ въ избу.

День зимній коротокъ и не видать какъ проходитъ. Въ рукахъ бабъ жужжатъ веретенцы; старый дѣдъ ковыряетъ лапти; мужика-работника днемъ въ избѣ не сыщешь: мужицкая работа не въ избѣ. На полатяхъ мурлычитъ кошка; она либо спитъ, свернувшись въ клубочекъ, либо обмываетъ рыльцо лапкой. По полу ползаетъ младенецъ, иногда и не одинъ, съ выпачканными молочной кашей рожицами, поднимаются на ножки, падаютъ, ссорятся, или смотрятъ съ вниманіемъ и радостію на играющихъ и шумно бѣгающихъ котятъ. Но вотъ распахнулась дверь, и въ избу вбѣгаютъ перезябшія ребята. Съ утра они на улицѣ играли въ шары, кричали, бѣгали, и имъ наконецъ приходитъ желаніе погрѣться. Но въ избѣ и безъ нихъ тѣсно; они надоѣдаютъ вознею и шумомъ старухѣ, и та, чтобъ отъ нихъ избавиться, гонитъ ихъ опять на улицу, гдѣ они предаются игрѣ съ новымъ азар-

Свѣтецъ.

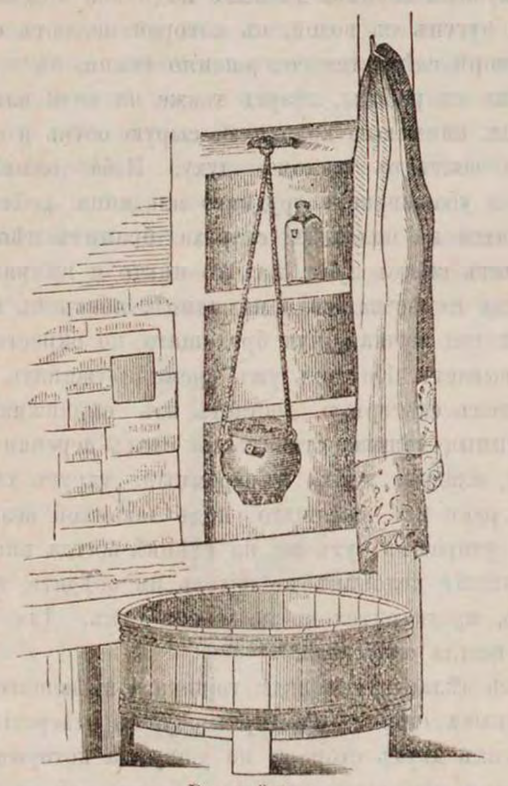
томъ. Вотъ наконецъ начинаетъ вечерѣть; сверчокъ за печкой заводитъ свою однообразную пѣснь. Дѣдъ лѣзетъ на печь распаривать свои старыя кости, да грѣть остывающую кровь. Невѣстка достаетъ изъ-за печки березовыя или осиновыя полѣнья и косыремъ щепаетъ длинныя лучины, которыя вкладываетъ въ свѣтецъ, зажигаетъ и освѣщаетъ избу. Лучина пылаетъ ярко, то

вдругъ меркнетъ, то опять вспыхнетъ. Безпрестанно надобно обламывать обгорѣлые концы, безпрестанно надобно перемѣнят догорающую лучину. Но всѣ ли знаютъ, что такое свѣтецъ? Свѣтецъ есть небольшой, аршина полтора или менѣе вышиною столбикъ въ вершокъ толщины, утвержденный на двухъ крестообразно сложеныхъ брусочкахъ, четырехъ-угольной доскѣ или чуракѣ. Въ верхній конецъ стоящаго столбика вбита трехъ или четырехъконечная желѣзка, въ которую вкладываютъ лучину однимъ концомъ. Когда лучина горитъ, на полъ подъ нее подставляютъ либо тазъ, либо чугунъ съ водой, въ которой падаютъ огарки.

Когда на дворѣ сдѣлается совершенно темно, въ избу возвращаются мужики съ работы, лѣзутъ также на печь или на полати, гдѣ разуваются, снимаютъ холодную, сырую обувь и одежду, которую развѣшиваютъ въ тепломъ духу. Изба оживлена. Мать успокоиваетъ и убаюкиваетъ груднаго младенца, ребята то хохочатъ, то ссорятся на полатяхъ, старуха бранитъ нѣвестокъ, или что-то бормочетъ сквозь зубы, на что̀ никто и вниманія не обращаетъ. Молодая невѣстка, сидя на донцѣ, поетъ въ полголоса, а на дворѣ косматая жучка, чуя бродящаго по окрестности волка, и лаетъ и завываетъ. Но вотъ ужъ время и ужинать. Деньщица накрываетъ столъ скатертью, достаетъ изъ выдвижнаго въ столѣ ящика деревянныя чашки, ставитъ на столъ деревянную узорочную солоницу, кладетъ ложки и огромный укругъ хлѣба. Мужики умываютъ руки изъ висящаго надъ лаханкой возлѣ печи рукомойника, и утираютъ тутъ же на стѣнкѣ всегда висящимъ полотенцемъ. Русскій человѣкъ не сядетъ ни обѣдать, ни ужинать, ни завтракать, предварительно не умывъ рукъ. Для этого-то въ рукомойникѣ всегда есть вода.

Рукомойникъ дѣлается въ видѣ горшка, имѣющаго съ двухъ противоположныхъ сторонъ по горлышку, съ отверстіями для воды, а съ другихъ двухъ сторонъ по ушку, за которыя привязанный веревочками онъ повѣшенъ къ потолку, или къ балкѣ, поддерживающей полати. Лѣтомъ этотъ рукомойникъ виситъ подъ навѣсомъ крылечка, но зимою, такъ какъ вода на дворѣ стала бы мерзнуть, то его переносятъ въ избу. И такъ, умывъ руки, всѣ садятся за столъ, и когда изъ печи достанетъ денщица горшокъ горячихъ щей и нальетъ въ чашку, то всѣ, перекрестясь и помолясь, принимаются за скромный ужинъ. Дѣло не празд-

ничное, перемѣнъ немного. Щи часто варятся только съ кускомъ сала, а въ постъ пустыя; да каша гречневая или пшенная съ масломъ или съ молокомъ, вотъ и весь ужинъ. За ужиномъ бываютъ шутки и разговоры, сообщаются слухи о происшествіи на базарѣ, о войнѣ, о манифестѣ по случаю рекрутскаго набора, или *«загадываютъ»* работу на слѣдующій день. Отойдетъ ужинъ, всѣ встанутъ, оборотятся къ Святымъ иконамъ, помолятся и идутъ кто спать въ клѣть, кто на полати, кто на печь. Маленькихъ

Рукомойникъ.

дѣтей уложатъ гдѣ-нибудь въ сторонкѣ, покроютъ ихъ старымъ шушунишкомъ или тулупомъ, и успокоивъ такимъ образомъ ребятишекъ, трудолюбивыя бабы опять принимаются за веретена, и мурлыча въ полголоса пѣсенку, съ припѣвомъ сверчка, просиживаютъ съ работою до позднихъ пѣтуховъ. Наконецъ лучина

погасла, и изба, и всѣ въ ней живущіе потонули въ глубокомъ мракѣ. Въ тишинѣ только слышно сонное дыханіе дѣтей, да храпѣніе стариковъ. Временемъ вскрикнетъ во снѣ младенецъ, и чуткая мать протянетъ руку къ веревочкѣ люльки. Заскрипитъ на своемъ кольцѣ качающаяся люлька, младенецъ смолкнетъ, и все опять тихо. Рано проснется старуха, ощупью слѣзетъ съ печки, выгребетъ изъ печи горящій уголекъ, приложитъ къ нему сухую лучинку и начнетъ вздувать огонь. Это бываетъ часовъ пять по полуночи, когда поютъ третьи пѣтухи. Лишь только освѣтится изба, спавшіе въ клѣтяхъ бѣгутъ въ избу отогрѣваться и одѣваться; бабы опять берутся за свои донца и веретенца; мужикъ обувается, надѣваетъ полушубокъ и идетъ посмотрѣть лошадей. Не много погодя, затапливается изба, а когда разсвѣнетъ, садятся завтракать. Послѣ завтрака денщица продолжаетъ стряпню для обѣда, и выметаетъ избу; мужики опять выходятъ вонъ, кто идетъ съ топоромъ или съ цѣпомъ—куда кому нужно; бабы опять принимаются за пряжу, да за тканье, а тамъ—и обѣдъ. Такъ проходятъ цѣлые дни, недѣли, мѣсяцы. Подъ Воскресенье, съ сумерокъ Субботы, въ зажиточныхъ домахъ зажигаются лампадки предъ Святыми иконами, и рано поутру, когда все погруженно въ губокій сонъ, старуха зажжетъ предъ образами пятаковую свѣчку, изъ желтаго воска, читаетъ шопотомъ молитвы, и творитъ земные поклоны.

Зима дѣлится на три части, на первозимье, или время до Рождества, на средину зимы отъ Рождества до Масляницы—большой мясоѣдъ, и наконецъ съ Масляницы до Благовѣщенія. Самые холодные морозы считаются Рождественскіе, предъ Рождествомъ; Васильевскіе—отъ Рождества до Новаго Года, и Крещенскіе—Отъ Рождества и до Крещенія. Самые глубокіе снѣга бываютъ въ Февралѣ. Праздниками, съ Рождества и до Крещенія, нарушается однообразіе деревенской жизн, и самый праздникъ Рождества, какъ разговѣны послѣ продолжительнаго поста, встрѣчается не безъ удовольствія.

Къ этому празднику почти въ каждомъ дворѣ выкармливаютъ свинью, но сверхъ того всѣ базары и городскіе, и сельскіе завалены свиными тушами и привозною изъ степныхъ губерній солониною. Послѣдніе базары предъ Рождествомъ бываютъ очень многолюдны, и торговля кипитъ. Всякій запасаетъ и закупаетъ

къ празднику все необхомое. Кто мучицы для пироговъ, кто пшенца, кому нужно солонины, кто покупаетъ бычьи ноги и губы на студень, а кто и самъ продаетъ избытокъ отъ своего хозяйства. Искупивъ или продавъ, что кому нужно, мужичекъ идетъ довершать пріятное пребываніе на базарѣ въ кабакъ, и потому, при окончаніи базара, около кабака всегда кучи народа... Мужикъ выпьетъ и съ бодрымъ духомъ, завалясь въ сани и не справляясь ни съ ухабами, ни съ косогорами, ни съ оврагами по пути, скачетъ домой, сломя голову; иногда заснетъ, но добрая лошадка такъ хорошо знаетъ дорогу съ базара домой, что остановится только тогда, когда добѣжитъ до затворенныхъ воротъ хозяйскаго двора. Тутъ мужикъ проснется, перекрестится на мѣдный крестъ или образокъ, врѣзанный надъ воротами, отворитъ ихъ, введетъ лошадь, и скрипучія ворота затворяются опять... Теперь на сельскихъ базарахъ не одни уже кабаки, но почти вездѣ появились дома съ вывѣсками, изображающими чайныя чашки, самовары, и съ надписью подъ ними: *Ресторація* или *Вновь открытый трактиръ*, или *Входъ въ заведеніе*. Тамъ мужички пьютъ чай, въ перемѣшку съ травникомъ, или просто съ горѣлкой. Другіе, бывалые въ Питерѣ, и проживавшіе тамъ по пачпорту, проникнутые духомъ цивилизаціи, курятъ сквернѣйшій табакъ, изъ трубокъ съ длинными чубуками, которыя вертлявый половой въ красной рубахѣ, безпрестанно встряхивая головой, подаетъ по требованію съ большимъ проворствомъ и учтивостію. Часто цивилизація эта обходится дорого нецивилизованнымъ обитателямъ края, и часто цѣлыя селенія бываютъ жертвою неосторожнаго обращенія съ трубкою. Надобно впрочемъ замѣтить, что курильщиковъ, особенно въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, гдѣ цивилизацію подобнаго рода почти не допускаютъ, между крестьянъ очень немного. Кстати также замѣтить, что между жителями столицъ, и не живавшихъ никогда въ деревняхъ, господсвуетъ общая мысль, будто Русскій народъ часто предается пьянству — это не справедливо. Правда Русскій крестьянинъ, хотя между ними и есть вовсе непьющіе, никогда не откажется и всегда съ удовольствіемъ выпьетъ рюмку или стаканъ вина, что́ можно извинить климатическими условіями и тяжкими физическими трудами рабочаго человѣка; но часто ли на долю его достается это удовольствіе? Кто знаетъ; какъ трудно достается крестьянину

каждая копѣйка, тотъ пойметъ, что ему вино по цѣнности своей, для частаго употребленія не доступно. Крестьянинъ покупаетъ вино къ Рождеству, къ Масляницѣ, къ Святой Недѣлѣ, къ храмовому празднику, но покупаетъ его не столько для себя, сколько для угощенія посѣтителей и родныхъ. Положимъ, въ это время онъ выпьетъ и лишнее, но этихъ дней немного въ году; въ другихъ же случаяхъ покупаютъ вино только для свадьбъ, крестинъ, похоронъ и поминокъ.

На канунѣ Рождества, т. е. въ Рождественскій сочельникъ, многіе православные, до появленія первой звѣзды на небѣ, не ѣдятъ ничего. Такъ какъ зимній день не дологъ, то и ожиданіе звѣзды бываетъ не продолжительно. Въ этотъ день, съ утра, когда только что затопятъ печи, въ избахъ начинаютъ печь блины а молодыя бабы и дѣвки, собравшись гурьбою, ходятъ по улицѣ и кличатъ *коледу*. Подойдутъ подъ окно какой нибудь избы, и запоютъ голосомъ протяжнымъ и заунывнымъ:

«Коледа, подай блина, коледа!
Не подадите блина—коледа!
Корову за рога—коледа!
Подадите блина, прочь пойдемъ—коледа!»

При звукахъ этой пѣсни оконце избы, подъ которымъ они поютъ, открывается, и протянутая изъ него щедрая рука надѣляетъ пѣвицъ горячими блинами; потомъ колядницы идутъ далѣе и, проходя отъ одной избы къ другой и продолжая кликать подъ окнами коледу, обходятъ всю деревню. Иная веселая баба наваритъ овсянаго киселя, и, прежде нежели примется завтракать, пропоетъ:

Коледа, коледа!
Отворяй ворота!
Морозъ, морозъ, не бей нашъ овесъ!
Ленъ, да конопи
Какъ хочешь колоти!

Къ вечеру, въ господскихъ домахъ, какъ подо всѣ двунадесятые праздники, служатся всенощныя; столовая и лакейская господскаго дома наполняются народомъ всѣхъ половъ и возрастовъ. Самый праздникъ Рождества Христова, какъ и всѣ большіе праздники, православный народъ начинаетъ заутреней и обѣдней. Потомъ въ домахъ разговляются, обѣдаютъ и отдыхаютъ.

Послѣ обѣда, въ господскій домъ опять пріѣзжаетъ священникъ съ крестомъ и святою водою. Зажигается предъ образомъ въ залѣ свѣча, собирается все семейство съ домочадцами; а священникъ съ дьячками, пропѣвъ тропарь и кондакъ празднику, и давъ каждому присутствующему поцѣловать крестъ, снимаетъ облаченіе и остается пить чай. Иные священники привόзятъ съ собою отпущенныхъ, по случаю праздниковъ, на побывку изъ духовнаго училища сыновей, которые произносятъ въ стихахъ поздравительныя привѣтствія, за что, разумѣется, вознаграждаются конфектами, коврижками или чѣмъ-нибудь подобнымъ. На другой день священникъ съ крестомъ и причтомъ обходитъ всѣ дворы своего прихода, въ каждой избѣ славитъ Христа и, кромѣ небольшой платы деньгами, получаетъ какъ онъ, такъ и дьячекъ, по пирогу четверти въ три длиною, большею частію изъ ситной муки. На третій день начинаются Святки, т. е., дни наряжанья, гаданій и проч.

Впрочемъ, когда въ избахъ запылаютъ лучины, или зажгутся сальники или свѣчи, молодые парни, бабы и дѣвки затѣваютъ наряжаться. Наряды для этого маскарада очень не дороги, и все нужное подъ руками. Бабы одѣваются стариками, парни старухами, дѣвки цыгàнками, и все то подъ часъ такъ одѣнется, что просто ни на что не похоже; но главныхъ условій два: первое, чтобъ нарядиться какъ можно уродливѣе и смѣшнѣе, а второе, чтобъ наряженнаго не скоро могли узнать. Выворачивается шерстью вверхъ овчинная шуба, нерѣдко сшитая въ перемежку изъ овчинъ черныхъ и бѣлыхъ; за спину набивается солома, представляющая горбъ; длинная, всклокоченная борода и всклокоченныя волосы подвязываются изъ пакли; вмѣсто кушака, обрывокъ веревки, въ рукахъ — дубина, и старикъ готовъ. Иная баба ухитряется надѣть шушунъ рукавами на ноги, а полы подвяжетъ подъ шею; иной молодецъ завернется въ дырявую и грязную дерюгу; другой, напяливъ на себя мѣшокъ, уберетъ голову въ мочалы, или одѣнется домовымъ, чертомъ и т. п., и всѣ-то личины въ этомъ родѣ; но вымысламъ и конца нѣту, а потому исчислить всѣ наряды не возможно. Наряженные ходятъ по избамъ и, сообразно принятымъ ими на себя личинамъ, говорятъ не своимъ голосомъ, шутятъ, острятъ, и возбуждаютъ непринужденные, иногда чуть не истерическіе, порывы хохота. Войдя въ

избу и попривѣтствовавъ хозяевъ, наряженные поютъ и пляшутъ, и пляски эти своимъ безобразіемъ и изобрѣтательностію совершенно соотвѣтствуютъ нарядамъ. Старикъ выдѣлываетъ удивительныя и преотчетливыя фигуры ногами, но кончаетъ тѣмъ, что отъ мнимаго изнеможенія и усталости спотыкается и летитъ на полъ вверхъ тормашками. Иная сухая старуха, съ угловатыми движеніями, обыкновенно разыгрываемая рослымъ дѣтиною, сначала пляшетъ скромно и жеманно, но потомъ пускается въ присядку, или кувыркается черезъ голову.... Наряженныхъ изъ избы въ избу всегда провожаетъ толпа ребятишекъ, которые отъ чистаго сердца радуются веселымъ вечеромъ Святокъ. Подъ Новый Годъ вечеромъ опять собирается толпа молодежи: ходятъ подъ окнами и поютъ *авсень* или по ихнему *усень,* и также, какъ въ коледу, выпрашиваютъ съѣстныхъ подачекъ. Положимъ, что хозяина дома, подъ чьимъ окномъ собрались затѣйщицы кликать авсеня, зовутъ Степаномъ, тогда онѣ поютъ:

«На Степанушкѣ куделюшка, да-ту-усень,
«Да не сами завивались, да-ту-усень,
«Завивала ему матушка, да-ту-усень,
«Завивала, приговаривала, да-ту-усень;
«Рѣки-озера разольются, да-ту-усень,
«А кудри не разовьются, да-ту-усень;
«Не ломайся, да все подай, да-ту-усень,
«Не тряси, да все понеси, да-ту-усень.
«Не пора-ли, сударь, игрицъ дарить? да-ту-усень,
«Не рублемъ, не полтиною, да-ту-усень,
«Золотою гривною, да-ту-усень».

Онѣ поютъ, а имъ подаютъ, кто пирога, кто кусокъ вареной свинины,—подаютъ, что у кого случится на ту пору. Вечеръ подъ Новый Годъ исключительно посвящается гаданіямъ, въ слѣдующемъ родѣ: когда бьютъ къ празднику свинью, то отъ свиной туши отрѣжутъ хвостикъ и спрячутъ; въ святочный вечеръ, когда молодымъ ребятамъ и дѣвкамъ вздумается погадать, то хвостикъ принесутъ въ избу, изрѣжутъ поперегъ кружечками на нѣсколько частей, и всякій, участвующій въ этой игрѣ, получаетъ свой кружечикъ, вздѣваетъ его на деревянную тычину и, занявъ свое мѣсто въ общемъ кругу, тычинку съ свининой водружаетъ передъ собою въ полъ, т. е. въ щель, которыхъ между половицъ

всегда много. Окончивъ эти приготовленія, въ избу впускаютъ собаку, и у кого у перваго собака схватитъ кружечикъ хвостика, то если парень, то женится непремѣнно, а если дѣвка, то на тотъ же годъ выходить ей за мужъ. Подслушиваютъ разговоры подъ окнами: ежели въ разговорѣ помянется рубаха, то подслушивающій или подслушивающая жди себѣ смерти; если помянутъ хомутъ, то лошадь недобрые люди со двора сведутъ. А то такъ пойдетъ дѣвушка на огородъ, ляжетъ тамъ спиною на ровный снѣгъ, раскинетъ руки и потомъ, чтобъ отпечатка своего на снѣгу не испортить, старается подняться прямо на ноги, что иногда дѣлается съ помощію другой, такой же проказницы-дѣвушки; на другой день приходитъ и смотритъ то мѣсто, гдѣ лежала: ежели отпечатокъ чистъ и ясенъ, то выдти за мужъ; ежели-жъ снѣгъ изсѣченъ на отпечаткѣ, то предвѣщаетъ горе. Хоронятъ золото, но не по рукамъ, какъ это водится обыкновенно въ купеческихъ и барскихъ домахъ, а ставятъ на столъ четыре блюда, покрытыя полотенцами или платками. Въ одно блюдо кладутъ уголь, въ другое печинку, т. е. кусокъ сухой глины отъ печки, въ третье—щетку, въ четвертое—кольцо. Хоръ дѣвушекъ поетъ:

Ужъ я золото хороню,
Чисто серебро прокачу;
Я у батюшки во дому и проч.

И подъ эту пѣсню, гадающая дѣвушка вынимаетъ на удачу изъ блюда судьбу свою: ежели вынетъ уголь, то ей предстоитъ дурная участь; ежели печинку, то смерть; ежели щетку, то будетъ у ней старый мужъ; и ежели вынетъ кольцо, то будетъ жить въ радости, и мужъ будетъ молодой.

Въ домахъ господскихъ святочные вечера проводятся почти такъ же, какъ и въ домахъ крестьянскихъ. Никто такъ не любитъ святокъ, какъ дѣти, никто такъ не радуется ихъ приближенію. Еще за нѣсколько недѣль до Рождества, любимымъ предметомъ вечернихъ разговоровъ между дѣтьми, предметомъ, никогда неистощимымъ, есть святки; и нянькѣ, чтобы утѣшить подъ часъ разблажившагося дитятку, стоитъ только разсказать ему, или напомнить, что вотъ де-скоро Святки придутъ, всѣ дѣвушки станутъ наряжаться, придетъ старикъ-такой горбатой, борода длинная и проч.: у малинькаго плаксы при этомъ разсказѣ готовая уже выкатиться слезинка замретъ, или повиснетъ на нижней рѣс-

ничкѣ, какъ перекатная жемчужинка, глаза заблестятъ любопытствомъ и ожиданіемъ чего-то веселаго, а на полураскрытый ротикъ слетитъ улыбка. Наконецъ, къ великой радости маленькаго поколѣнія, давно желанныя Святки наступили. Каждый вечеръ, во всѣхъ дворовыхъ избахъ, чуланахъ, углахъ идетъ суматоха. Одни ужъ почти совсѣмъ нарядились: другіе все еще пріискиваютъ, во что нарядиться, хлопочутъ, бѣгаютъ безъ всякаго толку изъ угла въ уголъ, толкаются со встрѣчными, сами бранятся, и ихъ бранятъ.... а третьи, такъ-себѣ молча, да не торопясь, сбираются идти въ барскіе хоромы только бы посмотрѣть на наряженныхъ. Часу въ седьмомъ вечера, столовая въ домѣ освѣщена болѣе обыкновеннаго: зажжены лишнихъ двѣ или три свѣчи, или лишняя лампа; ненужные столы и стулья для простора вынесены, и барскія дѣти, давно разодѣтыя куколками, съ радостными лицами бѣгаютъ по столовой въ ожиданіи наряженныхъ. Ожиданіе продолжается недолго. Скоро шумъ и хохотъ въ передней возвѣщаетъ о приходѣ ихъ; двери въ столовую отворяются, и наряженные, въ сопровожденіи разнообразной толпы деревенскихъ зрителей всѣхъ половъ и возрастовъ, одѣтыхъ совершенно по домашнему, наполняютъ половину комнаты. Въ господскомъ домѣ что и въ крестьянской избѣ: наряжающіеся ни о чемъ болѣе не заботятся, чтобы только нарядиться какъ можно смѣшнѣе; но самыя средства, которыя доставляетъ присутствіе въ имѣніи господъ, даютъ возможность придумывать наряды, хотя не менѣе уродливые и смѣшные, но болѣе затѣйливые, нежели въ избахъ крестьянскихъ. Тутъ идутъ нерѣдко въ ходъ старинные дѣдовскіе мундиры и французскіе кафтаны, парики старинные и нестаринные, изношенные чепцы, шляпы и шляпки, надѣваемые въ самомъ уродливомъ видѣ; но бываетъ также и старикъ съ безконечной бородой изъ пакли, съ горбомъ въ вывороченной дырявой, овчинной пѣгой шубѣ, съ толстой палкой, чуть не съ дубиной, въ рукахъ, съ котомкой за плечами; старикъ, надъ которымъ чистосердечно хохочутъ дѣти, а въ тайнѣ не желаютъ, чтобъ онъ подходилъ къ нимъ близко. Тутъ непремѣнно бываетъ и старуха, чуть не въ три аршина ростомъ, костлявая, угловатая, иногда въ шляпкѣ и въ капотѣ, съ платочкомъ въ рукахъ, сначала танцующая жеманно, но потомъ пускающаяся въ присядку.... тутъ бываютъ—да чего тутъ не бываетъ?

Сначала наряженные пляшутъ подъ музыку какого нибудь самоучки-скрипача, или доживающаго на мѣсячинѣ свои преклонные дни стариннаго музыканта съ щетинистой отъ рѣдкаго бритья сѣдою бородою, съ неулыбающимся, но довольнымъ и добродушнымъ лицемъ; или подъ новомодный инструментъ-гармонію, или подъ плясовыя пѣсни; подъ дудку, подъ балалайку, подъ органъ или фортепіано, однимъ словомъ подъ что придется; потомъ, уставши плясать, собираются въ кружокъ, и хоромъ поютъ пѣсни. Тутъ услышишь—какъ палъ туманъ на сине море, услышишь и про новыя, тесовыя, рѣшетчатыя сѣни, и про траву шелковую, растущую возлѣ рѣчки, возлѣ моста; и о каменныхъ палатахъ моей любезной, забѣлѣвшихся что не бѣлы снѣги,—слушаешь... и въ уснувшей памяти начинаетъ пробуждаться что-то былое, и, словно при видѣ падающаго на сине море тумана, тихо западаетъ тоска въ ретивое сердце. Послѣ пѣсенъ затѣваются разныя святочныя игры, хоронятъ золото, поютъ подблюдныя пѣсни, водятъ хороводы, и святочный вечеръ проходитъ незамѣтно.

Но ночь, скрывающая своимъ непроницаемымъ мракомъ равно и красоту, и безобразіе, и порокъ, и добродѣтель, и доброе, и худое, и въ наши времена бываетъ еще свидѣтельницею ночныхъ гаданій. Гдѣ нибудь, въ уединенной комнатѣ барскаго дома, или въ тѣсномъ чуланѣ дворовыхъ помѣщеній, въ банѣ или свѣтелкѣ, нескромный, любопытный глазъ, заглянувъ въ замочную скважину, или дверную щель этой комнаты, не разъ бы увидѣлъ дѣвушку, а подъ часъ и пожилую женщину, блѣдную отъ подавленнаго сна, волненія и страха, одѣтую небрежно, если не полураздѣтую, тихо сидящую предъ зеркаломъ и неспускающую глазъ съ безконечной цѣпи зеркалъ, отражаемыхъ въ завѣтномъ стеклѣ другимъ, наведеннымъ гадальщицею зеркаломъ. Что видитъ она въ немъ? Возможно-ли что нибудь видѣть?.. Говорятъ и утверждаютъ, что многимъ дѣвицамъ удавалось видѣть своихъ суженыхъ такъ ясно, что онѣ мгновенно узнавали ихъ въ своихъ женихахъ, за которыхъ скоро и выходили за мужъ; другіе увѣряютъ, что, гадая объ родныхъ и о близкихъ сердцу, удаленныхъ отъ нихъ за сотни верстъ, удавалось видѣть ихъ въ зеркалѣ, или на одрахъ болѣзни, или въ обстоятельствахъ болѣе пріятныхъ, при такой подробной и отчетливой обстановкѣ, что въ послѣдствіи при замѣчаніи дня и часа, все видѣнное подтверждалось со всею

точностію. Инымъ являлся въ зеркалѣ предвѣстникомъ смерти черный или розовый гробъ, или похоронное шествіе,—и ничѣмъ неразвлекаемая тоска одолѣвала послѣ этого всѣмъ существомъ ихъ. Съ горькою улыбкою на устахъ открывали онѣ близкимъ роднымъ и подругамъ о своемъ видѣніи, впадали въ уныніе, удалялись людей, со дня на день таяли какъ воскъ, и тихо умирали, не переживъ и года послѣ своего страшнаго гаданія.....

Боже мой! какъ скоро летитъ время. Давно-ли было Рождество, а вотъ уже и Новый Годъ прошелъ, не видали какъ прошли Святки, не видали, какъ дожили и до Крещенскаго сочельника. Въ сочельникъ до Святой воды, т. е. до возвращенія отъ вечерни, не ѣдятъ, а вечерня совершается послѣ обѣдни. Заботы святочныя дурачества, всѣ, и старый и малый, идутъ и ѣдутъ въ церковь, и везутъ и несутъ и кувшины, и кувшинчики, и бутылки и полуштофы, для наполненія ихъ святою водою. Около чана, въ которомъ освящалась вода, по окончаніи обряда, бываетъ страшная давка: всякой торопится зачерпнуть святой воды прежде другаго.... Сколько кувшиновъ бываетъ тутъ перебито, сколько воды бываетъ розлито по полу, залито въ рукава, расплеснуто по одеждамъ прихожанъ, и отъ крещенской стужи въ холодныхъ церквахъ быстро застывающей въ ледъ.

Во время освященія воды многіе становятъ особыя свѣчи предъ образомъ Богоявленія Господня. Свѣчи эти, по окончаніи вечерни, берутъ домой и тщательно сохраняютъ за образами: ихъ зажигаютъ только во время сильныхъ грозъ, для отвращенія отъ жилья ударовъ молніи.

Въ старину во многихъ господскихъ домахъ въ этотъ день подавалось за столъ *коливо*, по просту—нынѣшняя деревенская кутья, т. е. разваренная пшеница, подслащенная медомъ. Въ послѣдствіи коливо это замѣнилось *сочивомъ*, кушаньемъ, состоящимъ изъ разваренныхъ въ горшкѣ всякихъ сухихъ домашнихъ плодовъ и ягодъ, варимыхъ съ медомъ или сахаромъ. Это послѣднее блюдо за многими помѣщичьими столами употребляется еще и по нынѣ въ Крещенскій сочельникъ.

Ввечеру въ господскихъ домахъ по обыкновенію служатся всенощныя, а послѣ всенощной, или на другой день послѣ заутрени, на всѣхъ притолкахъ, косякахъ, дверяхъ и шкафныхъ дверцахъ, не только въ избахъ, но и во многихъ господскихъ домахъ,

даже безъ вѣдома и безъ участія господъ, появляются начерченные мѣломъ кресты. Въ день Богоявленія Господня опять и старый, и малый и ѣдутъ, и идутъ въ приходскую церковь къ обѣднѣ; а послѣ обѣдни съ хоругвями и образами открывается торжественное шествіе на Іордань, къ ближней рѣкѣ или ручью, гдѣ бываетъ иногда довольно трудно, не только добраться до воды, но даже до покрывающаго воду льда, занесеннаго сугробами снѣга. Разумѣется, что мѣсто для освященія воды приготовляется заранѣе, раскидываютъ лопатами сугробы, и прорубаютъ ледъ. Нести изъ церкви хоругви и образа на Іордань, или лучше сказать, при всѣхъ установленныхъ Церковію крестныхъ ходахъ, желающихъ изъ крестьянъ всегда бываетъ много: иные заранѣе сговариваются съ церковнослужителями, и тѣ, при раздачѣ образовъ, вручаютъ имъ хоругви или иконы, сообразно изъявленному ими желанію. Замѣчаютъ, что, если во время освященія водъ, Іордань заметается снѣгомъ, или, по-просту сказать, когда въ то время бываетъ *паземка*, или мятель, или обильный снѣгъ валитъ хлопьями, то годъ тотъ будетъ урожаенъ. Очень нерѣдко случается, что кто-нибудь, по окончаніи обряда, раздѣнется до нага, и бросится въ Іордань, въ прорубь, гдѣ при пѣніи «Спаси Господи люди твоя», былъ погруженъ крестъ; разумѣется, что окунувшись разъ онъ сейчасъ же выскакиваетъ изъ воды, накидываетъ тулупъ, стремглавъ бежитъ въ жилье и прямо вскарабкивается на печь, гдѣ обтирается, обогрѣвается и надѣваетъ чистое бѣлье. Кажется, не бывало примѣра, по крайней мѣрѣ, я не слыхивалъ никогда, чтобы кто-нибудь поплатился горячкою, или хоть малѣйшею простудою: все сходитъ благополучно. Мысли, заставляющія рѣшиться на это купанье, бываютъ различны: одни погружаются въ Іорданъ для сохраненія или возстановленія и укрѣпленія здоровья; другіе надѣются этимъ купаньемъ смыть грѣхъ, что, наряжаясь на Святкахъ, принимали на себя подобія бѣса, или по крайней мѣрѣ, тѣшили его.

Въ праздникъ Крещенья, какъ и наканунѣ въ сочельникъ, православные, отправляясь въ церковь, запасаются кувшинами или другой какой посудиной, и, по окончаніи водоосвященія, наполняютъ ихъ изъ Іордани святою водою, и разносятъ по домамъ. Святую Богоявленскую воду тщательно сберегаютъ, приписывая ей чудесное свойство никогда не портиться. Богоявленскую

воду даютъ младенцамъ отъ падучей и многихъ другихъ болѣзней и скорбей, и какъ я въ началѣ еще моего разсказа говорилъ, прибѣгаютъ къ св. Богоявленской водѣ выставляя ее на открытомъ мѣстѣ въ стаканѣ, или чашкѣ, завидя приближеніе градовыхъ тучъ, какъ къ единственному спасенію полей отъ истребительнаго ихъ нашествія.

Отъ Крещенія и до Масляницы, съ молотьбой да съ обозами, да съ домашними заботами, цѣлыя недѣли и не видать какъ проходятъ. Дни начинаютъ прибывать ощутительно. Въ обращенныя на полдень окна, солнце пригрѣваетъ по весеннему, да и вся природа какъ будто подтверждаетъ старинную приговорку, что «время идетъ не къ Рождеству, а къ Великому дню». Масляницу обыкновенно начинаютъ праздновать со Вторника или съ Середы; праздновать въ буквальномъ смыслѣ, т. е. предаваться совершенной праздности или гульбѣ. Первая забота всякаго порядочнаго хозяина предъ наступленіемъ Масляницы запастись гречневой мукой для блиновъ, и рыбой, какой Богъ пошлетъ добыть на базарѣ, рыбой чаще всего самаго крутаго засола, и по большой части бѣлужиной; потому что бѣлужина засольная и дешевле и мясистѣе. Сырная недѣля есть почти единственное время, когда простой деревенскій людъ допускаетъ роскошь—имѣть на своемъ столѣ соленую рыбу. Соленую рыбу варятъ во щахъ; но въ народѣ охотнѣе ѣдятъ ее не вареною, не заботясь даже о томъ, чтобъ рыбу предварительно обмыть, а такъ прямо, какъ была привезена съ базара, изрѣжутъ кусочками въ чашку, да и ѣдятъ съ квасомъ, съ капустой, или солеными огурцами. Употребленіе въ ѣду сырой соленой бѣлужины бывало часто для многихъ семействъ причиною скоропостижной смерти, но подобные примѣры мало имѣютъ вліянія на обычаи народа: *стало быть имъ ужъ такъ на роду было написано* говорятъ они о несчастныхъ, отравившихся рыбою.

Въ Зарайскомъ уѣздѣ, такъ же какъ и во всей матушкѣ Россіи, блины на Масляницѣ ѣдятъ за завтракомъ, а завтракъ въ зимнюю пору у простаго Русскаго народа чуть не до свѣта. Къ Масляницѣ мужички покупаютъ вино, варятъ браги; и въ послѣдніе дни пресыщеніе доходитъ до такой крайности, что можно подумать, будто всякой только и заботится о томъ, чтобъ запасти въ своемъ желудкѣ продовольствіе на весь Великій постъ. Въ

послѣдніе дни Масляной недѣли, послѣ завтрака и послѣ обѣда, запрягаются тройками, парами и одиночками розвальни и пошевни, и въ нихъ бабы и дѣвки, засѣвши цѣлыми кучами, чуть не одна на одну, разряженныя, приглаженныя, катаются, чинно играя пѣсни во все горло. Такъ какъ главная цѣль прокатиться есть не столько исполненіе обычая, сколько желаніе себя показать и другихъ посмотрѣть: то при вопросѣ упитаннаго брагою лѣниво-веселаго повозника *«куда жъ мнѣ, тетеньки, васъ везти?»*, возникаетъ споръ: однѣ кричатъ въ ту-то деревню, другія въ другую, и наконецъ оканчивается общимъ приговоромъ—объѣхать нѣсколько окрестныхъ селеній. Въ какую деревню ни пріѣдутъ, вездѣ веселье, шумъ, пѣсни; народъ съ утра и до ночи съ улицы почти не сходитъ: всѣ гуляютъ, всѣ разодѣты въ лучшіе наряды; у всѣхъ лица сіяютъ удовольствіемъ. Бабы и дѣвки бывшаго экономическаго вѣдомства блестятъ широкими сплошными галунами на кичкахъ и по всей одеждѣ. Въ ушахъ къ сергамъ вмѣсто подвѣсокъ прицѣплены бѣлыя пушки изъ цѣлыхъ заячьихъ хвостиковъ, что чрезвычайно идетъ особенно къ молодымъ, разрумяненнымъ морозомъ, лицамъ. Веселыя толпы прекраснаго пола, въ нарядахъ, въ которыхъ преобладаютъ цвѣта красный и бѣлый, издали походятъ на участки земли, засѣянные макомъ, въ то время года, въ которое макъ бываетъ въ полномъ цвѣту. Крестьяне помѣщичьихъ имѣній любятъ также употреблять въ обиліи красный цвѣтъ во всемъ, что касается до наряда, любятъ также употреблять и галунъ, но только въ меньшемъ количествѣ, предпочитая галуну издѣлія мануфактурныя, какъ-то пунцовые и друхихъ яркихъ цвѣтовъ набивные платки; ситецъ съ разводами на рукава и фартуки; черный плисъ на шубы, хотя и овчинныя, и прочую роскошь новѣйшаго времени.

Въ послѣднее Воскресенье передъ Великимъ постомъ, вечеромъ, всѣ просятъ другъ у друга прощенія, и родные, и чужіе, ежели кто кого чѣмъ-нибудь умышленно или неумышленно обидѣлъ или огорчилъ. Въ нѣкоторыхъ господскихъ домахъ ведется еще до сего времени старинный обычай, что въ этотъ вечеръ дворовые люди обоихъ половъ приходятъ къ господамъ испрашивать христіанскаго прощенія, и поздравлять ихъ съ наступленіемъ Великаго поста, да съ заговѣньемъ *на горохъ да на капусту*. Всякаго, приходящаго *прощаться*, господа цѣлуютъ, и обоюдно просятъ

простить ихъ, ежели когда по слабости человѣческой, или по ошибкѣ, съ кого что либо напрасно взыскали, или неумышленно чѣмъ-нибудь обидѣли. Въ Понедѣльникъ первой недѣли поста крестьянскія бабы-хозяйки замѣчаютъ, къ какому полу принадлежать будетъ то лицо, которое съ утра первымъ войдетъ къ нимъ въ избу; если это мужикъ, то овцы будутъ катить болѣе баранчиковъ, ежели жъ женщина войдетъ первою, ярочекъ будетъ болѣе.

Великій постъ во всемъ православномъ отечествѣ нашемъ преимущественно посвящается покаянію; и потому во все продолженіе Великаго поста въ приходскихъ сельскихъ церквахъ отправляется Божественная служба ежедневно. Это можно сказать вообще, но въ церквахъ приходовъ небольшихъ, малолюдныхъ, служба отправляется только на первой, средокрестной и страстной недѣлѣ. Всякой говѣетъ на той недѣлѣ, въ какую ему болѣе благопріятствуютъ обстоятельства, или въ какую кто свободнѣе отъ дѣлъ; но многіе изъ простаго народа предпочитаютъ говѣть на 1-й недѣлѣ, чтобъ, по ихъ словамъ, въ продолженіе слѣдующихъ шести недѣль отгавливать. Говѣть на страстной недѣлѣ было бы и хорошо, да и разгавливаніе близко, долго ли до грѣха? Пожалуй, останется еще на совѣсти, что, не успѣвъ принять Св. Причастія, въ день свѣтлаго праздника лишнее и съѣлъ, лишнее и выпилъ, и бражки и винца... Не равенъ часъ бываетъ —и выбранишь еще невзначай кого чернымъ словомъ, а это не хорошо... Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, особенно тамъ, гдѣ господскій домъ не въ селѣ, то съ господами въ одно время говѣетъ большая часть дворовыхъ и крестьянъ. Священникъ пріѣзжаетъ служить въ столовой господскаго дома заутрени, вечерни и часы, а въ тѣ дни, когда Церковію положена обѣдня, то за экипажами господъ тянется въ церковь длинный поѣздъ въ саняхъ или телѣгахъ, смотря по погодѣ, и толпы пѣшихъ.

Великій постъ строго соблюдается народомъ. Рыбу ѣдятъ только въ Благовѣщенье, да въ Вербное Воскресенье. Въ Лазареву Субботу разрѣшаютъ только на икру. Разумѣется, эта роскошь далеко не для всѣхъ: ею пользуется только очень и очень зажиточный торговый народъ. Вообще простой народъ въ постъ употребляетъ въ пищу пустыя щи, рѣдьку съ квасомъ, да кашу. Многіе не ѣдятъ даже постнаго масла. Младенцы, отнятые отъ груди,

раздѣляютъ постъ наровнѣ съ большими. Грудью кормить младенца—расчитываютъ не по мѣсяцамъ, или недѣлямъ, а по постамъ: обыкновенно кормятъ грудью три поста, два Великихъ и одинъ Успенскій, или два Успенскихъ и одинъ Великій.

На средокрестной недѣлѣ, въ Среду, пекутъ кресты изъ сдобнаго на постномъ маслѣ тѣста, что соблюдается и въ господскихъ домахъ.

Марта 1-го, на день св. Евдокіи, ежели бываетъ красный день, то и всѣ весенніе праздники будутъ ведрены. Марта 4-го, день Герасима, по народному «Грачевника», прилетаютъ грачи на свои гнѣзда Грачи любятъ вить свои гнѣзда на старыхъ дубахъ, липахъ и другихъ высокихъ деревьяхъ, въ самыхъ селеніяхъ или въ ближайшихъ къ селеніямъ рощахъ. Часто они своими крупными гнѣздами покрываютъ сучья многихъ растущихъ недалеко другъ отъ друга деревъ, и эта воздушная колонія постоянно бываетъ обитаема однимъ и тѣмъ же племенемъ, переходя потомственно отъ поколѣнія къ поколѣнію чрезъ многіе десятки лѣтъ. Нѣкоторые помѣщики, вычитавъ гдѣ-то, что отъ грачей сохнутъ деревья, приказывали разорять ихъ гнѣзда, но крестьяне смотрятъ на этотъ предметъ совсѣмъ другими глазами. Они твердо убѣждены, что, если кто разоритъ гнѣзда для сохраненія деревъ, у того ужъ не одно дерево, а какъ есть вся роща, и не увидишь, какъ изгибнетъ. Вообще Русскій народъ считаетъ грѣхомъ разорять гнѣзда. Ко дню 40 мучениковъ, 9 Марта, по народному повѣрью *«сорокъ птицъ прилетаютъ»*, т. е. возвращается на родину сорокъ породъ перетныхъ птицъ,—и въ числѣ ихъ жаворонки. Въ честь этихъ послѣднихъ, и въ крестьянскихъ, и господскихъ домахъ изъ сдобнаго же тѣста, какъ и кресты, пекутся жаворонки или пичужки. Узоры по головкѣ, крылышкамъ и хвостику, обыкновенно выжимаются или вытесняются ключомъ. Съ этого же времени для другихъ пернатыхъ гостей—скворцовъ устроиваютъ и выставляютъ на шестахъ и на деревьяхъ, ростущихъ возлѣ усадьбъ, скворешницы. Весенняя теплота со дня на день становится ощутительнѣе, и 17 Марта, въ день Алексѣя Человѣка Божія, уже съ *горъ потоки бѣгутъ*.

Марта 19, день св. Дарьи, прозывается Дарьи *нечистыя проруби*, потому что въ проруби на рѣкахъ и прудахъ начинаетъ стекать всякая нечистота. Маріи Египетскія, 1-го Апрѣля, время

идетъ или н *полую воду или на синій ледъ.* Апрѣля 8 Церковь празднуетъ св. Иродіона—*ревучія воды;* а ко дню св. Руфа *«путь рушится»*; 16 Апрѣля празднуется день св. Ирины—*«рви берега»*.

Наконецъ, отъ простуды или отъ другаго чего, захворалъ земледѣлецъ; долго переламывалъ онъ болѣзнь. Нѣтъ мочи, а все таки пойдетъ да помолотится, или съѣздитъ на базаръ, или топоромъ что постучитъ на дворѣ. Лице его пожелтѣло, глаза впали, остались кожа да кости; но ропоту нѣтъ, страданій не слышно. Наконецъ болѣзнь свалитъ его на жестокую постель. Аптекъ и докторовъ въ простомъ народѣ не знаютъ. Попаятъ больнаго травой, натрутъ рѣдькой, попарятъ въ печи, умоютъ съ уголька отъ призора-глаза, и еще кое-чѣмъ вздумаютъ полечить, что часто очень бываетъ ко вреду, по отсутствію воздержанія и предосторожности.

Въ настоящее время многіе помѣщики, съ помощію лечебниковъ и практическаго навыка, занимаются леченіемъ простаго народа. Въ продолженіе лѣта запасаются травами и кореньями, покупаютъ лекарства и на этотъ предметъ издерживаютъ довольно денегъ. Но дѣло не въ деньгахъ. Надобно обладать въ нѣкоторой степени самоотверженіемъ въ употребленіи времени, потому что въ тотъ домъ, гдѣ занимаются леченіемъ, приводятъ, и привозятъ больныхъ по нѣскольку человѣкъ въ день, и что всего несноснѣе, въ разные часы; одинъ или два человѣка въ день случается очень рѣдко. Къ лекарямъ въ города народъ, въ случаѣ болѣзни, обращаться не любитъ и въ этомъ совершенно правъ: положимъ, что лекарь безвозмездно пропишетъ рецептъ, но вѣдь надобно взять лекарства въ аптекѣ. Лекарства,—не по средствамъ простому народу. Двѣ три стклянки микстуръ могутъ лишить мужика возможности заплатить подушныя; но тамъ, гдѣ господа занимаются леченіемъ, тамъ и распросятъ больнаго, и лекарство дадутъ ему даромъ, безъ разбора чей бы онъ ни былъ, и откуда бы не пришелъ: сосѣдній ли помѣщичій, или государственныхъ имуществъ, ближній, или дальній, все равно. Простой человѣкъ такъ боится лекарей и аптекъ, что лучше предпочитаетъ остаться безъ всякаго пособія, чѣмъ ѣхать по болѣзни въ городъ.

Со дня на день слабѣетъ больной; родные и чужіе, приходящіе провѣдать говорятъ ему открыто, по просту: «видно ужъ ты не

встанешь: знать ужъ тебѣ помереть, родимый!», и больной спокойно выслушиваетъ приговоръ этотъ. Болѣе всего торопятся вовремя пригласить священника, исповѣдать, и пріобщить больнаго Св. Таинъ, заботясь о душѣ гораздо болѣе, нежели о здоровьи или жизни. Въ болѣзняхъ продолжительныхъ, особенно когда больной находится долгое время въ трудномъ положеніи, его соборуютъ масломъ съ полной вѣрою, что ужъ если умереть больному, то Господь пошлетъ ему тихій и скорый конецъ; но если больному суждено остаться въ живыхъ, то быстро пойдетъ на выздоровленіе. Есть примѣта, что ежели во время соборованія масломъ трещитъ стѣна, то больной непремѣнно умретъ.

Передъ смертію, больной отдаетъ ключь отъ своей коробѣи, кому довѣряетъ, прощается со всѣми и, отвернувшись къ стѣнѣ, отдаетъ душу Богу, иногда такъ тихо, что никто изъ бывшихъ въ избѣ и не замѣтитъ. Съ такимъ же терпѣніемъ въ болѣзняхъ и съ такою же твердостію умираютъ и женщины. Пока тѣло еще не остыло, а иногда и за полчаса до смерти, умирающаго обмываютъ, надѣваютъ на него чистую рубаху, и кладутъ подъ святыя. Такъ называется мѣсто въ переднемъ углу на лавкѣ. Положатъ головой къ образамъ, и покрывъ холстиной, затеплятъ предъ образомъ восковую свѣчку.

Лишь только кто нибудь въ деревнѣ умретъ, и вѣсть о томъ разнесется по всѣмъ дворамъ, всѣ, и родные и чужіе, спѣшатъ въ тотъ домъ гдѣ лежитъ покойникъ и каждый изъ усердія несетъ въ даръ ему восковую свѣчу: этими-то приносными свѣчами и поддерживается постоянно огонь предъ иконою въ головахъ усопшаго. Но если у кого свѣчи на этотъ разъ въ домѣ не случилось, тотъ, пришедши къ одру умершаго, полагаетъ на столъ грошъ, что считается за одно и то же; потому что пожертвованныя такимъ образомъ деньги употребляются также на покупку свѣчей; и этотъ обычай приносить свѣчи или вмѣсто нихъ деньги, значительно уменьшаетъ расходы, неизбѣжные при похоронахъ. Вдова, мать, или другія самыя близкія покойнику родныя женщины, начинаютъ голосить, т. е. вмѣстѣ съ воплемъ и слезами приговарить на распѣвъ, о своей потерѣ, о своей горькой участи, о душевныхъ и тѣлесныхъ качествахъ умершаго, при чемъ припоминаютъ разныя событія изъ его жизни, его хлѣбосольство, досужество, припоминаютъ послѣдніе его дни и часы, и послѣд-

ніе разговоры. Поголосить надъ умершимъ значить воздать ему должную честь, и потому, кто умираетъ сиротою, не оставляя послѣ себя ни матери, ни жены, ни близкихъ родныхъ, то поголосить надъ нимъ считаетъ своею обязанностію или долгомъ какая нибудь очень дальняя родственница, или даже чужая какая старуха или хозяйка того дома, гдѣ онъ умеръ. Все время, пока покойникъ лежитъ въ избѣ подъ святыми, и до выноса продолжаютъ оплакивать его такимъ образомъ по нѣскольку разъ въ день, то есть, съ отдыхами и кромѣ ночи: отдохнутъ, а тамъ опять начинаютъ голосить и причитать. Между тѣмъ приходскій дьячекъ или пономарь читаетъ надъ покойникомъ псалтирь, за что платятъ ему копѣекъ 50 серебромъ. Сначала онъ бодро принимается за чтеніе, но случается, что въ долгую зимнюю ночь и не выдержитъ: сначала позѣваетъ, а тамъ и уснетъ, особенно, если утомленныхъ печалію родныхъ невольно одолѣетъ сонъ.

Въ день выноса, опять въ тотъ дворъ и избу, гдѣ лежитъ покойникъ, сбираются всѣ ближніе и дальніе для выноса, прощанья и проводовъ, и когда запоютъ вѣчную память, то вмѣстѣ съ этимъ грустно-отраднымъ возгласомъ церкви, разражается и даже заглушается ею, раздирающій безотрадный вопль голосьбы ближнихъ родныхъ бабъ. Причитанья при голосьбѣ бываютъ очень разнообразны, вотъ одно для примѣра:

«Родимой ты сударь мой батюшка!
«Погости ты у меня послѣдній часокъ,
«Послѣднію минуточку!
«Скажи ты мнѣ, батюшка, отколь тебя ждать будемъ?
«Гдѣ дожидаться?
«Гдѣ мнѣ съ тобой—будетъ повидаться?...» и т. д.

Конечно въ подобныхъ причитаньяхъ часто встрѣчаются выраженія условныя, заимствуемыя одними отъ другихъ, но должно сказать, что они не подготовляются и не обдумываются заранѣе, а выливаются прямо изъ груди, мгновенно связанныя мыслію, подъ вліяніемъ скорби истинной, или только по обычаю. Во всякомъ случаѣ обычай свободнаго изліянія печали очень облегчаетъ скорбящихъ, но иногда этотъ необузданный крикъ сильно дѣйствуетъ на нервы и бываетъ причиною продолжительныхъ болѣзней.

По выносѣ изъ избы, гробъ съ покойникомъ опускаютъ на при-

готовленную для этого на дворѣ скамью; и пока священникъ вторично войдетъ въ избу для прочтенія на томъ мѣстѣ, гдѣ покойникъ скончался, очистительныхъ молитвъ, на дворѣ прощаются, и снова раздирающіе душу вопли оглашаютъ деревню. Вышедъ съ гробомъ за околицу и дойдя до перваго распутія или перепутія, или лучше сказать, до мѣста опредѣленнаго во всякой деревни извѣчнымъ обычаемъ, носильщики останавливаются, гробъ снова опускаютъ на землю, и тутъ всѣ, кому обстоятельства и другія домашнія дѣла не позволяютъ быть въ церкви при отпѣваніи и похоронахъ, даютъ покойнику послѣднее цѣлованіе и потомъ, поклонясь низко въ слѣдъ уносимому гробу, снова возвращаются въ ту избу, изъ которой былъ выносъ. Лишь только тѣло покойника изъ избы вынесутъ, хозяйка или денщица, или кто изъ бабъ по свободнѣе, оставаясь дома, немедленно приступаетъ къ дѣлу. Прежде всего торопится подмести и притереть въ избѣ полъ; вымываетъ столъ, лавки и употребленныя для этого дѣла тряпицы и вѣникъ, также солому, на которой лежалъ покойникъ, горшокъ, изъ котораго брали воду при обмываніи его тѣла, гребень, которымъ разчесывали ему волосы послѣ смерти, собираетъ все это вмѣстѣ, относятъ за околицу, и бросаетъ на перепутье или на то мѣсто, гдѣ происходило прощаніе. Возвратясь домой, расторопная баба умывается сама, скидаетъ съ себя все грязное, и надѣваетъ чистое бѣлье, покрываетъ столъ чистою скатертью, ставитъ на него пирогъ, блины и канунъ. Кануномъ зовутъ разваренную пшеницу, облитую разсыченнымъ медомъ. Все это дѣлается на скорую руку, и когда провожавшіе гробъ только за околицу, при вторичномъ приходѣ въ домъ усопшаго, переступятъ порогъ опустѣвшей избы, въ ней уже все на своемъ мѣстѣ, все приведено въ порядокъ, какъ будто ни въ чемъ и не бывало. По предложенію хозяйки помянуть, печальные гости чинно подходятъ къ столу, берутъ по кусочку блина или пирога, погружаютъ въ канунъ, и, пожелавъ усопшему царствія небеснаго, крестятся и съѣдаютъ за упокой его души.

По уходѣ этихъ первыхъ посѣтителей, хозяйка приготавливаетъ обѣдъ для родныхъ, носильщиковъ и могильщиковъ. Священника и дьячковъ въ день похоронъ не угощаютъ, или, по крайней мѣрѣ, это случается рѣдко; но въ церкви имъ даютъ пироги и блины, по большой части одинъ пирогъ, и шесть блиновъ на всѣхъ

За упокой души новопреставленнаго заказывають священнику служить по нѣскольку обѣдень; богатые заказываетъ обѣденъ по десяти, но крестьяне средняго состоянія болѣе трехъ обѣденъ заказываютъ рѣдко. Кромѣ этихъ заупокойныхъ обѣденъ еще справляются и поминки. Поминки эти обыкновенно бываютъ въ 3-й, въ 9-й и 20-й день, еще послѣ шести недѣль или въ 40-й день, и чрезъ годъ. Во всѣ заказанныя обѣдни и поминки, особенно если эти дни совпадаютъ съ праздниками, когда у бѣдни бываетъ много народу, то на паперти при главномъ входѣ въ церковь, около стѣнки, на самомъ виду, разстелятъ платенцо или платокъ, и выставятъ на деревянномъ или каменномъ блюдѣ блины или кусками нарѣзанный пшеничный хлѣбъ, извѣстный подъ именемъ ситника или папушника, да въ чашкѣ разведенный на водѣ медъ-канунъ. Всякій, выходящій изъ церкви, приглашается стоящею при канунѣ бабою всегда почти пожилою, или старушкою одѣтою съ ногъ до головы въ бѣломъ (это народный трауръ), помянуть покойника; и проходящіе останавливаются, ѣдятъ, обмакнувъ въ медовую сыту, предлагаемые куски, крестятся, поминаютъ и молятся за упокой души, часто и не вѣдая,—чьей. Но просьба помянуть покойника не ограничивается только храмомъ, или тѣмъ, кто былъ въ немъ. Поминавшая баба, неся изъ церкви обратно домой остатки кануна и блиновъ, предлагаетъ помянуть своего покойника всякому встрѣчному, и встрѣчный этотъ счелъ бы грѣхомъ не исполнить ея желанія. На третій день въ церковь приносятъ причту блины и канунъ, въ 9-й и въ 20-й дни одни блины, а въ сороковой день заказывается обѣдня и панихида въ домѣ. Къ панихидѣ приглашенные собираются по прежнему съ своими свѣчами, а у кого свѣчи нѣтъ, тотъ несетъ грошъ. Послѣ панихиды хозяйка собираетъ обѣдъ, за которымъ на этотъ разъ уже непремѣнно угощается священникъ и весь причтъ. Поминальный обѣдъ стараются приготовить какъ можно и обильнѣе, и лучше, чтобы всякій присутствующій, кушая въ сласть, искреннѣе помянулъ покойника. Родные убѣждены, что этимъ они доставятъ отлетѣвшей душѣ на томъ свѣтѣ покой и отраду. Послѣ обѣда бываютъ «отпѣвшія чаши». Этотъ обрядъ у крестьянъ совершается такъ: возьмутъ кувшинъ браги, разсытятъ ее медомъ, и священникъ, послѣ пѣнія съ дьячками многихъ печально-отрадныхъ каноновъ, наливаетъ подслащенную брагу въ стаканъ, сперва

самъ пьетъ, а потомъ предлагаетъ и всѣмъ. Всякій въ свою очередь беретъ изъ рукъ священника стаканъ, крестится и выпиваетъ за упокой души усопшаго. Также точно поминки совершаются чрезъ годъ, и также отпѣвается чаша; на прощанье священнику съ дьячками даютъ пирогъ, и три или шесть блиновъ на каждаго, или всѣмъ вдругъ.

Во всѣ мною разсказанные дни поминальные, оставшаяся послѣ умершаго мужа вдова, или дочь, послѣ матери или отца, отправляясь для совершенія поминокъ въ приходскую церковь, выходя изъ воротъ своего двора на улицу, и проходя по деревнѣ по пути къ церкви, голоситъ и причитаетъ во все горло, точно такъ же, какъ и при выносѣ тѣла. Заслышавъ этотъ вопль, собравшіяся гдѣ нибудь для работъ или по другому какому случаю бабы, переглядясь сначала между собою, на минуту примолкнутъ, прислушаются къ голосу, и потомъ промолвятъ: «Это знать Матрена идетъ, по матери сорочины справлять». Еще поминки по покойникамъ бываютъ въ родительскіе дни—а именно: на Ѳоминой недѣлѣ во вторникъ, въ субботы передъ Троицынымъ и Дмитріевымъ днями, и на Пестрой недѣлѣ, что передъ Масляницею, и въ субботы на 2-й, 3-й и 4-й недѣляхъ Великаго поста. Тутъ всѣ, желающіе поминать, приходятъ въ церковь и служатъ общую панихиду, платя всякій, сколько кому по силамъ, или кто что пожелаетъ, разумѣется, по малости, а для причта церковнаго отъ каждой поминающей семьи приносятъ по шести блиновъ и канунъ. Столики, предъ которыми совершаются панихиды въ церквахъ, а иногда за тѣснотою ихъ и приставленныя къ нимъ лавки, въ родительскіе дни, бываютъ совершенно заставлены канунами, принесенными въ разныхъ горшочкахъ, стаканахъ, блюдичкахъ, чайныхъ чашкахъ, и даже въ фарфоровыхъ чайничкахъ съ отбитыми ручками и безъ горлышка, покрытыми и завязанными нерѣдко писанною или газетною бумагою, и съ прилѣпленными къ нимъ пяти-копѣечными или грошевыми зажженными свѣчками; а на паперти и въ углахъ церкви бываютъ кучами навалены узелки и узлы съ блинами и другимъ запасомъ.

По окончаніи панихиды поминавшіе расходятся по кладбищу, разстилаютъ на могилкахъ скатерти, ставятъ на нихъ принесенные въ узлахъ и деревянныхъ блюдцахъ пироги, блины, говядину, драчену, подчуютъ другъ друга, и сами поминаютъ. Между

тѣмъ работникъ батюшкинъ обходитъ по кладбищу съ сѣвалкой, и всѣ поминающіе откладываютъ въ нее кое-что отъ своей печальной трапезы: куски пирога, говядины, драчены,—кто что принесъ.

Сначала на могилу насыпятъ бугорокъ, обложатъ дерномъ и поставятъ деревянный крестъ; но пройдетъ немного годовъ, бугорокъ опадетъ и сравняется съ землею; крестъ распадется и истлѣетъ Еще немного лѣтъ, и уже не знаютъ и мѣста, гдѣ лежитъ земледѣлецъ. Память о немъ мало по малу изчезнетъ въ преданіяхъ, и только до второй ревизіи имя его еще можно будетъ отыскать въ ревизскихъ сказкахъ.

И спитъ земледѣлецъ на Божіей нивѣ, какъ пшеничное зернышко во вспаханной бороздкѣ; и много разъ перепашутся его кости на тѣсномъ кладбищѣ; и много разъ прахъ его смѣшается съ прахомъ поколѣній грядущихъ, пока, по гласу послѣдней трубы, не возродится онъ къ новой купленной земными лишеніями и трудами, лучшей жизни.